

Сломанная собачка

Ирина Бутенко

ИРИНА
БУТЕНКО

Сломанная собачка

Агния прощается с собакой Цацей — и тут же обретает Сая. Проблемный бультерьер, который воет, стоит ему остаться одному... Только вот как сохранить нового друга, когда нервы родителей и соседей уже на пределе, а тебе еще нет восемнадцати — и кажется, что ты ничего не можешь решать сама? Но силы и возможности найдутся, ведь Агния не сомневается: сломанную собачку еще можно починить...

ISBN 978-5-907362-29-1

EAC

Ирина Бутенко

Сломанная собачка

Москва • 2021

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
Б93

Автор обложки Анна Панкратова

Бутенко, Ирина.

Б93 Сломанная собачка : [для сред. и ст. шк. возраста : 12+] / Ирина Бутенко ; [авт. обл. Анна Панкратова]. — М. : Пять четвертей, 2021. — 240 с. — (Само собой).
ISBN 978-5-907362-29-1

Прогулка с собакой Цацей закончилась для старшеклассницы Агнии большой бедой — собаку сбил автомобиль, вылетевший на красный свет. Цаце уже, к сожалению, ничем не помочь, но судьба дала Агнии шанс спасти другую собаку — бультерьера Сая, которого привели усыплять нерадивые хозяева.

В этих невеселых обстоятельствах Агния знакомится с Владом — студентом медицинского университета. Влад кажется спокойным и уверенным в своих силах, но и в его жизни есть проблемы, о которых он предпочитает не рассказывать даже друзьям. В один из дней, когда всё летит кувырком и неудача следует за неудачей, Агния и Влад убеждаются, что нет ничего невозможного, и помощь приходит, откуда ее совсем не ждешь.

Ирина Бутенко — поэт, прозаик и журналист. В старших классах она оказалась перед нелегким выбором — учиться на ветеринара или на филолога. Любовь к текстам победила, и Ирина поступила на журфак. Но привязанность к животным продолжает жить в ее повестях, даря читателю искренность, в которой не приходится сомневаться.

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84(2 Рос = Рус)6-44

© Бутенко И. Н., текст, 2021
© Панкратова А. А., иллюстрация
для обложки, 2021
© Оформление. ООО «ИД «Пять
четвертей», 2021

ISBN 978-5-907362-29-1

Посвящается тете Астрид —
моей первой и самой лучшей собаке

АГНИЯ

Сначала мне показалось, что я споткнулась о какой-то бордюр — хотя откуда здесь бордюр? Если честно, я вообще не успела ничего подумать: время ведь не замедлялось, как в фильмах. Просто р-р-раз — и я уже торчу в открытом люке с растопыренными локтями. Как кот, которого пытаются засунуть в ванну.

Спасибо организму — сообразил, что надо разбросать конечности пошире. Спасибо, дорогой организм! Сегодня же угощу тебя пачкой чипсов!

Я осторожно посмотрела вниз. На дне колодца валялись листья, палки, несколько бутылок. Никакой воды, к счастью. Не удержалась бы — пришлось бы лезть наверх метра три точно. Божечки-кошечки! Какого черта вообще здесь,

посреди кустов и деревьев, какая-то дыра в земле? Да еще без крышки.

На аллее никого не было. И слава богу — значит, никто не видел моего позора. Разве что проезжавшие мимо автомобилисты.

Цаца понюхала мое лицо, повиливая хвостиком. Она явно не понимала, почему хозяйка решила вдруг поиграть в прятки и почему так плохо спряталась.

Надо было выбираться. Я уперлась ногами в стенки колодца и, как переваренная макаронина, перевалила через край. Цаца тут же принялась вылизывать мне подбородок.

Фух! Главное, что я вылезла. Хотя кому я вру — главное, что мимо не проходил никакой доморощенный блогер. Интересно, сколько просмотров бы набрало видео, где я, аки червяк, выбираюсь из-под земли? «Дрожь земли», часть седьмая.

Я поймала поводок, волочившийся за Цацей по листьям. Надо торопиться.

* * *

Вообще я человек везучий.

Хотя с люком, конечно, дурацкая история вышла. У папы с утра что-то срочное на работе

образовалось, и он убежал из дома даже раньше, чем мама со смены вернулась.

Папа работает в местном министерстве здравоохранения. А мама — в роддоме. Вроде бы оба связаны с медициной, но на деле — по разные стороны баррикад. Они сто раз договаривались не обсуждать дома работу, но срываются на второй день.

Я бы и столько не выдержала. Мама говорит, у меня силы воли нет. Не вложили при рождении. Но это неправда. Сила воли у меня есть. Я могу вставать по будильнику. Многим это недоступно.

Вот и сейчас, когда мне надоело слушать «Марш священных коров» БГ на телефоне, я наконец выключила будильник и выползла на кухню. На столе лежала записка от папы. Прошлый век! Не мог мне в мессенджер написать?

Агнешка!
Выведи Цацу на пять минут,
я не успел. Еда в сковородке.
Целую. Папа

Я открыла шкафчик под раковиной, чтобы выкинуть записку в коробку с макулатурой,

но подумала и положила ее обратно на стол. Все-таки это мило. Может, выложить в сторис?

Он пишет — на пять минут. Да пока выманишь Цацу из родительской спальни, целая вечность пройдет! Дрыхнет наверняка на одеялах.

Цаца — прекрасный стратег. Она запрыгивает на родительскую кровать обычно примерно в четыре утра, когда сила родительского сопротивления равна нулю. Всё, на что хватает папы, — это не дать Цаце протолкаться к подушкам.

Ему еще повезло, что она относительно мелкая — мне по колено. Он-то в свое время хотел бернского зенненхунда — это такая примерно сорокапяткикилограммовая тушка с трогательными бровками. Я бы посмотрела тогда, за кем в итоге осталась кровать.

Так, папа писал что-то про завтрак. Я заглянула в сковородку. Там было папино фирменное блюдо — яичница с чем-нибудь. В роли чего-нибудь сегодня выступали макароны, но в другие дни это могли быть картошка, рис, пшенка, гречка...

Один раз в новогодние праздники папа спросонья вывалил на сковородку остатки оливье. Ну, это он так объяснил, что спросонья. Когда увидел мамино лицо. И начал перекладывать салат

обратно в тарелку. А жаль. Интересно было бы посмотреть, что получится.

До уроков час. Надо бы ускориться. Разделавшись с макаронами, я налила себе полстакана грейпфрутового сока. Здоровый образ жизни в моде! Правда, сок был не свежавыжатый, а самый обычный, из тетрапака. Но я не так давно пришла к мысли, что лучше делать что-то редко или не до конца, чем не делать совсем. Поэтому пакет с чипсами теперь растягиваю на два дня. А большую бутылку колы — на три. По-моему, это успех.

Я заглянула в родительскую спальню. Так и есть — Цаца лежит на постели, положив голову на папину подушку. Заметив меня, она спрыгнула с кровати и, цокая по ламинату коготками, подбежала ко мне. Да ну? Даже уговаривать не придется?

Цаца у нас цвергшнауцер. А это значит, что борода у нее длиннее, чем у папы. Интересно, почему бородатой собакой никого не удивишь, а вот бородатой женщиной... Хм, хотя сейчас, наверное, тоже не удивишь.

Я на днях набрела в «Инстаграме» на страничку одной девушки из Индии. Как зовут, не помню. У нее во-о-от такенная борода. Как у боярина какого-нибудь. Настоящая, прикиньте?

Это из-за каких-то нарушений в организме. Она сначала брила бороду, обесцвечивала, но всё без толку. Щетина всё равно лезла.

А потом эта индианка решила просто забить. Сказала, мол, бог создал меня такой и мне всё нравится. И ходит с бородой. И маникюром.

Мне бы ее уверенность в себе. Если бы у меня начала расти борода, меня бы из комнаты не вытаскивали. Сидела бы и орошала ее слезами. Бороду, не комнату.

Хотя можно было бы ее красить в какие-нибудь безумные цвета. В салатовый, например. Или малиновый. Не понравилось — сбрила. Не так жалко, как волосы.

Я взглянула в зеркало. Из-под шапки выбивается сиреневая прядь. Пока единственная. Мне дико хочется себе радужную единорожьё гриву, но не нравится, как выглядят волосы, когда цвет немного смывается.

Мадинка вон решилась. Покрасилась в розовый. Неделю было красиво, а потом — как будто линиялая тряпка. Нет, мне пока достаточно одной пряди.

На улице было на удивление приятно. Вылезло солнце. Я откопала в кармане пару собачьих печенюшек. Времени еще достаточно. Можно пройтись.

Мы с Цацей завернули за угол нашей многоэтажки, прошли мимо трех двухэтажных развалюх с выпадающими кирпичами. Вообще, в них что-то есть. Наверно, какая-то своя домья душа. Они как пожилые аристократки, которые остались без средств к существованию.

У нашей многоэтажки души еще нет. Она новенькая и больше похожа на гигантскую коробку от холодильника. И стены в ней тоже будто картонные: соседей мы слышим отлично.

Через дорогу от «престарелых аристократок» — частный сектор, а перед ним аллея с тополями и вязами. Я ослабила поводок, и Цацка тут же уткнулась носом в какие-то кусты, повиливая своим коротким хвостиком. Кажется, акация. Сгущенкой ей там, что ли, намазано?

Я сошла с асфальтовой дорожки на землю и потянула собакевишну за собой, показав ей печенюшку. Завидев угощение, Цаца сразу напустила на себя вид самой послушной в мире собаки и уселась передо мной. Я сделала еще шаг назад, подманивая ее печенюшкой, — и неожиданно ухнула куда-то вниз.

Дальше вы знаете. Дома еще выяснилось, что я потеряла шапку. Я даже не заметила! Наверное, когда падала. Или, наоборот, когда вылезала. Блин!

Ладно, вернусь за ней после школы. Если она свалилась в колодец, я всё равно быстро ее не вытащу. Как я ее вообще тогда вытащу?

Настроение было испорчено. Кроме того, я обнаружила, что рукава у куртки все черные, а на левом появилась приличная дыра. Такую незаметно не зашьешь.

Расшнуровывать ботинки ужасно не хотелось, и я на цыпочках прокралась к шкафу в своей комнате и вытащила старую ветровку. В ней наверняка будет холодно, но не идти же как бомж, в самом деле.

По своим грязным следам я вернулась к входной двери. Надеюсь, я приду домой раньше мамы. Иначе мне влетит. Надо будет сразу с порога сообщить ей, что она чуть не потеряла в заброшенном колодце единственную дочь. Тогда, может, и обойдется.

* * *

В класс я влетела секунды за три до звонка. Мадинка махнула мне рукой, я кивнула в ответ. Дженевра, сидевшая у окна, что-то читала. Васим ухватил меня за рукав.

— Эй, домашку сделала?

Он сидел передо мной на четвертом ряду. Я — на пятом. Очень удобно. Ненавижу, когда мне пялятся в затылок.

— Сделала, — я аккуратно высвободилась и начала выкладывать из рюкзака тетрадь, ручки, скетч-бук... Татьяна Николаевна опаздывала.

— Покажешь?

Я молча раскрыла перед ним тетрадку.

— Вот черт... — протянул он.

Нам было задано нарисовать скелет любого копытного животного. Я выбрала лося. Полвечера убила на это.

Сначала откопала фотки из зоологического музея. Мы туда ходили с папой пару лет назад и долго тоскливо слонялись среди моллюсков и какой-то многоногой мелкоты. Я уже стала думать, что это самый скучный музей в мире. А потом внезапно оказалось, что всё самое интересное — в следующих залах.

Я часа три провела, фотографируя чучела и скелеты со всех ракурсов, чтобы потом их рисовать. Надеюсь, они правда выглядят так. Вот чучела собак были вообще не похожи на настоящих собак. Таксидермист, наверное, кошатник был.

Дольше всего я провозилась с рогами и ребрами. Там же перспектива, светотени и всё такое.

Васим протянул руку к тетрадке.

— Я срисую, ладно?

— Второго лося? — я отдернула тетрадь.

— Ну-у-у, нарисую без рогов. Будет лошадь, — хмыкнул он.

Я покачала головой, но всё же разрешила.

Пару минут спустя он с довольной физиономией вернул мне тетрадь.

— Уже?

— А то.

— Покажи!

Васим с готовностью продемонстрировал мне кособокий скелет. Судя по рисунку, предполагаемая лошадь вся состояла из больших берцовых костей. Впрочем, ее это не смущало. Она вполне жизнерадостно скалилась. Вещая каурка, блин.

— У лошади в хвосте тоже кости есть, — подсказала я.

— Серьезно?

— Ну, не такие, естественно, а...

Дверь хлопнула, и в кабинет вошла запыхавшаяся биологичка. Мучительно заскрежетали стулья. Десятый «Б» нехотя вставал из-за парт, как отряд зомби.

— Доброе утро, — Татьяна Николаевна улыбнулась. Я почему-то подумала о лошади с Васькиного

рисунка. И, прикрывшись рукой, зевнула. Как там моя шапка...

* * *

Мама ждала в прихожей с веником в руке. Наверное, увидела меня в окно и тут же побежала в коридор.

— Агния, сколько раз я тебя просила...

Началось...

— Мам, — трагическим голосом произнесла я. — Я сегодня в колодец свалилась!

Она округлила глаза.

— Где? Сейчас?

Сработало.

— Нет, с утра, — я не торопилась рассказывать. Надо было поскорее увести маму с места преступления, чтобы она не вспомнила, что собиралась меня ругать. Я сняла куртку и запихнула в рукав шапку: подобрала ее на обратном пути. Лезть в колодец не пришлось, шапка валялась рядом.

— Цела? — мама ощупала мне голову.

— Ага. Только мышцы ноют, — я наконец высвободила ногу из второго ботинка и проскользнула на кухню. Мама — за мной. — Шея и спина немного.

— Так где ты провалилась? — мама усадила меня за стол и достала с полки две чашки.

— На аллее, внизу. Мы с Цацей с утра туда ходили. Там колодец без крышки.

— Стой, а почему ты гуляла с Цацей, а не папа?

Я протянула маме записку, до сих пор лежавшую на столе. Мама быстро пробежала ее глазами.

— Ясно. Так я не поняла, там было невысоко?

— Метра три-четыре. Но я не до конца провалилась. Удержалась на локтях, — я продемонстрировала растопыренные локти.

— Что же ты, не видела, куда идешь? — мама, кажется, успокоилась по поводу моего здоровья и решила корчить из себя строгую родительницу. Ну и ладно, главное, про следы от ботинок забыла.

— Я спиной шла.

— Спиной?!

— Мам, да я просто Цацу тренировала! Вот так: «Ко мне, ко мне!» — я повертела рукой с кусочком невидимой печеньки. В кухню тут же с заинтересованным видом прискакала Цаца.

Обнаружив, что у меня ничего нет, она разочарованно фыркнула и тут же начала окучивать маму, которая как раз принялась делать бутерброды с сыром.

— Сколько раз тебе говорила, будь внимательней, — мама сердито орудовала ножом. — А если бы ты сломала ногу? Или, что еще хуже, руку?

— Э-э-э, стоп! А почему это рука хуже?

— Потому что сломанная нога не мешает делать уроки!

Мама поставила передо мной чашку и протянула один бутерброд. Я тут же сцапала с него сыр и вернула кусок батона маме. Она молча отрезала еще три кусочка сыра.

Надо бы попробовать нарисовать ее акварелью. Красивая у меня все-таки мама.

* * *

Мама — неонатолог.

Обычно все тут же переспрашивают, мол, кто? Темные люди, что тут сказать.

Была бы она патологоанатомом, никто бы не спрашивал. Про них даже ленивые знают.

Мамина подруга — тетя Тая — как раз патологоанатом. Только ненастоящий. Как она сама говорит, «белый». Она мне объясняла, что есть «белые» и «черные» патологоанатомы. «Белые» — это те, которые только с микроскопом работают, всякие ткани изучают. А «черные» делают вскрытия.

Интересно, каково это, когда твоя мама вскрывает трупы?

Папа иногда в шутку называет маму и тетю Таю «ангелом жизни» и «ангелом смерти». Вообще, забавно вышло. Они ведь лучшие подруги. Но мама лечит новорожденных малышей, а тетя Тая выясняет, почему человек умер.

Наверное, в загробном мире тоже есть свои врачи, которые помогают душам только что умерших людей. Какие-нибудь танатопевты или танатопатологи. Подходят такие к душе: «Ну-ка, ну-ка, не дышите, ах да, вы же теперь и так не дышите. Повернитесь. Ага. Угу. Покажите язык. Так, всё понятно. Острая тоска по земному миру. Вот вам капли. Инструкция на упаковке. Да, производитель ООО «Райские кущи». Нет, не подделка, просто упаковка изменилась. Следующий!»

Мама и тетя Тая мечтают, что я тоже стану врачом. Стоит тете Тае прийти к нам в гости, они начинают театральным шепотом обсуждать на кухне, как было бы замечательно, если бы я продолжила династию. Тем более что я учусь в медико-биологическом классе.

Причем каждая ненавязчиво рекламирует свою специальность. Мама давит на то, что мне понравится работать с детьми (с чего бы это?).

Тетя Тая намекает, что, если пойду по ее стопам, мне не придется общаться с надоедливymi пациентами.

Это, кстати, неплохой аргумент. Только я всё равно не собираюсь в медицинский. Я еще в седьмом классе решила, что пойду на биофак. Стану микробиологом. Рост позволяет, ха-ха! Я же мелкая — всего метр пятьдесят пять. Самое то. Чуть крупнее микроба.

Мама знает. И она против. Правда, аргументы у нее постоянно меняются. То она говорит, что меня возьмут в какой-нибудь суперсекретный НИИ и там я уколюсь шприцем с чумой и умру. Или меня укусит зараженная сибирской язвой морская свинка. И я тоже умру. Или, наоборот, меня никуда не возьмут, и я до пенсии буду пробирки мыть. И, видимо, тоже умру — от скуки. Но я все-таки собираюсь рискнуть.

А вот Мадинка хочет на журфак. Говорит, что будет писать для *National Geographic*. Если честно, по-моему, больше шансов, что меня укусит чумная свинка, но я ей об этом не говорю. Пусть пробует человек. Может, в ней проснется талант. Мы с Мадинкой шутим, что я сделаю какое-нибудь крутое открытие, а она обо мне напишет.

А вот Джаневра у нас будущий макробиолог. Ну, это я так шучу. Микробиолог и макробиолог. Она выше меня на две головы и раза в полтора шире. Физрук периодически подъезжает к ней с уговорами выступить за школьную баскетбольную команду, но Джаневра ему всякий раз отказывает — бессердечная! — и он потом ходит всё занятие печальный, как ослик Иа, потерявший свой хвост.

Вообще-то она Женя. Но так вышло, что у нас в классе еще две Евгении. Надо же их как-то различать. Женька подписывалась в соцсетях как Джаневра — вот так и пошло.

Три Жени — это, конечно, сильно. Но бывают и не такие совпадения. У нас в классе сразу две Лизы Кузнецовых оказались.

Я, когда увидела их в списке на зачисление, сначала подумала, что это ошибка. Что секретарь — или кто там эти списки составляет — случайно записала одну Лизу Кузнецову два раза подряд. Но оказалось, что Лиз всё же две. Их преподы по отчеству к доске вызывают. Так и говорят: «А пример нам решит Елизавета Константиновна» или «Что же вы, Елизавета Витальевна, тему не прочитали. Ай-яй-яй». Мне нравится. Можно представить, что мы учимся в какой-нибудь

частной английской школе, где к ученикам обращаются на «вы».

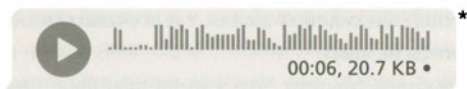
Женька говорит, что у меня красивое имя — Агния. А мне не нравится. Никогда не назвала бы так ребенка. Ну вот какое сокращение вы придумаете к имени Агния? А никакого. Я копалась в словарях, там всякое недоразумение вроде Ага или Агуся. Бр-р...

Мама меня всегда зовет полным именем и бесится, если другие пытаются его сокращать. Даже папин вариант — Агнешка — ей не нравится. Хотя это единственное сокращение, от которого меня не корежит.

Папа хотел назвать меня Виталиком. Ну, когда еще не знал, что я буду девочкой. А потом родилась я, и он подъезжал к маме с вариантами Лиза и Настя, но мама сказала, что только через ее труп. Что она намучилась со своим именем и не хочет, чтобы обращивалось полдвора, когда она зовет дочь. И еще что-то про отсутствие воображения у некоторых.

Бабушка Ира, мамина мама, потом еще возмущалась: «И чего твоей маме всё не нравится. Наташа — хорошее имя».

Из размышлений об именах меня вырвал сигнал телефона. Джаневра скинула голосовое сообщение.

Я скептически посмотрела в окно. Ну, такой себе огонь, конечно. Угольки еле тлеющие.

Утром шпарило солнце и было даже жарко. А теперь на небо напозла гигантская туча. Так и до дождя недолго.

Цокая коготками, по коридору прошла Цаца и села на пороге комнаты.

— Гулять пойдешь? — поинтересовалась я у нее.

Услышав знакомое слово, она завиляла хвостиком.

Ладно, можно и выйти.

— Мам, я с девчонками гулять, — крикнула я в сторону кухни, направляясь в коридор.

— Ты в окно смотрела? — отозвалась мама.

— Я ненадолго. Заодно Цацу выгуляю, пока дождь не начался.

Я обулась, натянула ветровку и вжикнула молнией. Но что-то пошло не так, и обломанный кусок бегунка остался у меня в руке. Да что ж такое

---

* Мы гулять! Ты с нами? Погода — огонь! Мадинка Локи возьмет. Встречаемся у «синенького».

у меня с одеждой творится?! Я попыталась двумя пальцами подтянуть бегунок повыше, но он шел туго.

С минуту я думала, глупо ли идти на улицу в наполовину застегнутой куртке или нет. Цацка — уже в ошейнике — топталась на пороге. Ладно, надену еще снуд, чтобы не замерзнуть.

Дженевра в своем любимом клетчатом пальто ждала меня, переминаясь с ноги на ногу у ярко-желтой стены продуктового магазинчика — того самого «синенького». Синеньким он был лет десять назад. С тех пор его успели раза три перекрасить, но прежнее название уже прилипло.

— Приве-е-ет! — пропела она и тут же присела на корточки. — Привет, моя хорошая!

Цацка беспардонно наступила Женьке грязной лапой на колено и лизнула ее в щеку.

— Ай ты моя девочка, — Дженевра, кажется, даже не заметила. Она гладила довольную Цацу по лохматой голове. Наобщавшись с собакой вволю, Дженевра наконец переключила внимание на меня. — О, ты нашла шапку!

— Ага.

— В колодце?

— Не-а, рядом валялась. На меня прохожие пялились. Наверное, подумали, что я наркоманка

какая-нибудь, по кустам шарюсь и ищу непонятно что.

Дженевра расхохоталась.

— По-любому! — заявила она. — А ты чего на-распашку? Жарко?

Я одернула снуд.

— Собачка, что ли, сломалась? — добродушно заметила Дженевра.

— Кто?

— Ну, собачка, — она ткнула меня пальцем в район груди. — Бегунок.

— Да-а, там отлетела одна штука. Папа вечером починит. О, смотри, вон Мадинка!

Дженевра оглянулась. Мадина со своим лабрадором Локи на поводке переходила дорогу. Как всегда, в белых кроссовках. У нее то ли три, то ли четыре пары.

Как вообще можно ходить в белых кроссовках? У меня есть одни белые кеды. Когда я в них, обязательно в первые пять минут мне кто-нибудь наступает на ногу, и они перестают быть белыми. Обычно этот кто-то — я сама.

Дженевра кинулась обнимать Локи. Она давно мечтает о собаке, а у ее мамы аллергия.

Но у Дженевры есть план. Она выйдет замуж, съедет от родителей и заведет себе ирландского вол-

кодава и таксу. Мы как-то поинтересовались, что она будет делать, если у ее мужа тоже будет аллергия, но Женька так свирепо сверкнула глазами, что стало понятно: это будет исключительно его проблема.

Мы вышли на аллею и отпустили собак, чтобы те поиграли. Цаца припадала на передние лапы и изображала из себя невинную овечку. Но стоило Локи купиться, как коварная овечка тут же превращалась в тигра, отнимала у него мячик и вообще всячески доминировала. Собачья феминистка.

— Локи скоро будет папой, — торжественно объявила Мадина. — Нам звонила хозяйка собаки, к которой мы возили его на вязку.

— О-о-о, щеночки, — протянула Дженовра.

— Нам одного должны отдать — алиментного, — объяснила Мадина. — Остальных хозяйка продаст.

— А вы себе оставите? — поинтересовалась я. — Цацка, отдай Локи мячик!

Цаца виновато взглянула на меня и повернулась задом, по-прежнему держа мячик в пасти.

— Не, зачем нам еще? Тоже продадим, — махнула рукой Мадина.

— А почему? — как бы невзначай поинтересовалась Дженовра.

— Ты же хотела ирландского волкодава, — вмешалась я.

— Я просто спросить! — Джаневра метнула в меня молнию глазами.

Мадина сказала.

— Серьезно?! — Джаневра поперхнулась воздухом.

— А что ты хотела? — Мадинка закатила глаза. — Локи вообще-то чемпион Европы.

— Жень, ну ты представь — щенков же кормить нужно, все прививки им делать, документы оформлять, — вступилась я.

Джаневра ковырнула носком ботинка землю.

— И, напоминаю, ты всё равно хотела волкодава.

— И таксу, — не глядя на меня, добавила она.

— Копи, — хохотнула Мадинка.

Джаневра помрачнела. Это Мадинка, конечно, зря. С другой стороны, она же не знает. Мне Джаневра по секрету рассказала.

Она еще в прошлом году начала копить на собаку своей мечты. И, в общем-то, так удачно начала. И деньрожденьские отложила, и бабушка что-то ей подкинула, а потом еще три месяца она подрабатывала — раздавала листовки перед каким-то суши-баром. В общем, набралась неплохая сумма. Не на ирландского волкодава, конечно, но на половину таксы. А потом деньги пропали.

Дженевра сначала подумала, что это я или Мадинка. Ну не дурында ли?

Начала себя вести как Шерлок Холмс. Задавала странные вопросы. Когда я пришла в школу с новым рюкзаком, она со мной разговаривать перестала! А вечером разревелась дома, и тут выяснилось, что деньги взяли родители. Отцу срочно понадобилась какая-то запчасть для авто.

Они еще и пристыдили Женьку, мол, мы одна семья, нам на тебя денег не жалко, а ты... Потом пообещали вернуть — через месяц. Не вернули, конечно. Родителям вообще нельзя деньги давать — тратят их на всякие важные, как они думают, вещи. Какие-то дурацкие кухонные комбайны, увлажнители воздуха, новые стулья... Кому они вообще нужны? Лучше бы съездили куда-нибудь.

Я вот хочу на озеро Блед. Есть такое в Словении. Или Словакии, забыла. Там вокруг озера — горы, а прямо посреди него — остров, на нем храм с высокой башней. Туда можно на лодке доплыть. И прямо от воды к башне ведет лестница в сотню ступенек. Как бы я хотела этот вид нарисовать...

А мама говорит, что всё это просто бред. Блед — бред. Что лучше в Карелию съездить, там озера не хуже. Но в карельских озерах нет таких островов.

— Не обязательно много денег, — заметила я, решив поддержать Дженевру. — Породистых собак, бывает, пристраивают, когда от них хозяева отказываются.

— Я щенка хочу, — негромко сказала Дженевра. Глаза ее под густой челкой блеснули.

К моему удивлению, Мадина ее поддержала.

— И правильно. По объявлениям вообще непонятно, какие собаки. Наверняка больные или еще хуже — психические.

— Почему психические? — нахмурилась Дженевра.

— Ну, их же не просто так отдают, — Мадинка откинула волосы с лица. — Бр-р, ветер какой! Может, они покусали уже кого-то.

— Н-ну.... — неуверенно протянула Дженевра. — Не обязательно. Может, у детей аллергия?

— Не знаю, не знаю, — с сомнением заметила Мадина. — Лучше брать щенка.

— Не скажи, — возразила я. — Цаца, когда маленькая была, слопала у мамы три пары обуви. А потом еще телефон сожрала. Мама просыпается посреди ночи, а по комнате светящаяся пасть прыгает. Это у Цацки телефон в зубах светился.

— Ужас! — Мадинка прикрыла рукой глаза.

— А то. Мама чуть не поседела.

— Не, я про телефон. Новый был?

— Ну, папа ей всё равно взамен другой купил. Но мама кричала, что отвезет Цацу на рынок и продаст.

— Да не отвезла бы...

— Наверное. Но она вообще не собачница.

— Как можно не любить собак, — задумчиво заметила Дженовра. — Ой! — на нос ей упала большая капля воды. Мадинка тут же накинула на голову капюшон.

— Домой! — скомандовала я Цаце и взяла ее на поводок.

Дождь накрапывал всё сильнее. Я втянула голову в плечи в надежде, что так станет теплее, и ускорила шаг. Бегунок на куртке сполз еще ниже, и теперь я шла практически нараспашку. Цаца с недовольным видом семенила рядом. Она никогда не любила гулять в сырость. Если попытаться вывести Цацу из подъезда, когда идет дождь, у нее сразу становится такой вид, словно город затопило и вода плещется уже под окнами второго этажа. Может, у нее в предках была Муму, и это говорит генетическая память.

Мы добежали до дороги. Для нас красный свет. Дождь тем временем припустил еще сильнее.

Светофор замигал. Большой белый рено плавно притормозил перед пешеходным переходом.

Люблю таких водителей. Ужасно нервирует, когда тебе надо переходить дорогу, а машина продолжает ползти к «зебре». А там, где светофора нет, вообще весело — стоишь как дурак и ждешь, остановится кто-нибудь или нет. Почему-то водители внедорожников пропускают меня чаще других.

Зеленый. Шея противно ныла. Чтобы посмотреть налево и направо, мне пришлось поворачиваться всем корпусом. Рено не двигался с места. Я потянула Цацу за поводок. Сейчас в подъезд зайдем, и надо маме звякнуть, чтобы воды в ведро набрала — помыть Цаце лапы.

Молния на куртке совсем разошлась. Налетевший порыв ветра распахнул ее, и я прихватила края свободной рукой.

Вдруг раздался вскрик, и я краем глаза заметила, что на нас, громко сигналя, несется серебристый автомобиль.

Ну всё.

Я всегда была уверена, что успею среагировать в такой ситуации. Что или шагну назад, или подпрыгну и, как супергерой, пробежусь по капоту и крыше машины. Что я хоть что-то успею сделать!

Но меня словно приморозило к месту. Одна моя половина хотела ломануться вперед,

вторая — назад. А в итоге я не смогла сделать ни шагу.

Раздался противный визг тормозов. Водитель авто резко крутанул руль, едва не врезавшись во встречную маршрутку. В итоге серебристый снаряд пронесся в считанных сантиметрах от моего тела. Меня не задело.

А вот Цацу...

Поводок буквально вырвало у меня из рук. Цацка взлетела в воздух, как лохматый футбольный мяч, и упала на асфальт перед маршруткой. Вскочила на ноги, но как-то криво, и кинулась на ту сторону дороги.

— Цаца, стой!

Но она не слышала. Добежав до тротуара, упала. Потом снова вскочила на дрожащие ноги и опять упала.

Я наконец смогла двигаться и кинулась к ней.

— Цаца! Цапочка!

Она вся дрожала и поскуливала. Я попыталась взять ее на руки, но Цаца взвизгнула. Мне стало по-настоящему страшно.

Хлопнула дверь машины. Я подняла голову. Серебристый автомобиль остановился, но водитель не торопился выходить. Маршрутка тоже стояла, хотя для нее уже был зеленый. Ко мне вдруг

подбежал незнакомый молодой человек в капюшоне.

— Как он? — парень дотронулся до дрожащей Цацы.

— Это Цаца, — выдавила я.

— Хорошая девочка, — парень провел ладонью по жесткой шерсти Цацы. — Снимай куртку, — неожиданно скомандовал он.

— Что? — я совсем растерялась.

— Курткуними, надо собаку положить, — терпеливо пояснил парень. — Поедем в ветеринарку, — он показал на белый рено, который так и стоял перед пешеходным переходом. Его с недовольным гудением объезжали другие автомобили. Мимо проехала маршрутка. Все пассажиры глазели на нас, как туристы на достопримечательность. — Номер я сфоткал.

Я тупо смотрела на парня. Намокшие пряди свесились мне на лицо.

— Номер этого уroda, — пояснил он. Потом взглянул на меня еще раз и начал стягивать с себя толстовку. — Ты останешься тут разбираться? Мы можем забрать пока собаку, только номер свой дай.

— Не надо, — я наконец очнулась и сняла куртку. Парень расстелил ее на земле и аккуратно

уложил Цацу. Та почему-то не сопротивлялась. Только продолжала дрожать.

Он поднял Цацу и осторожно понес к автомобилю. Я, как во сне, шла следом. Нам же был зеленый свет! Зеленый!

— Садись, — предложил мой спутник и сам первым втиснулся на заднее сидение.

Я послушно залезла следом. За рулем сидел лысоватый мужчина в очках. Он обернулся через плечо.

— Живая?

— Угу, — кивнул парень.

— В какую клинику везти?

— Давай на Московскую.

— А как же... — я вспомнила о водителе серебристого авто. Машина так и стояла посреди дороги. Никто из нее до сих пор не вышел.

— Не волнуйся, у нас всё записано на видеорегистратор. Пап, поехали.

Мужчина крикнул и дернул ручку переключения скоростей. Машина тронулась. Цацка притихла в куртке. Я дотронулась до ее мордочки. Она облизала мне палец и тихо заскулила. Я почувствовала, как внутри всё сжимается.

Пару минут мы ехали молча. Парень снял капюшон. Я мельком посмотрела на него. У него были короткие темные волосы и тонкий нос

со следом от очков на переносице. Он заметил мой взгляд.

— Влад, — представился он.

— Владислав Тимофеевич, попрошу! — отозвался с водительского места мужчина.

— Папа! Не сейчас, — негромко попросил парень.

— Простите, хотел немного развеять атмосферу, — виновато заметил водитель, глянув на нас в зеркало заднего вида. — Неудачно.

— Агния, — сказала я. — Я Агния.

— Очень приятно, Агния, — отозвался мужчина. — Правда, такие обстоятельства знакомства несколько удручают, мдэ... Меня зовут Тимофей Петрович. Агния, простите за неудобный вопрос: у вас есть родители?

— Есть, конечно.

— Думаю, вам стоит им позвонить.

Как я сама не додумалась! Я чувствовала, что у меня в голове как будто колышется желе. Я потянулась в карман за телефоном и тут сообразила, что он в куртке. Чтобы достать его, надо потревожить Цацу. Я замерла в нерешительности.

Тимофей Петрович, мельком взглянувший на меня в зеркало, воспринял это по-своему.

— Забыли? Возьмите мой, — он вытащил из кармана телефон и, не оборачиваясь, протянул мне. — Номер помните?

Меня бросило в жар. Желе в голове злорадно колыхалось. Но потом, к моему облегчению, в желеобразной массе проступили знакомые цифры. Я прижала телефон к уху.

— Да?

— Пап, привет. Это я.

— Чей это номер? — напрягся папа.

— Пап, мы... Цацу машина сбила.

— Вы где? — резко спросил папа.

— В ветеринарку едем.

— Вы с мамой?

— Нет. Мне тут... помогли.

— Что с Цацей?

— Я не знаю. Она скулит. И что-то с лапами. Я не виновата. Мы на зеленый... — я почувствовала, что сейчас расплачусь.

— В какую клинику вы едете? — перебил меня папа.

— На Московской.

— Это где там?

— Возле школы.

— Я сейчас буду, — коротко сказал папа и повесил трубку.

Я протянула телефон Тимофею Петровичу.

— Папа сейчас приедет.

— Это хорошо, — одобрительно кивнул он. — Так. Сейчас найду, где припарковаться.

— Лучше высади нас у входа, — подал голос Влад, — чтобы под дождем не идти.

Тимофей Петрович послушно вывернул к обочине. Влад, бережно придерживая Цацу, выбрался из авто. Вслед за ним выкарабкалась я.

— Спасибо, — сказала я Тимофею Петровичу.

— Да я не уезжаю. Только машину брошу и пойду, — отозвался он.

Дождь продолжал лить, хотя уже не так сильно. Я придержала дверь для Влада с Цацей на руках. Даже не знаю, почему я не попыталась забрать у него свою собаку. Но он так уверенно держал ее... У него она даже почти перестала скулить. Я боялась, что если возьму ее на руки, то ей будет больно.

В холле на лавочках сидели пенсионерка с кошачьей переноской на коленях, девушка с подрывающим спаниелем и семья — мама, папа и сын с щенком овчарки, который тут же кинулся ко мне со звонким лаем и чуть не укусил за щиколотку. Все члены семейства разом схватились за поводок и подтянули недовольного щенка к себе.

Влад с Цацей проскользнул прямо к стойке администратора.

— Собаку сбили, — коротко сказал он. — Кажется, задние лапы повреждены.

— Ваша? — администратор внимательно рассматривала Цацу.

— Нет. Девушки, — он мотнул головой в мою сторону.

— Хирург пока занят, — задумчиво проговорила девушка. — Сейчас уточню, что можно сделать.

Влад кивнул. Я проглотила застрявший в горле колющий комок, но стало еще хуже — он как будто застрял в районе груди. Было больно дышать.

Мы присели на стоящие возле стены стулья. Девушка со спаниелем с нескрываемым сочувствием смотрела на Цацу.

Занят... Хирург занят... Я почему-то представляла, что стоит нам войти в двери клиники, как толпа врачей сразу кинется спасать Цацу. Чем он вообще так занят? Когти какому-нибудь коту подстригает? У меня же тут собака умирает!

Умирает... От этой мысли мне стало совсем страшно. Я коснулась головы Цацы рукой. Она тихонько заскулила.

— Всё будет хорошо, — сказала я чужим голосом.

— А сколько ей лет? — спросил Влад.

— Семь, — машинально ответила я. И немедленно пожалела. Сейчас наверняка скажет, что она уже пожила, посоветует купить щенка...

— Нестарая еще собака, — заметил он. — Выкарабкается.

Дверь открылась, и в клинику быстрым шагом вошел папа, а следом за ним Тимофей Петрович. Папа был, как обычно, в костюме. В министерстве их не заставляли соблюдать дресс-код, но папа всегда говорил, что строгая одежда настраивает его на рабочий лад, а в джинсах ему хочется сбегать к нам домой. Я тогда попросила его почаще надевать джинсы.

— Вы еще тут? — удивился, увидев нас в коридоре, отец Влада.

Папа оглянулся на него:

— Это вы привезли их сюда? — спросил он.

Тимофей Петрович кивнул.

— Благодарю, — папа протянул ему ладонь.

Тимофей Петрович ответил крепким рукопожатием.

— Вы почему тут сидите? — повернулся он к Владу.

— Сказали подождать, — тихо ответила я.

— Да что за люди! — возмутился Тимофей Петрович. — Тут собака сейчас концы отдаст, а они... Девушка!

Он пошел к стойке администратора. Папа наклонился над Цацей, протянул руки, и Влад аккуратно передал ему собаку. Цацка, увидев хозяина, слабо завиляла хвостиком. Папа присел на свободный стул рядом со мной и погладил ее по голове.

— Как это случилось?

Я хотела что-то сказать, но смогла только через силу сделать вдох.

— Какой-то ненормальный летел на красный свет, — спас меня Влад. — Едва не сбил... Агнию, — он слегка притормозил на моем имени, но так делают многие. Я привыкла. — Мы с отцом видели. Есть запись.

Папа покопошился во внутреннем кармане куртки.

— Вот моя визитка. Пришлете на этот адрес? — спросил он у Влада.

Тот кивнул.

— О, вы в минздраве работаете, — бросив взгляд на визитку, заметил он. — Я в меде учусь.

— Хорошо, — немного рассеянно отозвался папа. Он осторожно залез рукой в гнездо из моей куртки, в котором лежала Цаца, и дотронулся

до ее задних лап. Цацка взвизгнула. Папа по-мрачнел.

Мимо нас к выходу прошел высокий дядька с огромным алабаем в наморднике, на голове которого красовался свежий шов.

— Малыш ты мой, — приговаривал мужчина, поглаживая медвежью голову пса. — Маленький.

— Проходите! — девушка-администратор выглядела недовольно, зато у Тимофея Петровича был торжествующий вид.

Папа поднялся на ноги, бережно держа Цацу. Я в последний раз взглянула на Влада.

— Удачи, — сказал он.

Я хотела сказать спасибо, но промолчала.

Влад

— У

дачи, лягушатники, — Антон подмигнул и поспешил вниз по лестнице.

Сегодня мы занимались в старом корпусе: здесь высоченные потолки с лепниной, балконы, на которые нельзя выходить, и нещадно дует из окон. Большинство студентов уже подтянулись к дверям в аудиторию, но мы заняли любимое место у окна на лестничной площадке.

Карина закатила глаза.

— Можно подумать, сам практикующий хирург...

— Эй, золушка, стой! — заорал вдруг Сашка.

— Чего-о? — Антон уже успел преодолеть один пролет. Лицо у него было недовольное.

— Бахилу потерял!

Чертыхаясь, Антон вернулся за синей «туфелькой», оставшейся на ступеньке.

— Дал бог тьютора, — проворчала Карина, пыта-
ясь заправить волосы под медицинскую шапочку.

— Да нормальный тьютор, чего ты? — добро-
душно вступился за Антона Сашка. — Помнишь,
как он с нами нянчился, когда мы еще перваками
были? И в волейбол, кстати, здорово играет.

— Ненавижу волейбол, — Карина явно была
не в настроении. — Только и думаешь, как бы те-
бе мячом в лицо не прилетело.

— Баскетбольшим большее, — резонно заметил я.

— Не, Влад. Больнее футбольным, — отозвал-
ся Стас, который сидел на подоконнике и листал
справочник по физиологии. — Зуб даю.

— А это идея, — воодушевился Сашка. — Шка-
ла боли. Мячик для пинг-понга — один балл, для
большого тенниса — два...

— А в Штатах, кстати, лягушек под наркозом
режут, — Стас перевернул страницу.

— Я была бы не против, если бы мне дали нар-
коз сегодня, — вздохнула Карина, наконец спра-
вившись с шапочкой.

— Резать боишься? — деловито уточнил Стас,
снова отрываясь от книги.

— Лягушек боюсь.

— О-о-о, — Сашка сунул руки в карманы халата. —
Я слышал, в МГУ один студент биофака отказался

резать лягушек и потребовал от деканата альтернативных вариантов. Там вроде даже до суда дошло.

— И как? — с надеждой уточнила Карина. — Разрешили?

— Отчислили.

Стас многозначительно хмыкнул.

— О, идет, — вдруг вполголоса проговорил он и сполз с подоконника. Я оглянулся.

По лестнице с ноутбуком и какой-то коробкой в руках поднималась Анна Марковна.

— Здравсьте! — жизнерадостно поздоровался с ней Сашка. Остальные вторили нестройным эхом.

— Добрый день, — кивнула она и окинула Сашку оценивающим взглядом. — Коселовский, поддержишь?

Сашка с готовностью протянул руки. Открыв дверь кабинета, Анна Марковна забрала у Сашки ноут и коробку и первой зашла в аудиторию. Следом нехотя потянулись студенты.

Я поспешил занять любимое место у окна в третьем ряду. Не слишком далеко, не слишком близко. Рядом плюхнулся Стас, позади уселись Карина с Тоней.

— А где лягушки? — вполголоса поинтересовалась Карина, копаясь в сумке в поисках ручки. — В этой коробке, что ли?

— Ага, — обернулся к ней Стас. — Сейчас коробку откроют, и они ка-ак разбегутся по аудитории!

Каринка несильно треснула его по голове тетрадью — в твердой, между прочим, обложке.

— А ты знаешь, что лягушка-бык может достигать во-от таких размеров? — не унимался Стас, разводя руками чуть ли не на полметра.

— Не трынди, — состроила скептическую физиономию Карина. — Да где же она?

— Карин, тише, сейчас лекция начнется, — одернула соседку Тоня. — Вот, держи запасную, — она протянула ей шариковую ручку.

— Спасибо, — буркнула Карина и наконец убрала сумку на подоконник.

Анна Марковна тем временем закончила возиться с ноутбуком, и на большом экране в углу аудитории появилась надпись «Нервно-мышечный аппарат».

— Еще раз доброе утро, — громко заговорила она и сделала паузу, дождавшись, пока все разговоры стихнут. — Запишите сегодняшнюю тему.

— А лягушек сегодня резать будем? — подал голос Сашка.

— А очень хочется, Коселовский?

— Ага, — честно признался он.

Сашка с первого курса грезит хирургией. В этом году даже в специальный кружок пошел. Штопает там виноградины и бананы.

Мне бы тоже надо, но со временем пока полный швах. Ложусь в час, встаю в шесть. На следующее утро — всё по новой. И пятнадцать сообщений от Ники. Она раньше трех редко ложится.

— А остальные? — Анна Марковна обвела аудиторию взглядом.

Энтузиастов больше не нашлось.

Анна Марковна взмахнула рукавом своего безразмерного кардигана, как царевна-лягушка.

— Если ты достанешь лягушку для практикума, я, так и быть, обещаю провести для тебя индивидуальное занятие. Однако сегодня мы с вами обойдемся подробным видео. Итак...

Я услышал, как Каринка у меня за спиной шумно выдохнула.

— Слава богу...

Физиология была последней парой на сегодня. Я стоял у дверей аудитории, поджидая Сашку.

Наконец тот появился, уткнувшись в телефон. Я бросил взгляд на экран. Сашка гуглил адреса зоомагазинов.

— Не-е-ет, только не говори, что...

— Именно! Она обещала индивидуальное занятие! — Сашка сдвинул светлые брови.

— Да пошутила она!

— Теперь уже неважно. У меня полпотока свидетелей, — он был настроен решительно.

— И не жалко тебе ее?

— Кого? Лягушку?

— Нет, блин, Марковну!

— Слушай! — взвился Сашка. — Ну надоели мне уже эти виноградины! Мать мне тренажер достала — пишут, что по всем параметрам как человеческое тело. Но это не то! Я хочу себе доказать, что хирургия — это мое. Мое! Что нет страха перед живым организмом!

— Эй, чего разорался? — из кабинета вынырнул Стас с рюкзаком на одном плече. Он хлопнул Сашку по плечу. — Докажешь ты всё. Только лягушки тут при чем? Ну, рисуй на своих бананах и помидорах оружие рожи, для натуралистичности.

— Не смешно, — процедил Сашка. — Вот представь, пришла твоя бабушка ко мне на операцию, а я ей: «Марьиванна, давайте я лучше апельсин вскрою!»

— Та-а-ак, бабушки — это удар ниже пояса. — Стас поцокал языком. — Верно, Влад?

— Угу, — поспешно буркнул я. — Пойдемте уже, а? Есть хочется.

— Сегодня без меня, — тряхнул волосами Стас. — Я сейчас за систер, а потом пропедевтику еще зубрить...

— Сань, идешь?

— Угу...

Я плюхнул свой поднос рядом с Сашкиным. У нас был час до его электрички, чтобы перекусить и проветрить мозги.

Сашка шарил ложкой в тарелке с витаминным салатом, не отрываясь от телефона.

— Присмотрел лягушку?

— В процессе...

Из Сашки выйдет хороший хирург. У него нет проблем — одни задачи, которые он всегда решает. Кроме того, с внешностью ему подфартило. Нет, я не то чтобы ценитель мужской красоты... Тут дело в другом. Когда ты такой, как Сашка, — ростом метр девяносто — или сколько там? — и габаритный, как шкаф. А если он еще не побреется недельку... Так и вижу, как пациенты встречают его в коридоре: «Александр Максимович, разрешите вопрос...»

Вот Стасу в этом смысле не повезло. Его до сих пор за школьника принимают. Недавно даже

в кино не пустили на сеанс 18+. Он паспорт, как назло, забыл, а администраторша жутко принципиальная попалась. Стас хотел устроить скандал, но Сашка его утащил. Он ненавидит всякие там выяснения отношений.

Но кино еще ладно. На прошлогодней практике от Стаса пациенты шугались. Думали, что чей-то сынок-школьник белый халат нацепил. Не давались на укол, вопили, чтобы им выдали нормального врача. В итоге Стас всю практику полы драил в отделении.

Мне повезло больше. И Сашке тоже. Нас в хирургическое отправили. Сашка сначала прыгал от радости и даже договорился с нашей руководительницей, что его пустят в операционную. Просто посмотреть, конечно. Но так и не пустили.

С другой стороны, не пришлось с тряпкой по отделению елозить. Делали уколы — и в мышцу, и подкожно. Мои пациенты пару раз пытались возражать, а вот Сашкины покорялись без разговоров. Говорю же, у него внешность что нужно.

Зато мне потом одна тетка сказала, что у меня рука легкая. И я не понял до конца, но вроде даже глазки строила. Я, конечно, сделал вид, что жутко занят, и тут же свалил. А потом ее выписали, слава богу...

Верх пилотажа — это когда капельницу решили поставить. Страшненько, боялся, что руки дрожать будут, но ничего. Оказалось, жить можно.

Я тут недавно размышлял, зачем идут в медицину. Вот в психологи — понятно, чтобы разобраться, чем собственных тараканов травить. На какой-нибудь филфак — чтобы найти потом непыльное местечко, чтобы не пришлось что-то руками делать. А в медицину... Часто говорят, что это призвание. Вроде как чувствуешь, что это твоя миссия — спасать людей.

Поэтому, даже если предупреждают перед поступлением — а меня предупреждали! — что некоторых пациентов захочется не спасать, а, наоборот, пристукнуть, — не веришь. У тебя же миссия! Дело жизни.

Но, я думаю, всё не так. На лечфак идут те, кто хочет чувствовать себя нужным. И призвание тут ни при чем. Просто подкармливаешь свое эго.

Мне кажется, все, кто поступает в мед, втайне мечтают, что нечто такое случится на их глазах и люди будут кричать: «Помогите, спасите! Есть здесь врач?!» И тут появишься ты. Тихо, но решительно скажешь: «Я врач», — и, конечно, сделаешь всё как полагается. И потом тебя сто раз

отблагодарят и назовут твоим именем какого-нибудь ребенка — внука, там, или племянника.

Я вот еще на первом курсе собрал мини-аптечку для всяких экстренных случаев и таскаю с собой в рюкзаке. Антигистаминка, для сердца, антисептики... Надо бы, кстати, проверить, не просрочились ли. Пока только пластыри пригодились.

— Влад! — Сашкин голос отвлек меня от размышлений.

— Ая?

— Чего не ешь?

Я машинально вгрызся в булочку с сосиской. Сосиска была уже полежавшая, чуть сухая.

Мы сидели в студенческой кафешке, через дорогу от нашего корпуса. Кафе называется «Дикий Жора»: то ли с намеком на вечно голодных студентов, то ли владельцев кафе что-то связывает с неким Жорой.

Заведение небольшое, с простыми деревянными стульями и креслами, обитыми кусками джинсовой ткани — кажется, раньше это были чьи-то джинсы.

Студенты и редкие преподаватели сновали туда-сюда с подносами, бурчала кофемашина —

мы с Сашкой обходились растворимым из паке-
тиков, — а со стены возле нашего столика улы-
бался джинсовой улыбкой Ньют Саламандер
из «Фантастических тварей». Его портрет, как
и обивка кресел, был сделан из кусочков разно-
цветной джинсы.

Над остальными столиками висят джинсовые
портреты других персонажей фильма. К слову,
второе, неофициальное, название кафе — «Твари».

На входе посетителей встречает скелет в оч-
ках-половинках с небольшой дубинкой в костля-
вой руке. Стас как-то пошутил, что это местный
вышибала. Скелет, конечно, все называли Жорой.

— Так что? — повторил Сашка.

— Задумался...

— Не помнишь, чем головастика кормят?

Я чуть не поперхнулся булочкой.

— Ты серьезно решил лягушачью ферму от-
крыть?

Сашка смутился.

— Просто рассматриваю все варианты.

— Кажется, я где-то читал, что детской смесью
можно.

— Серьезно?

— Ну откуда ж мне знать? Вот и выяснишь.
Заодно в детских смесях разбираться начнешь.

— Не смешно.

— Так я и не шучу. Никогда не знаешь, в какой момент это пригодится. Вот придет к тебе завтра твоя Оля и... — Я жестом изобразил выпуклый живот.

Сашка одним глотком осушил половину стакана с чаем.

— Ну, кормом для рыбок еще можно попробовать. Не выйдет — новых наловишь.

— То есть головастика тебе, значит, не жалко? — сощурился Сашка. — Только за лягушек все переживают.

— Головастики — это промежуточная форма жизни, — заметил я.

— Так себе аргумент, знаешь.

— Но аргумент же?

— Не. Это уже синдром бога. Лягушки — направо, головастики — налево.

— А ты хочешь, чтобы все налево, — хмыкнул я. — Головастики, лягушки, крысы, кошки, собаки...

— Не перегибай, — строго сказал Сашка. — Вот если бы тебе, скажем, сказали: если ты убьешь одну собаку, то спасешь сто человек, — что бы ты им ответил?

— Что они ненормальные, — пожал плечами я.

— Вла-ад!

— Стой, она бешеная, что ли? Эта собака.

— Да ну тебя, — махнул рукой Сашка и снова уткнулся в телефон.

* * *

Успел! За моей спиной со скрежетом закрылась дверь трамвая, оставив небольшую щель.

Пришлось немного пробежаться. На пути к остановке на газоне уже лет десять стоит голубая «Волга» на спущенных колесах. Она для меня что-то вроде ориентира. Если я уже дошел до нее и идет трамвай, то я ускоряюсь, чтобы на него успеть. А если не дошел — жду следующий. В этот раз я как раз поравнялся с «Волгой», поэтому еле успел. Причем бежать пришлось до первого вагона: двери во втором почему-то не открылись.

Я пристроился на задней площадке. В трамвае было не больше десятка людей, но мне хотелось постоять — насиделся уже. Телефон в кармане шевельнулся, как живой. Ника.

Привет! Увидимся? (♥©_©)

Смайлик с сердечком...

Я вздохнул. Посмотрел на второй вагон, который мотало из стороны в сторону вслед за нашим. На месте водителя, разумеется, никого не было.

Только на спинке кресла болталась какая-то красная тряпка. Эй, тореро, жизнь — как миг!*

Прости, сегодня никак (~ _ ~;)

@}->-- @}->-- @}->--

Извиняющийся смайлик. И еще три цветочка на всякий случай... Матадор, ты жалок.

Телефон подождал с полминуты, а потом снова вздрогнул.

Снова учебой завалили?

Ну может, хоть на полчаса вырвешься?

Я соскучила-а-ась!

Я прикрыл глаза.

Напечатал:

Я тоже |

Стер.

Ник, сегодня правда никак.

Еду сейчас домой. Давай в воскресенье

---

* Строчка из песни «Тореро» группы «Ария» (слова Маргариты Пушкиной, музыка Александра «Алика» Грановского). — *Здесь и далее примеч. ред.*

На этот раз телефон молчал дольше.

Сегодня только вторник.

Если не хочешь, так прямо и скажи.

И точка в конце. Жирная такая. Как перекормленный хомяк. Чтобы я, значит, всё сразу понял.

Ну, я понял, конечно. Не дурак все-таки.

Я постараюсь в четверг. Но не могу обещать. Позвоню вечером, хорошо?

Красная тряпка в последний раз трепыхнулась на водительском кресле и сползла куда-то на пол, где мне ее не было видно.

На этот раз ответа пришлось ждать семь минут. Я считал про себя.

ОК

Хотя бы без точки, и на том спасибо.

Я протер экран телефона краем толстовки и сунул трубку в карман. Не люблю, когда приходится оправдываться. Но открывать Нике все подробности мне совсем не хочется.

В трамвайном окне промелькнул мой дом — сотка, выглядывающая из-за обшарпанной пятиэтажки. Я машинально дернулся к дверям, но тут же напомнил себе, что сегодня мне надо дальше.

Трамвай вихлялся по рельсам, то набирая ход, то замедляясь, еще минут пятнадцать.

Мимо мелькали секции бетонного забора, разрисованного граффити, в основном бестолковой мазней. Но была там и пара классных рисунков. Лицо девушки с развевающимися светлыми волосами в белом респираторе — она чем-то похожа на Нику. И маленькая девочка в голубом платье, за спиной которой нарисованы зловещие черные фигуры. В ладони у нее — горстка земли с проросшим семечком. Мне всегда казалось: она улыбается краем рта, потому что знает что-то неизвестное тем, кто у нее за спиной.

Я вышел напротив аптеки с улыбающимся усатым доктором на вывеске, одновременно похожим на Эйнштейна и чокнутого профессора. Пешеходная дорожка была разрыта — кто-то перекинул через траншею старую дверь шкафа. Иногда дорога в Нарнию выглядит не так, как ты ожидал...

Погода начала портиться. Небо заволокло тучами. Солнце попыталось пробиться сквозь них, но в итоге сдалось. Надеюсь, будет дождь. Люблю дождь.

Вот и нужный мне дом. Четырехэтажка ярко-горчичного цвета. Здорово было бы на ее боку

тоже нарисовать какие-нибудь граффити. Неплохо бы смотрелось.

Я прошел мимо клумбы с зайцами, вырезанными из пятилитровых бутылок, и полулитровыми пчелами, торчащими из сплетений веток сирени, и позвонил в домофон.

— Кто? — осторожно осведомился динамик.

— Я.

— Открываю.

Аня ждала у железной двери, общей, на две квартиры. Чмокнув меня в щеку, она закрыла дверь за моей спиной.

— Тетя Катя дома? — я высвободился из кроссовок, наступив им на пятки.

— Еще на работе. Скоро будет. Останешься?

— Пока не знаю. Полно дел еще.

— Ясно, — Аня покрутила пальцем кончик толстой косы. — Суп будешь? С фрикадельками.

— Буду, — я сунулся было в ванную, чтобы помыть руки, но дверь была заперта.

— Там бабушка. Скоро выйдет, — пояснила Аня. Она сунула мобильник в карман широких домашних штанов и полезла в холодильник за кастрюлей с супом.

Пока я ел, она села рядом с бутербродом в руке.

— Как в универе дела?

— Нормально.

Среди медиков считается некруто жаловаться родным и друзьям на горы литературы, которую надо прочитать. Выглядит как нытье. Обычно всё заканчивается сочувствующими взглядами и вопросом «Ну, ты не жалеешь, что пошел в мед?».

Я не представляю себе ни одного адекватного человека, который в какой-то момент не пожалел бы, что пошел в медицинский. Но это нормально. Можно всю жизнь мечтать о собаке, но трудно радоваться, что она у тебя есть, когда ты мерзнешь на улице февральским утром с поводком в руке. По крайней мере, мне так кажется. У меня-то всю жизнь были только коты.

Жаловаться своим как-то тупо. Они с тобой в одной яме. Такие же продрогшие собачники. Вывод: хочешь жаловаться — жалуйся себе. Лучшего слушателя не найти.

— А у тебя как?

— Ой, хорошо, — Аня оживилась и начала рассказывать, как ходила на мастер-класс по гончарке и сделала там чашку. — Ой, где же она? Вот, нашла. Не смотри, что ручка кривая. Для первого раза это хорошо. Там еще есть мастер-классы, где можно сделать сахарницу и салатник. А еще

вчера с подругой купили билеты на концерт. Как, ты не знаешь эту группу?

Я слушал вполуха. Поток Аниной речи прервала бабушка, появившаяся на кухне. На ней был любимый халат с ромашками, седые волосы на голове стояли торчком, как будто она только встала.

Раньше она всегда красилась в блондинистый и коротко стриглась, так, чтобы были видны ее любимые серьги — с гранатами. Но это было раньше, пока дедушка был еще жив.

Когда его не стало, она всё забросила. И даже гранаты пропали. Выглядело так, будто его смерть высосала из нее все краски.

Впрочем, седина у нее была красивая, серебристая, а не желтая, как у некоторых. Сейчас среди девчонок пепельный цвет считается модным — Каринка в такой красилась. Правда, успела с тех пор еще три раза всё поменять.

— Владик, — бабушка чмокнула меня в щеку сухими губами. — А я и не слышала, как ты пришел.

— Привет, бабуль.

— Баб, причешись, — недовольно протянула Аня. У нее в руках снова оказался телефон.

Бабушка провела пятерней по волосам.

— Лохматая? Сейчас, сейчас, — она побрела в коридор и через минуту вернулась с уже

приглаженными седыми перьями. — Как у тебя дела? Аня тебя накормила? — первым делом осведомилась она, заглядывая ко мне в тарелку.

— Да, бабуль, — послушно ответил я.

— Вот, хозяйственная у тебя сестренка! — наставительно заметила бабушка.

— Кузина, — пискнула Аня.

— Корзина? — нахмурилась бабушка. — Не знаю, не видела никакой корзины.

— Не корзина, а...

— Как себя чувствуешь? — вмешался я. — Да ты садись, садись!

Бабушка грузно опустилась на табуретку и вытянула ноги в тапочках.

— Ну как, как... По возрасту. Сегодня с утра еле встала. Только голову от подушки подниму — перед глазами всё плывет... Хожу помаленьку, чтобы не залеживаться.

Я кивнул.

— Давление мерили?

— Мерили, — вмешалась Аня. — Повышенное. Сто пятьдесят на... Ой, забыла. У меня там записано, — она вскочила и убежала в комнату.

— Чай будешь? — не дожидаясь ответа, бабушка начала вставать из-за стола.

— Сиди, я сам. Тебе сделать?

Бабушка глубоко задумалась.

— А давай, — наконец решилась она.

— На восемьдесят! — донеслось из комнаты.

— Понял! — крикнул я и включил чайник. —
Опять таблетки не пьешь?

— Как с учебой? Стипендию получаешь? — бабушка сделала вид, что не расслышала меня, хотя чайник еще не начал шуметь.

— Угу, — отвернувшись к шкафу с посудой, соврал я. Скажешь правду — начнет ведь переживать. Тем более я твердо решил в этом семестре отвоевать себе обратно стипендию. Так что скоро и врать не придется.

— Мне две ложки, — на кухню вернулась Аня. Я скорчил ей рожу и полез за третьей кружкой.

— Как родители? — продолжила традиционный опрос бабушка.

— Хорошо, работают. Папа обещал на этой неделе к тебе заехать. Правда, пока не знаю, когда — в четверг или пятницу.

Бабушка кивнула.

— Устает на работе?

— Ой, ба, — фыркнула Аня, — на работе все устают. Вот мама уже вторую неделю без выходных.

— Да? — неуверенно уточнила бабушка.

— Ну, а ты думала, она гулять уходит?

Бабушка помотала головой. Судя по всему, она вообще не размышляла на этот счет.

Мы попили чай. Пока я возился с посудой, кухня опустела. Когда я зашел в комнату, бабушка смотрела какой-то сериал. Аня в другом углу что-то строчила на телефоне, скукожившись на табуретке у окна.

Через приоткрытую дверь смежной комнаты была видна разобранная бабушкина кровать. Вроде квартира трехкомнатная, но это одно название. Большая комната проходная, а в маленьких уместаются только кровать и шкаф.

В Анину комнату еще как-то стол затолкали. Узкий, как палка в мамином тетрисе. Мама однажды нашла тетрис на антресолях, дико обрадовалась и показывала мне, как в него играть. Хвасталась, что доходила до девятого уровня.

Если честно, лажа какая-то. Экран маленький, всё черно-белое, а про саундтрек вообще молчу.

Еще один стол был в гостиной. Вроде как обеденный. Но раньше на нем телевизор стоял, такой толстый, ящиком. А три года назад папа тете Кате подарил плоский, который можно на стену вешать. И стол освободился. Вернее, должен был освободиться. На деле он теперь и книжный шкаф, и гладильная доска, и мини-садик: три

горшочка — с томатом, огурцом и перцем. Бабушкины лекарства тоже были на столе. Я подошел. Так и есть: упаковка таблеток от давления лежала полная. Бабушка, бабушка...

— Ань, следи, чтобы она пила эти таблетки, — я помахал упаковкой в воздухе.

— Хорошо, док, — не отрываясь от телефона, отозвалась она.

— Бабуль, пора делать укол, — напомнил я.

— Делали уже, — отмахнулась бабушка.

— Сегодня нет, — терпеливо заметил я.

— Ольга делала, — не сдавалась бабушка.

— Это было вчера. Давай, не отвертись.

Бабушка недовольно заворчала себе под нос.

— Это быстро, — успокаивал я.

Терапевт назначил бабушке курс уколов, и теперь я три раза в неделю приезжаю, чтобы вколоть лекарство в старческую ягодицу. Кожа ее сморщенная, как смятая простынка. Когда бабушка неловко задирает халат, мне видны синяки разной давности.

Уколов она боится, поэтому всегда дрожит. Как будто минус двадцать. Мне каждый раз неловко, но я напоминаю себе, что я будущий врач и такие вещи не должны меня смущать.

Вот и сейчас бабушка трепещет, как лань, а я, значит, суровый охотник, вооруженный шприцем.

Я выбираю просвет среди синяков и делаю укол. Бабушка охает.

— Молодец, ба. Всё хорошо! — максимально жизнерадостно говорю я.

Сделав укол, я оставил бабушку досматривать сериал и пошел собираться. Аня, не отрываясь от телефона, вышла меня провожать.

— Таблетки, — напомнил я.

— Угу.

— Она сама забывает или просто не хочет. Надо контролировать.

— Ну не могу же я ее заставить, — поморщилась Аня.

— Именно. Именно можешь, — я надел рюкзак и отсалиютовал сестре. — Будет сопротивляться — скажи, что тогда я буду приезжать ежедневно и одним уколом не обойтись. Тете Кате привет.

— Передам, — без улыбки отозвалась она и, механически чмокнув меня в щеку на прощание, закрыла за мной дверь.

А я вспоминаю. Мне пять лет, и мы с бабушкой собираем груши на даче.

У бабушки в руках специальная палка-хваталка. Не знаю, как она правильно называется. На конце палки жесткие лепестки, скрепленные между

собой леской. Леска тянется вдоль палки вниз, там болтается крышечка от пластиковой бутылки. Надо подвести палку к груше так, чтобы плод оказался внутри лепестков, и потянуть за крышечку. Леска натягивается — лепестки смыкаются — и груша оказывается внутри.

Я, задрав голову, наблюдаю, как бабушка одну за другой снимает груши. Они еще зеленые, но мы с бабушкой любим именно такие.

Иногда она срывает одну грушу, а соседние не выдерживают и падают. И тогда я, как легавая, бросаюсь за ними, нахожу в траве и приношу бабушке. Я босиком, и ступни чувствуют тепло земли.

— Вон, вон еще две! — кричу я, показывая пальцем и подпрыгивая от нетерпения. И внезапно ору от боли так, что палка падает из бабушкиных рук.

— Что? Что? — бабушка трясет меня за плечи, а я продолжаю орать. Она понимает, что толку от меня немного, начинает судорожно оглядываться и вдруг видит на земле шершня. Тот пытается уползти в сторону виноградника, но почему-то не взлетает. Может, его подбило падающей грушей?

Бабушка с размаху впечатывает шершня тапочком в землю, но подошва у тапка мягкая, а земля рыхлая, так что шершень продолжает

свое движение. Бабушка топчет его снова и снова, и наконец гигантская оса замирает на месте. Она еще живая.

Но мне не до нее. Нога болит так, будто я наступил на раскаленный гвоздь. Я всё еще ору, но почему-то выходит тише. Не хватает воздуха. Я начинаю хрипеть.

Моя загорелая бабушка становится цветом как молоко.

— Сейчас, мой хороший!

Я помню, что она кинулась в дачный домик, опрокинув ведро с грушами. Ее не было целую вечность. Мне всё хуже, всё кружится, но вдруг в этой карусели снова появляется бабушка. В руках у нее аптечка и бутылка с водой. Она пытается засунуть какие-то таблетки мне в рот, но я отталкиваю ее. Мне кажется, что горло мое сузилось до таких размеров, что эти крохотные таблетки застрянут там и окончательно перекроют мне кислород.

— Лида! Чего там у вас? — кричит соседка, тетя Оля.

— Шершень цапнул! — орет бабушка каким-то чужим голосом, не оставляя попыток засунуть в меня таблетки.

Соседка ахает. Она где-то недалеко, но я ее не вижу.

— Погоди, погоди! — снова кричит она. — У меня дочка аллергик, сейчас принесу...

Голос затихает, а потом я снова ее слышу:

— Вот! Адреналин! Надо вколоть. Только тут малина у вас, я не знаю, как...

И моя бабушка, словно медведица, лезет через кусты малины к соседкиному участку, хватает ампулу и спешит ко мне. В аптечке оказывается шприц, и спустя полминуты, когда мне уже кажется, что это мой последний глоток воздуха, мне с размаха прилетает шприцем в зад. Я не ору, наверное, только потому, что физически не могу.

Уже потом я узнаю, что бабушка никогда в жизни не делала уколы, но с перепугу справилась без ошибок. А сейчас она гладит меня по волосам, я вижу ее разодранные ноги, все в крови, и дышу. Дышу. А бабушка шепчет:

— Вот и молодец. Всё хорошо.

* * *

Я вышел на улицу. Тучи нависли над крышами домов, и уже было ясно, что вот-вот пойдет дождь. Идти пешком или всё же втиснуться в автобус, чтобы не промокнуть?

В кармане завибрировал телефон. Ника, подумал я и ошибся. Это был папа.

— Ты где? — без предисловий спросил он.

— Только от бабушки вышел.

— Подходи на перекресток, подхвачу.

Когда рядом со мной притормозил папин рено, уже начал накрапывать дождик.

— Я вовремя, да? — усмехнулся папа. — Как бабушка?

— Нормально. Укол сделал. У нее давление опять скачет. Она таблетки пропускает.

— Ябедничаешь? — протянул отец. — А она тебя, между прочим, не сдавала, когда ты кулями конфеты трескал.

— Ты серьезно? — мне вдруг стало неприятно, что отец воспринял мои слова как ябедничество.

— Да шучу, — отец потянул рычаг, и по стеклу заелозили дворники. Мы остановились на светофоре. — Плохо, конечно. Тете Кате говорил об этом?

— Она на работе еще. Ане сказал.

Я хотел сообщить отцу об одной своей неприятной догадке, но в этот момент слева от нас, отчаянно сигналив, пронесся какой-то ненормальный. У таких надо права отбирать, с неприязнью подумал я. И тут же увидел, что авто летит прямо на девушку

с собакой, переходивших дорогу. У меня перехватило дыхание. Отец непечатно ругнулся:

— Да какого...

Водитель, видимо, в самый последний момент решил уйти от столкновения, резко ударил по тормозам, и машину занесло. Как обезумевший металлический носорог, авто врезалось в собаку, отбросив ее в сторону. Девушку каким-то чудом не зацепило, но она стояла как оглушенная. «Носорог» остановился метрах в двадцати от нее.

— Глянь, что там! — отец повернулся ко мне, но я уже сам отстегнул ремень.

Покалеченная собака, двигаясь, как робот *Boston Dynamics*, добралась до тротуара. Скорее всего, перелом, и не один. И внутренним органам явно досталось — этот псих протаранил беднягу на полном ходу. Дело явно плохо. Внутри ёкнуло нехорошо. У меня всегда были коты. Но хотел-то я собаку.

Над дрожащим животным склонилась хозяйка. Вроде целая. Ее саму сотрясала дрожь. Я выскочил из машины, подбежал к ним и осторожно дотронулся до собаки.

— Как он?

Девушка повернула ко мне испуганное лицо. Щеки ее пылали.

— Это Цаца, — сипло проговорила она.

Я посмотрел на Цацу. Она тяжело дышала, в упор глядя на меня блестящими черными глазами.

— Хорошая девочка, — я провел рукой по спине собаки. Ее шерсть на ощупь напоминала мягкую проволоку. «Была», — добавил я про себя.

АГНИЯ

Я быстро прошла на свое место, стараясь не обращать внимания на Дженовру, которая всю подавала мне знаки. Она выскочила из-за парты, но тут в класс вошла Татьяна Николаевна. Дженовре осталось лишь сверлить меня взглядом.

Ну и пусть. Пусть просверлит. Может, если во мне появится дырочка, через нее выльется то черное, что наполняло меня до краев.

Игнорировать Васима, сидевшего прямо передо мной, оказалось сложнее.

— Эй, Барто, тебя чего вчера не было? — шепотом спросил он, повернувшись ко мне.

Я не ответила.

— Случилось что-то? — не отставал он.

— Случилось, — буркнула я и демонстративно уткнулась в учебник. Лишь бы не заплакать.

— Я могу...

— Мансуров! — раздался голос биологички. — Я вообще-то уже здесь.

Васим крутанулся на месте и изобразил полную сосредоточенность.

Татьяна Николаевна многозначительно положила руку на стопку тетрадей.

— В основном вы меня порадовали, но были, конечно, и разочарования, — тут она почему-то посмотрела на меня. — Сотникова, раздай, пожалуйста, тетради.

Дженевра послушно пошла вдоль рядов. Возле моей парты она задержалась.

— Как Цаца? — шепнула она.

— Плохо, — ответила я.

Она сочувственно покачала головой и поспешила дальше. Я открыла тетрадь. Мой чудесный лось был подчеркнут красной ручкой. Ниже красовалась размашистая двойка. Я несколько секунд тупо смотрела на нее. Потом подняла руку.

— Татьяна Николаевна!

— Да, Агния? — она как будто ждала моего вопроса.

— Мне кажется, тут какая-то ошибка, — нерешительно сказала я.

— Да? — ободряюще улыбнулась она.

— Ну... у меня почему-то двойка, хотя я всё нарисовала.

Татьяна Николаевна, продолжая улыбаться, неторопливо пошла ко мне.

Васим снова повернулся ко мне. Он выглядел удивленным.

— А у меня четверка с минусом, — сообщил он.

Иногда мне даже казалось, что он сидит впереди не для того, чтобы писать со мной один вариант, а потому что ему просто нравится сидеть рядом. Глупости, конечно.

Биологичка неторопливо взяла мою тетрадь и посмотрела на лося. Я ждала.

— Ну что же, Агния, всё правильно, — наконец сказала она.

— Да? — обрадовалась я. Значит, рисунок всё же хороший.

— Да, я правильно поставила двойку, — Татьяна Николаевна положила тетрадь на парту и пошла к своему месту. — Потому что задание было нарисовать непарнокопытное животное. А лось...

— Парнокопытное, — прошептала я.

Кто-то хихикнул. Я почувствовала, что краснею.

— Что ж, я думаю, это будет урок для всех — быть внимательнее при выполнении домашнего задания, — Татьяна Николаевна поправила

воротничок. — Начнем, пожалуй, с того, что повторим классификацию...

На перемене ко мне подлетела Джаневра. Я как раз пыталась достать из рюкзака телефон, но молнию, как назло, заело.

— Ну!

— Что?! — неожиданно вскипела я.

Джаневра захлопала глазами. Она не ожидала такой реакции.

— Я просто хотела узнать, как...

— Плохо! Плохо! Плохо!! — я яростно дернула язычок молнии, рискуя выдрать ее с мясом.

— А ты? — тихо продолжила Женя.

— Я тоже плохо! Ужасно! Отвратительно!

И добавила еще одно слово. Кажется, я никогда раньше не произносила его вслух. Но сейчас оно подходило лучше всего. Мне показалось, что рот у меня полон земли. Черной, жирной. Захотелось сплюнуть.

На нас начали оборачиваться.

— Эй, да ты чего? — Джаневра нахмурилась. — Я просто хотела спросить.

Тут со спины к нам подбежала Мадинка. Она, улыбаясь, обняла меня за плечи.

— Чего кричишь? Да исправишь ты эту двойку!

— Я не кричу, — процедила я, наконец справившись с молнией. — Я в туалет, — я развернулась и быстро пошла по коридору, слыша, как за моей спиной Дженовра что-то объясняет Мадине.

В туалете было, как обычно, полно народу. На подоконнике сидела Татка из параллельного класса, причёской напоминающая диснеевскую Мериду, и грызла яблоко. Несколько девчонок помладше топтались в предбаннике, ожидая своей очереди.

Они почему-то никогда не ходят сюда по одной. Как будто тут может неожиданно открыться портал в ад и их засосет. А подружки, если что, сумеют вытащить, ухватив за ноги.

Мой портал в ад уже был открыт, так что я ничем не рисковала. Я на всякий случай дернула ручку учительского туалета. Повезло — он почему-то был не заперт. Я прошмыгнула внутрь, закрыла дверь на задвижку и наконец разрыдалась.

Почти сразу ручка двери задержалась. Наверное, это кто-то из учителей. Может, Татьяна Николаевна? Ну и пусть, мстительно подумала я. Потерпит, ничего.

Всё было действительно очень плохо. И дело было, конечно, не в лосе.

* * *

Цаце в тот же день сделали операцию. Она лежала такая маленькая на высоком металлическом столе, а ветеринар аккуратно брил ей живот. Наркоз уже подействовал, и Цаца спала. Папа поглаживал ее по голове. Я стояла чуть поодаль, как будто меня приколотили к этому месту. Я должна была как-то помочь, но как?

«Ты уже всё сделала», — прошипел в голове чей-то ехидный голос. Неужели мой?

Ветеринар что-то негромко сказал папе. Тот посмотрел на меня с жалостью.

— Агнешка, может, посидишь в коридоре?

Я неуверенно мотнула головой.

— Иди-иди!

Папины слова будто столкнули меня с места. Да, я бесполезна, надо это признать. Я вышла из кабинета и закрыла за собой дверь. По коридору навстречу мне шла уже знакомая семья с гиперактивным щенком овчарки. Тот время от времени жизнерадостно тявкал.

— Девушка, а кабинет УЗИ не здесь? — спросил глава семейства, кивая на дверь, за которой оставались папа, Цаца и ветеринар. Щенок снова предпринял попытку попробовать на вкус мою

лодыжку. Я отодвинулась и отрицательно замотала головой. Хозяева пресекли попытку дегустации моей ноги и пошли дальше по коридору.

Я села на стул. В голове билась только одна мысль: «Это я во всем виновата». Надо было, надо было... не знаю, что надо было, но всё должно было быть иначе! Кто меня вообще дернул пойти гулять? Остались бы дома, вечером Цацку бы вывел папа, как обычно, и ничего бы не случилось!

Когда папа с Цацей на руках вышел из кабинета, мне захотелось замедлить дыхание настолько, чтобы впасть в анабиоз. Тогда не пришлось бы никуда ехать, с кем-то говорить, что-то объяснять. Но папа потребовал достать у него из сумки банковскую карточку и сказал мне ПИН-код.

— Расплатись и подходи к машине. Как выйдешь, налево.

Мне пришлось снова начать дышать. Легкие неохотно наполнялись воздухом, как дырявый мячик.

— Цвергшнауцер, ДТП, — объяснила я администратору. Она понимающе кивнула и начала вбивать какие-то данные.

Папа ждал в машине. Цаца лежала на заднем сидении. Она уже не спала, но смотрела мутными глазами.

— Аккуратнее там с ней, — папа взглянул на меня в зеркало заднего вида. Он приоткрыл окно и чиркнул зажигалкой, хотя обычно не курил в машине.

От папиных слов я почувствовала себя так, словно мне влепили пощечину. Что ж, я заслужила.

— Что врач сказал? — наконец решилась спросить я.

Папа ответил не сразу.

— Ну, шансы есть, — наконец сказал он.

— Призрачные?

Папа тяжело вздохнул.

— Ее на большой скорости сбил автомобиль. Я не знаю как, но позвоночник уцелел.

— Это же... хорошо? — спросила я.

— У нее сильно пострадали внутренние органы, — мне показалось, что он начал раздражаться. — Лапы вообще в крошку, — папа снова затаился. — Просто я не хочу тебе врать.

— Я поняла, — мертвым голосом произнесла я.

— Врач сказал следить за ее состоянием. Как я уже сказал, шансы есть. Небольшие, но есть. Будем ждать.

До дома мы ехали молча. Я так хотела погладить Цацу, поддержать ее за лапу, но боялась сделать ей больно. Она была вся перемотана бинтами.

Бинты были даже на голове. Только хвост был свободен и легонько подрагивал. Я вдруг осознала, что Цаца пытается им вилять. Сердце мое сжалось.

— Маленькая моя, — прошептала я.

Когда мы подъехали к дому, совсем стемнело. Уже у самых дверей я вдруг осознала, что мама, наверное, с ума сходит, разыскивая меня. Я ведь пошла выгулять собаку и не вернулась.

Я дрожащими руками открыла дверь и посторонилась, пропуская в квартиру папу с Цацей на руках. Мама стояла в прихожей, скрестив руки на груди. Губы ее подрагивали.

— Мам, — начала я, но она сделала шаг вперед и крепко обняла меня. Я не выдержала и расплакалась.

— Папа мне рассказал, — сказала она, глядя меня по волосам. — Мы обязательно найдем этого... этого... — мама шумно втянула носом воздух, не сумев подобрать соответствующего слова.

— Это всё я, — просипела я, размазывая слезы по маминому плечу. Лямка ее сарафана сразу стала мокрой.

Тогда мама взяла меня за плечи и серьезно посмотрела в глаза.

— Ты. Ни в чем. Не виновата, — твердо сказала она. — Слышишь?

У меня не было никаких сил спорить с ней, поэтому я просто помотала головой, но она восприняла это по-своему.

— Я сделаю тебе чай, — мама на миг сжала мои ладони в своих и ушла на кухню. Я вдруг поняла, что она так и не взглянула на Цацу. Папа уже унес собаку в спальню.

— Мам, — я заглянула в кухню. Мама с чашкой в руках оглянулась на меня.

— Что, милая?

— Ничего.

Я лежала в кровати и смотрела на полосу света на потолке. С кухни доносились голоса родителей. Судя по звуку визжащих тормозов, они уже в четвертый или пятый раз пересматривали запись с видеорегистратора, которую прислал папе Влад.

— Я уже созвонился с Алексеем, он завтра с утра меня наберет. Расскажет, как ловчее оформить заявление.

Послышался голос мамы, но слов я не разобрала.

— Да, теоретически ей стоило остаться, вызвать ГИБДД. Но, черт возьми, не Агнешке же разбираться с этим идиотом! Он мог быть в стельку. Да еще и собака...

Мама снова что-то спросила.

— Ты сама всё видела. Вет сделал всё, что мог, нормальный мужик. Но...

Повисла тишина.

— Главное, что с Агнешкой всё в порядке, — сказал папа.

Зашумел чайник.

Я хотела выйти на кухню и сказать, что со мной ничего не в порядке, но никаких сил на это не было. Цаца спала в родительской спальне. Я очень надеялась, что просто спала. Но проверять было страшно. От одной мысли, как я выхожу потом на кухню и сообщаю родителям, что наша собака умерла, мне хотелось заскулить и забраться под одеяло, под простыню, а лучше еще и под матрас.

С утра мама заглянула в комнату, чтобы разбудить меня в школу. Вчерашние тучи уже улетели, и по комнате бродило солнце. Пахло оладьями.

Это было здорово и неожиданно: мама редко готовит что-то по утрам. Как она сама говорит, утром девяносто процентов ее сил уходит на то, чтобы держать глаза открытыми. А еще десять — чтобы не выронить из рук зубную щетку. А тут — оладьи! И сметана вроде в холодильнике оставалась. М-м-м... Я улыбнулась.

А потом вспомнила.

— Мам...

— Жива, жива. Лежит. Только не ест, — на мамино лицо набежала тень.

— Мам, можно я сегодня дома останусь?

Мама присела на краешек кровати и склонилась надо мной. Ее рыжие кудряшки свесились мне на лицо.

— Тебе плохо? Что-то болит?

Я хотела было сказать, что ничего, но оказалось, это не так.

— Шея... Голову больно поворачивать.

Мама прикоснулась к моему затылку и аккуратно провела пальцами от него к спине. Она была в любимой клетчатой пижаме, сейчас слегка припорошенной мукой.

— Скорее всего, я мышцы потянула вчера. Когда в люк падала.

Как много произошло вчера...

— Ладно, лежи. Сейчас принесу мазь, натру тебя. Я закрыла глаза.

Когда я наконец стянула себя с кровати и заглянула в родительскую спальню, Цаца спала. Сначала я испугалась, что она не дышит, однако, приглядевшись, с облегчением увидела, что бока ее всё же тихонько вздымаются. Я присела

на корточки и провела рукой по ее жесткой шерсти. Цаца не отреагировала.

— Бедная моя...

— Я ей сделала укол. Обезболивающий, — мама стояла в дверях. И как она так бесшумно передвигается?

Я кивнула, не оборачиваясь.

— Пойдем, — мама тронула меня за плечо. — Завтрак на столе.

Еда в меня не лезла. Немного поковыряв в тарелке для приличия и размазав ее содержимое, я вернулась к Цаце, захватив телефон.

Пристроилась рядом на полу и отправила сообщение Дженебре:

Цацу сбила машина

Я посмотрела на часы. Сейчас должна быть физкультура. Дженебра обычно сидит весь урок на лавочке.

Насмерть???

Нет. Но ей очень плохо

Телефон почти сразу пиликнул.

Милая! Держись!!! Я приду после уроков!

Не надо

Ты не дома? Ты в больнице??

Дома

Я крутанула телефон в пальцах и еще раз взглянула на Цацу. Написала:

Мне страшно

Телефон ответил:

Я с тобой

Я добавила:

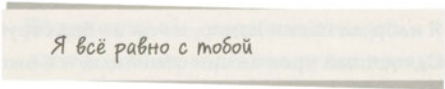
Мадине не говори

Когда сообщение уже ушло, подумала: а собственно, почему? Но мне почему-то не хотелось больше никому говорить о Цаце.

Теперь Мадина знает, а я размазываю слезы, сидя на унитазе в учительском туалете. Ситуация так себе. Кто-то снова дернул дверь. Я вздрогнула. Надо выходить: перемена уже заканчивается. Выждав минуту на всякий случай, я выскользнула наружу. Задребезжал звонок. Я ускорила шаг,

на ходу огибая школьников, уныло тянувшихся в классы. Следующий урок был на третьем этаже пристройки. Когда я забежала в кабинет, русичка уже что-то говорила, но она предпочла не прерываться. Может, заметила мои красные глаза. Я скользнула на свое место.

На моей парте лежал свернутый вчетверо тетрадный листок. Я развернула его. Женькиным почерком на нем было написано:

Я всё равно с тобой

После второго урока мы помирились. Вернее, я просто не стала сопротивляться, когда Женевра с Мадинкой пришли мириться. Мы стояли в коридоре возле окна. Я колупала краску на подоконнике. На этом этаже их еще не успели заменить на пластиковые. Ненавижу пластиковые... Они неживые.

Девчонки обнимали меня за плечи и охали. Мадинка обещала найти телефон какого-то супер-ветеринара. Я рассказала про Влада и Тимофея Петровича. Глаза Мадинки блеснули.

— Телефончик-то взяла?

— Мадина! — возмутилась Джаневра.

— Что? Совместные испытания сближают людей, — фыркнула она. — Он красивый хоть? — Мадинка качнула головой, и бело-розовые пряди свесились ей на лицо.

— Не слушай ее, — Джаневра покачала головой. — Это очень хорошо, что они тебе помогли. А того, кто был за рулем, уже нашли?

— Не знаю, — я растерялась. — Этим папа занимается. Надо ему позвонить.

Я набрала папин номер, но он не брал трубку.

Сдвоенный урок химии отменили, и я вышла из школы на полтора часа раньше.

Разорванную куртку пришлось выкинуть. Мама почистила ветровку, в которую я заворачивала Цацу, но бегунок по-прежнему был сломан. Или, как его назвала Джаневра, собачка. Я забила в телефоне:

Как заменить собачку?

Убедитесь в том, что новая собачка совпадает со старой по размеру и подходит именно для вашего типа молнии. Лучше всего будет прихватить с собой в магазин старую собачку.

Я вырубил телефон, закинула его в рюкзак и не доставала до самого дома.

Зайдя в квартиру, я застучала маму в прихожей с Цациным поводком в руках. Я еще успела удивиться, зачем, — ведь Цаце сейчас явно не до прогулок. А потом мама так на меня взглянула, что я сразу всё поняла.

— Она... она... — я не могла выговорить это слово.

— Отец увез ее в ветклинику. Я тебе звонила, но у тебя...

— Ей хуже стало? — перебила я маму.

— Агния, — мама вертела в руках поводок, — ты уже взрослая. Ты должна понять. Она получила очень серьезные травмы. Врач сделал всё что мог, но открылось внутреннее кровотечение, и...

— Он что, усыплять ее повез? — неожиданно поняла я. Мое сердце упало, как кирпич с обрушающегося здания. В мелкую крошку...

Мама ничего не ответила. Я выскочила из квартиры и побежала вниз по лестнице, прыгая через четыре последних ступеньки пролета сразу на лестничную площадку.

— Агния! — раздался мамин голос. — Агния! Вернись немедленно!

Но я уже не слушала. Распахнув дверь в подъезд, я вылетела на улицу. Ветер тут же дал мне

пощечину и, распахнув куртку, пробежался по моим ребрам.

Остановка была за углом. Мне повезло, мимо как раз проезжал нужный мне автобус. Проезжал... Проехал.

Я отчаянно замахала рукой, и водитель меня все-таки заметил. Маршрутка остановилась. Я прыгнула в салон, дыша как спринтер.

Водитель взял из моих рук купюру, неторопливо оторвал билет и начал деловито отсчитывать мелочь. Наконец он нажал на кнопку, и дверь стала закрываться, но на полпути дернулась и поползла обратно. В салон, выдохнув «спасибо!», заскочила полная блондинка. Она начала рыться в карманах. Водитель терпеливо ждал.

Мы проехали две остановки в темпе дохлого койота. В конце концов я попросила водителя остановиться. Выскочила и побежала в клинику. Маршрутка осталась ползти по полупустой дороге где-то у меня за спиной.

Ветер задувал в полурасстегнутую куртку, волосы лезли в лицо. На полпути я начала задыхаться: длинные дистанции — это не мое. Но мне нужно было успеть. Я влетела в клинику, едва не сбив выходящую пенсионерку то ли с кошкой, то ли с хорьком в клетке.

Папа стоял возле администратора и расплачивался. Цацы у него на руках не было. Не успела.

— Папа, — наконец сказала я.

Он обернулся. И нахмурился.

— Агнешка? Ты же должна быть... Тебе мама позвонила?

Я помотала головой.

— Пап, где Цаца?

Папа как-то странно посмотрел на меня. Я направилась к девушке-администратору, но он поймал меня за руку.

— Стой, — папа кивнул в сторону стульев в холле. Сегодня там было пусто. — Пойдем, поговорим.

— А Цаца?

— Садись.

Я села вполоборота от него.

Папа тяжело вздохнул и почесал бороду. Сегодня он был не в костюме. Просто темные джинсы и толстовка. Я всегда радовалась, когда он был одет так. Это значило, что у него выходной и нас ждет очередная прогулка по лесу с Цацей, после которой будут болеть ноги, но станет так тепло внутри.

— Послушай. Когда я был примерно в твоём возрасте, я хоронил собаку. Это тяжело.

Я молчала.

— Ты сейчас не поймешь, но когда собака умирает от старости — это гораздо тяжелее. Это не один день, не два. Это месяцы, когда ты видишь, что она просто угасает. И старость не лечится! Я полгода носил Ральфа на улицу на руках. Под конец он уже почти не вставал...

Ральфом звали папиного спаниеля. Его не стало, когда я еще была маленькой, поэтому я совсем его не помню. Остались только фотографии, где пес с седой мордой внимательно обнюхивает ребенка в подгузнике — меня. Я всегда удивлялась, почему папа решил завести Цацу только через семь лет. Он же так любит собак.

— Врач сказал, что Цаце остался день или два, — продолжил папа. — Мы с мамой всё обсудили и решили... В общем, она заслужила уйти без боли. Мы можем это ей дать.

— Вы только кое-что забыли, — выдавила я, по-прежнему не глядя на папу.

— Что?

— Обсудить это со мной! — я хотела сказать это спокойно, но не вышло. — Она и моя собака!

Папа потянулся к карману, где у него лежали сигареты, но потом отдернул руку.

— Не надо тебе при таком присутствовать. Я взрослый мужик, и то... — папа замолчал.

— Почему ты за меня решил? — я взглянула ему в глаза. Я думала, что папа будет «держаться лицо», но он выглядел очень расстроенным. И каким-то старым.

— Не нужно тебе это, — повторил он.

— Пап, я хотела с ней попрощаться.

— Чтобы запомнить ее на столе врача?

— Я хотела попрощаться, — повторила я упрямо. Ну почему он не понимает? — Если бы я в больнице лежала, ты бы ко мне не пришел?

— Ты не сравнивай!

* * *

Дверь в клинику хлопнула, и мимо нас протиснулся сердитый мужчина, который тащил за собой на поводке белого бультерьера. Тот отчаянно тормозил когтями по полу, но мужчина был сильнее. За ним, аккуратно придерживав дверь, зашла рыжая женщина в длинном пальто пудрового цвета. Она несла в руках картонную коробку.

— Добрый день, — девушка-администратор с интересом покосилась на коробку. — Чем могу быть полезна?

— Сколько у вас стоит усыпление собаки? — хмуро поинтересовался мужчина.

— Э-э-э, — девушка покосилась на бультерьера, пытавшегося вывернуться из ошейника. — А что у вас случилось?

— Воеет дома, — мужчина дернул поводок. Он явно нервничал. — Я читал, сейчас усыпление безболезненное. Скажите, сколько это стоит? — он потянулся за бумажником.

Его спутница протянула девушке коробку, которую держала в руках, и любезно улыбнулась.

— Вот, тут его документы. А еще любимый мячик и фотографии его родителей. Если не сложно, всё это можете кремировать вместе с ним.

Ошарашенная администратор осторожно взяла коробку.

— Мне надо посоветоваться, — наконец сказала она и исчезла за стеклянной дверью.

Бультерьер, поскуливая, рвался в сторону выхода. Над правым глазом у него была черная бровка. Хмурый мужчина присел перед ним на корточки и протянул было руку, чтобы погладить пса, но в последний момент передумал и просто поправил ошейник. Женщина стояла прямая, как палка, спиной к собаке.

Папа тронул меня за руку.

— Пойдем?

Я помотала головой. Мне нужно было знать, чем всё закончится. Неужели этот пес через

полчаса сделает последний вдох на том же столе, что и Цаца?

Администратор вернулась в сопровождении высокого мужчины с залысинами в хирургическом костюме. Он устало посмотрел на хозяев бультерьера, потом опустил взгляд на пса.

— Что у вас случилось?

— Начал выть дома. Как только мы уходим, слезает с катушек, — не глядя на ветеринара, сообщил хозяин бультерьера.

— Давайте сначала проведем обследование? — предложил врач.

— Вы не понимаете! — вмешалась женщина. — Нам уже соседи угрожают! А у нас дети! — на лбу у нее появилась скорбная складка.

— Может быть, пока не оставлять его одного? — пискнула девушка-администратор.

— Я, между прочим, работаю! — возмутилась женщина. — И не на последней должности. Как вы себе это представляете? Мне надо на работе рассказать, что у нас собака повредилась умом?

— Она не... — тихо отозвалась девушка.

— Хватит, — сказал ветеринар в хирургическом костюме. — Я так понимаю, другие варианты вы не рассматриваете, только усыпление?

Мужчина что-то пробормотал, но его спутница в этот момент громко сказала:

— Да, вы всё правильно поняли.

— Хорошо, — неожиданно не стал спорить врач. — Вам нужно будет подписать документы...

— Папа, — прошептала я. — Папа, его что, кремируют?

— Пойдем домой, — папа встал. — Это уже невозможно. Идем.

— Пап, он же здоровый. Как они могут?

Видимо, я шептала слишком громко, потому что женщина бросила на меня возмущенный взгляд.

— Насчет здоровья неизвестно, — негромко заметил папа. — Просто так собак не усыпляют. Идем уже!

Мы наконец вышли из клиники. Пиликнула сигнализация. Я села на пассажирское сидение спереди, а папа стоял снаружи и курил. Он отошел подальше, чтобы вредный дым не попал ко мне в машину. Но я и так ничего не чувствовала. Внутри у меня было пусто. Я ощущала себя опустошенной, как пляж после отлива.

Двери ветклиники открылись, и из нее вышли хозяева бультерьера. Мужчина хмурился. Женщина что-то сказала ему на ухо, потом засмеялась и взяла его под руку. Они перешли улицу.

Даже не остались. Наверное, белого бультерьера с удивленной черной бровкой уже укладывают на операционный стол, где только что лежала Цаца. А где она? Может, ее сложили в мешок и запихнули куда-нибудь в угол? Надеюсь, ей было не больно...

Бультерьер наверняка будет сопротивляться. Он же не переломанная Цаца. Да что там, она в жизни ни на одного ветеринара не попыталась вывернуться, даже когда ей зашивали рану на попе — в тот раз ее укусила в лесу бродячая собака.

Ему наверняка завяжут пасть или наденут какой-нибудь намордник... А потом сделают укол, после которого он уже больше никогда не будет выть. И дышать тоже.

Да-а, я знатно умею себя накручивать.

— Ну что, поехали? — выдыхая сигаретный дым в салон, папа сел на водительское кресло. Я кашлянула. А потом выскочила из машины.

— Я сейчас!

И бегом бросилась в клинику.

Девушка-администратор сидела на корточках возле бультерьера и чесала ему ухо. Коробка с документами пса лежала на столе. Высокого врача в холле не было.

— Вы его правда усыпите? — выдохнула я.

Девушка с удивлением посмотрела на меня.

— Вы из зоозащиты? — наконец спросила она.

— Нет. Просто сегодня усыпили мою собаку, — честно ответила я.

— Шнауцера? — догадалась она и посмотрела на меня с сочувствием. — Мне очень жаль.

— Спасибо, — сказала я. Вроде так принято отвечать на соболезнования. До сих пор мне ни разу не приходилось. — Так вы его усыпите?

— Я не знаю, — честно сказала девушка. Бультерьер попытался залезть к ней на коленки, чуть не уронив ее. — Ой. Ему уже шесть лет, к тому же порода не самая популярная. Не так много шансов, что удастся его пристроить.

Бультерьер перестал атаковать колени администратора и посмотрел на меня. Его глаза были похожи на крупные черные смородины. Моя любимая ягода.

— А... можно я его заберу?

Слова вырвались как-то сами. Я сказала и испугалась: а вдруг правда разрешат?

Брови девушки взметнулись вверх. В холл вышел тот самый врач в хирургическом костюме, который разговаривал с хозяевами бультерьера.

— Всё готово, — он протянул руку и взялся за поводок.

— Вот девушка хочет забрать собаку, — администратор кивнула на меня.

Сейчас врач широко улыбнется, обнимет меня и скажет: «Как хорошо, что вы оказались здесь! Бывают же настоящие люди!»

Врач действительно улыбнулся. Но как-то неприятно.

— Не смеши меня. Чтобы она его через три дня обратно принесла? Плавали, знаем.

Мне захотелось его стукнуть. Посильнее. Но вместо этого я сказала:

— Я не принесу его обратно! У меня есть собака. Была, — поправилась я.

Он внимательно посмотрел на меня и, кажется, что-то понял.

— Как тебя зовут? — вдруг спросил врач.

— Агния.

— Послушай, Агния. Не занимайся ерундой и возьми себе щенка. Не нужно строить из себя мать Терезу. Это взрослый пес со своими проблемами. Как ты вообще узнала о нем? — он подозрительно покосился на администратора.

— Я была тут, когда его привели. У меня собаку сегодня усыпили, — повысила голос я.

— Я уже сказал. Иди домой.

Он дернул за поводок, и бультерьер послушно поплелся за ним по коридору, ни о чем не подумывая.

— Агния? — раздался за моей спиной голос папы.
И тут я расплакалась. В третий раз за этот день.

Домой ехали в тишине. Когда мы проезжали через то место, где сбили Цацу, я заметила, что дорожку переходит какая-то девочка с черным лабрадором на рулетке. В ушах у нее были наушники. «Осторожней!» — захотелось крикнуть мне, но я, конечно, не крикнула. Да она бы и не услышала — из-за наушников. Чуть пританцовывая, девочка легко перебежала дорогу. Лабрадор послушно трусил рядом.

— Пап, — наконец сказала я.

— М-м? — он отозвался не сразу. — Слушай, ты сможешь прийти на суд?

— Суд?

— Если хочешь, я могу сходить вместо тебя, — сказала папа. — Просто с твоими показаниями будет эффективнее.

— Я схожу, — быстро ответила я.

Суд... А что, если судья скажет, что во всем виновата я, и отправит меня в колонию? За жестокое обращение с животными или еще что-нибудь.

И я ведь до сих пор не знаю, кто был за рулем того автомобиля. Вдруг это окажется какой-нибудь огромный мужик, который начнет орать, что

я сама кинулась под машину и вообще надо лучше держать собаку.

Я до чертиков таких боюсь. С ними просто невозможно спорить, потому что они давят на тебя авторитетом. У нас сосед снизу такой. Мы с ним как-то встретились в лифте, и он начал меня отчитывать: якобы Цаца загадила все лестничные площадки. Интересно, как, если мы всё время на лифте ездим и она вообще не позволяет себе такого. Не позволяла... Цацка...

Папа посмотрел на меня в зеркало заднего вида:

— Не волнуйся. На видео хорошо видно, кто виноват.

— Я, — прошептала я, но папа не услышал.

Мы заехали во двор. Папа втиснулся на свое обычное место между джипом и помятой ладой и заглушил мотор. Потом достал мобильный и присвистнул.

— Четырнадцать пропущенных! Это тебя, что ли, искали?

Я вспомнила, что так и не включила телефон, и почувствовала, как совесть неприятно ткнула меня пальцем в спину.

— Сама ей всё объяснять будешь, — хмыкнул папа.

— Вообще-то ты был со мной. И тоже не отвечал.

— У меня всего пять. Соучастника из меня делаешь, значит? Не ожидал от тебя.

Он потер лоб.

— Если честно, сам не представляю, как на это решился. И, боюсь, я об этом пожалею.

Папа обернулся и посмотрел на бультерьера с высунутым языком, сидящего на заднем сидении.

— Очень пожалею.

Влад

-Нет, нет и еще раз нет. Это мое последнее слово, — папа так сжимал в руке телефон, что, казалось, тот расплавится сейчас, как шоколадка. Я уже третий раз начинал читать конспект лекции, но по-прежнему не понимал ни слова. — Хотела посоветоваться? Прекрасно! Посоветовалась. Я против!

— Тим, потише, — мама коснулась папиного плеча, но он нетерпеливым движением скинул ее руку.

— Сейчас, выйду на балкон, — сообщил он трубке и протопал в большую комнату.

Звонила тетя Катя и жаловалась на бабушку. Ничего нового. Папа сначала просто слушал, потом они, как обычно, стали спорить. Но, пожалуй, в первый раз дело дошло до криков.

— И даже не думай! — донеслось с балкона.

Я снова склонился над тетрадью и начал перечитывать конспект в четвертый раз.

Папа вернулся на кухню и начал яростно хлопать дверцами шкафов.

— Где кофе?? — он уставился в раскрытый шкафчик.

— Вот, — мама ткнула пальцем в банку на уровне папиных глаз. — Что Катерина говорит?

Папа зафырчал, как морской слон, и плеснул кипяток мимо кружки.

— Дай сюда, — мама отобрала у него чайник. — Снова мама чудачит?

— Она не чудачит! — взвился вдруг папа. Он сжал пальцы в кулак. — Посмотрю я на тебя в ее возрасте. Да, реакция у нее уже не та, память подводит... Н-да...

— Она включила газ, а конфорку не зажгла, — пояснил я маме, откладывая тетрадку в сторону.

— Откуда ты знаешь? — папа уставился на меня.

— Мне Аня написала.

Мама поставила перед папой кружку с кофе.

— Тим, это уже серьезно.

— А я в прошлом месяце утюг забыл выключить. Давайте и меня в дом престарелых сдадим! — предложил папа.

— Тим!

— Тетя Катя хочет отдать бабушку в дом престарелых? — напрягся я.

— Не будет этого, — папа уставился куда-то на середину стола. — Пока я жив, моя мать не будет в богадельне.

— Ну-у, — мама попыталась взять максимально беззаботный тон. — Может быть, стоит обдумать это предложение? В конце концов, Аня может скоро замуж выйти, а одной Кате будет тяжело вато тащить мать. Тем более если ее состояние будет прогрессировать...

Регрессировать, подумал я. Это называется словом «регресс».

Папа так посмотрел на маму, как будто она предложила ему продать печень, сердце и обе почки на черном рынке.

— А вот он, — папа кивнул на меня, — послушает тебя сейчас, а когда ты на пенсию выйдешь, с чистой совестью отправит тебя в такое заведение. Тогда вспомнишь, что говорила... Еще скажешь мне: «Какая я дура была, Тимофей».

— Может, пусть бабушку специалист сначала посмотрит? — осторожно предложил я.

— Ага, чтобы она ее потом с чистой совестью в дурку отправила!

Она — это, видимо, тетя Катя.

— Ей могут назначить какие-нибудь препараты. Для мозга.

— Это от которых она овощем станет? Нет уж. Я сказал, что если ей так уж невмоготу, то я заберу мать к нам.

У мамы округлились глаза.

— Куда ты забирать собрался? Где она спать будет?

— В комнате Влада.

Вот это новости! Нет, я, конечно, люблю бабушку, но делить с ней комнату!! Черт, это, в конце концов, МОЯ комната. Нет, нет и еще раз нет! Только через мой труп!

Папа сделал глоток кофе. Брови его были сдвинуты.

— Я сказал, пока я жив, моя мать не поедет в дом престарелых. Тем более у нас газовой плиты нет, — добавил он чуть тише. — Н-да...

* * *

Через две недели бабушка в голубом халате сидела на нашей кухне. К моему невероятному облегчению, переезд бабушки был временным. Тетя Катя с Аней на две недели уезжали на юг. Оставить бабушку в квартире одну они не рискнули.

За это время папа едва не разругался со своей сестрой окончательно, но ситуацию спасла мама. Она выяснила, что тетя Катя уходит в отпуск, и договорилась с какой-то своей подружкой, которая живет в Геленджике, что та сдаст тете квартиру за совершенно смешные деньги. Чтобы тетя Катя наконец могла отдохнуть. А бабушка пока побудет у нас.

Это совсем для нас нетрудно, заявила мама. Но видно было: она не меньше меня боится, что бабушка останется в нашей квартире навсегда.

Бабушка сидела у нас на кухне, постукивая тапочкой по полу. Она выглядела немного встревоженной. Как будто отстала от своей группы в музее и оказалась один на один в зале с неизвестными экспонатами.

— Супа, Лидия Васильевна? — перед ней проплыла мама с тарелкой в руках.

Бабушка отрицательно покачала головой.

— Может, бутербродик? Или вот фрукты, — мама кивнула на тарелку с яблоками и виноградом.

— Не хочу, — бабушка отвернулась к окну. Мама незаметно от нее возвела глаза к потолку.

— Тимофей! Обедать будешь? — крикнула она.

На кухню заглянул папа. Он как раз менял матрас на моей кровати — там теперь должна была

спать бабушка. Купил какой-то навороченный супернано вместо моего поролонового задохлика. Мне предстояло спать на кухне на надувной кровати, которую мы держали для гостей. Она была удобная, но часам к четырем утра обычно спускалась, и приходилось ее заново надувать.

Я испепеляюще посмотрел на отца, но тот даже не заметил. Мама показала ему на тарелку с супом.

— Буду, но позже, — сообщил он. — Мам, всё хорошо?

Бабушка скромно кивнула.

— Замечательно. Осваивайся. Ты у нас уже года три не была?

— Пять, — тихонько поправила его мама.

— Пять? Ого, — папа приобнял бабушку за плечи, и та прижалась к нему головой, как воробушек к теплой трубе. — Пойдем, покажу тебе, как домофон у нас работает, — папа увлек бабушку в коридор. Мама плюхнула тарелку с остывающим супом передо мной.

— Ешь, — безапелляционно заявила она.

Я понял, что мою комнату окончательно переделали из детской в бабушкинскую, когда папа перевесил туда наш кухонный телевизор. Мама восприняла это решение стоически, но по ее поджатым

губам я понял, что она уже завела календарь, где отмечает дни до отъезда бабушки.

Проблемы начались на третий день. Когда я вернулся с пар, бабушка с торжественным видом сидела на диванчике на кухне. Вид у нее был как у ребенка, стащившего конфету. Я сначала не обратил внимания, но она продолжала сиять, как новенькая монетка.

— Привет, бабуль, — издалека начал я. — Всё хорошо?

— Прекрасно, — бабушка лучилась счастьем.

— Как себя чувствуешь?

— Пре-вос-ход-но!

Это уже пугало. Вы знаете хотя бы одного пенсионера, который не жаловался бы на самочувствие? Лично я — нет.

Тут я обратил внимание, что из кармана ее халата торчит край упаковки из-под лекарств.

— А что за таблетки? — напрягся я.

Бабушкина улыбка сразу померкла. Она быстро затолкала таблетки поглубже в карман.

— Какие таблетки? Ты о чем?

— Покажи, — я протянул ладонь.

— Не понимаю, о чем ты, — она отвела глаза.

Я пошевелил пальцами.

— Показывай!

— Это МОИ таблетки! — запротестовала бабушка.

Твои лежат на тумбочке, подумал я. А это явно какая-то запрещенка.

— Я просто посмотрю.

Бабушка недоверчиво посмотрела на меня и нехотя выудила пачку из недр халата.

Это был «Найз», обезболивающее. Я проверил блистер — не хватало шести таблеток.

— Сколько ты выпила?

— Одну, — бабушка тут же отвела глаза.

— А если честно?

— Одну!

— Нам придется промывать желудок, если ты не скажешь правду! — пригрозил я.

— Ну хорошо, три! — бабушка чуть не плакала. — У меня очень болели ноги.

Я почувствовал укол совести, но решил продолжить допрос, чтобы выяснить всё до конца.

— Откуда ты их взяла?

— Из аптечки, — бабушка показала на большую коробку, стоящую на кухонном шкафчике.

Значит, забиралась с ногами на табуретку. У меня нехорошо заныло внутри, когда я представил, чем это могло кончиться, если бы бабушка не удержалась и загремела вместе с табуреткой на пол.

— У тебя бы не только ноги могли заболеть, но и спина, голова и всё остальное. Надо было подождать кого-нибудь из нас. Ну что ты как маленькая?

Бабушка сидела надувшись.

— У меня очень болели ноги, — повторила она. И чуть тише: — Устроил допрос. Не внук, а гестаповец какой-то.

Мне в лицо ударила краска. Хорошенькое сравнение. То есть она лазает под потолком со своими больными ногами, как партизанка, пьет таблетки в неизвестных количествах, а потом еще обзывается.

«А что ты хотел? — мрачно проговорил мой внутренний голос. — Она ведет себя как классический пациент. Наглядишься еще на таких на работе».

— Ну, раз я всё равно гестаповец, — сказал я, — то таблетки не верну, — и сунул пачку в карман. — Кстати, готовься, сейчас будем делать укол.

Во время укола бабушка сердито молчала. А вечером нажаловалась на меня отцу. Я пил чай на кухне и переписывался с Сашкой, когда отец появился в дверях.

— Что там у вас с бабушкой случилось? — спросил он таким тоном, что я сразу понял: ему уже

во всех красках расписали, что именно произошло. С гестаповцем Владом в главной роли.

— Она залезла в аптечку, съела несколько таблеток и потом еще прятала пачку в кармане, — буркнул я.

— То есть сделала то, что сделал бы обычный человек, если бы у него что-то разболелось. Достала лекарство и приняла его, — парировал отец.

— Пап, если бы она упала с табуретки...

— Я уже с ней поговорил об этом, — перебил меня он. — Соберите с матерью маленькую аптечку, где будет всё необходимое. Положим ее пониже.

— Пониже? — возмутился я. — Отлично. Только я больше не буду тогда следить, какие лекарства она принимает.

— Ты это... оставь свои замашки, — вдруг повысил голос отец. — Бабушка — пожилой человек, но она не сумасшедшая. А ты еще не... — он не договорил.

Мне показалось, что внутри меня открыли ампулу с ядом. На языке сразу стало горько.

— Еще не?

— Еще не врач, — отчеканил отец.

Яд внутри меня забурлил и всё же выплеснулся наружу.

— А ты уже не врач, — сказал я.

Отец тяжело посмотрел на меня и вышел. Я остался сидеть с кружкой всё еще слишком горячего чая.

Папа был онкологом. Давно, когда я был еще маленьким. Но грянул очередной кризис, условия на работе становились всё хуже, он сутками пропадавал в больнице, а потом плюнул и ушел в бизнес. «Чтобы спасти семью», — так он всегда объяснял.

О папином решении у нас в семье обычно не говорили. Мама как-то обмолвилась, что причина папиного ухода была не только в деньгах и графике работы, но и в каком-то случае на работе. Только о чем именно речь, уточнять наотрез отказалась. А отец, когда я начал к нему приставать с расспросами, сначала молча слушал, потом сказал: «Так, закрыли тему». Спорить с ним всегда было сложно.

* * *

— Ты чего такой грустный? С Никой проблемы? — Сашка пихнул меня в бок.

Мы ехали на такси в новый корпус — там у нас проходят пары по английскому. Автобусы напрямую туда не ходят, так что с пересадками мы бы потратили больше времени, чем на такси, и практически ничего не сэкономили бы.

Правда, приходится набиваться в машину, как шпроты: справа от меня сидит Стас, а Сашка упирается коленками в водительское кресло.

На переднем сидении едет Леха. Он весит больше 120 килограммов, поэтому никто не спорит, когда он устраивается рядом с водителем.

— Ничего, — буркнул я. Рассказывать при всех не хотелось. Да и вообще я не был уверен, что мне хочется делиться. Я злился на бабушку, злился на папу, и, как ни странно, мне нравилось это клокотание внутри меня. Как будто внутри ядерный реактор. Если бы электричество можно было генерировать от злости, я мог бы сейчас спокойно обеспечивать какой-нибудь микрорайон.

— Да говори, не жмись, все свои, — Стас тоже пихнул меня тощим локтем. Да что ж такое! Не люблю сидеть посередине. Между прочим, самое опасное место. При экстренной остановке как миленький улетишь головой в лобовое стекло.

— Как-нибудь потом. Всё в порядке. А у тебя как с Ольгой? — поспешил перевести разговор я.

Сашка вдруг покраснел и замялся.

— Замуж позвал? — хихикнул Стас, откусывая от пирожка, выглядывавшего из целлофанового пакета.

— Мы... больше не вместе, — выдавил Сашка.

— Оу, — пирожок едва не пошел Стасу не в то горло. — Я ж только позавчера вас видел.

Сашка отвернулся к окну. Я слегка похлопал его по руке, но он не отреагировал.

— Она тебе изменила? — выдохнул Стас.

Он обожал быть в курсе всех личных взаимоотношений и периодически приносил нам инсайдерскую информацию, кого из преподавательниц видели с деканом в кафе на окраине города, от кого беременна завкафедры патанатомии и как прошло свидание Каринки с каким-то там аспирантом-волейболистом. Спойлер: плохо.

— Заткнись, а? — огрызнулся Сашка. Это было на него не похоже. — Нет, — наконец ответил он. — Сказала, что ее достало быть для меня на втором месте после медицины. Что если бы я действительно хотел, то виделся бы с ней чаще.

— Точно изменила, — констатировал Стас. — Вот увидишь, у нее другой.

Пришло мое время пихать Стаса в бок.

— Может, еще помириться, — миролюбиво подал голос с переднего сидения Леха.

Сашка промолчал.

— Извини, Сань. Я не знал, — пробормотал я.

— Ничего, — ответил он, не поворачиваясь.

Мои мысли тем временем метнулись к Нике. Когда мы с ней виделись в последний раз? Она не писала мне уже три дня. Может, тоже уже нашла замену?

В ядерном реакторе в моем животе пошли какие-то опасные процессы. Какого черта? Это МОЯ Ника!

Я достал телефон и под любопытными взглядами Стаса напечатал:

Привет! Как ты?

Подумал и добавил:

Я соскучился

Обычно Ника отвечала молниеносно, что невероятно: она почти не расставалась с телефоном. Но на этот раз пауза затянулась. Ответное сообщение пришло, когда мы уже подъезжали к корпусу.

Привет. Всё хорошо

Стас, бросив взгляд на экран, присвистнул.

— О-о-о, дела твои плохи, друг мой!

— Почему? — машинально уточнил я.

— Ты только посмотри на эти точки. Что ты натворил?

Я отмахнулся от Стаса. Повернул телефон так, чтобы он не видел экран, и написал:

Надо увидеться

В этот раз она молчала еще дольше. Но в конце концов согласилась встретиться на нашем месте в городском парке. Стас, подглядывавший в экран, шепнул:

— Не всё потеряно, приятель!

Пары тянулись как резиновые. Старушка Карловна, которая вела у нас пропедевтику, рассказывала что-то про карты Таро. Каринка, сидевшая за мной, опустила голову на сложенные на парте руки и, кажется, спала. Тоня аккуратно записывала за преподавателем, периодически меняя синюю ручку на красную, золотую или серебряную и выделяя важные места. У нее был самый красивый почерк в группе — непонятно, как ее вообще взяли в медицинский! Ее лекции потом ксерила половина группы.

Я собирался закинуть домой рюкзак, перехватить пару бутербродов и бежать на встречу с Никой, но, как только открыл дверь, понял, что мои планы, кажется, пойдут коту под хвост.

Мама громко ругалась с бабушкой. Звенели тарелки, и в какой-то момент мама так повысила

голос, что я подумал, она сейчас шваркнет какую-нибудь из них об пол.

Я заглянул на кухню. Мама с пунцовыми пятнами на щеках мыла посуду с таким видом, будто хотела ее утопить. Бабушка сидела на стуле с упрямо поджатыми губами. Перед ней стояла пустая тарелка.

— Влад! — мама обернулась ко мне и схватила за руку мокрыми пальцами. — Хорошо, что ты пришел! Бабушка твоя утверждает, что я ее не кормлю!

Я посмотрел на пустую тарелку, потом на маму.

— Э-э-э, ма-ам...

— Я ей налила полную тарелку! — мама чуть не плакала. — Она всё съела и ушла в свою комнату.

Мне резанула по ушам эта «своя комната». Это была моя, моя комната!

— А через полчаса пришла, поставила перед собой тарелку и говорит: «Обедать-то сегодня будем?» Как будто я про нее забыла!

— Забыла, — уверенно подтвердила бабушка. — Вот Катя никогда не забывала обед приготовить.

Мама глухо зарычала и грохнула в раковину половник. Кажется, их спор продолжался уже долго. Мама у меня похожа на одну актрису

из советских фильмов. У нее густые волосы до пояса, которые она обычно собирает в узел на затылке, красивые глаза и звонкий голос. С таким голосом надо быть или актрисой, или прапорщиком.

— Влад, скажи бабушке, что она уже обедала! — приказала мама.

Ненавижу, когда из меня делают миротворца в семейных дразгах. Ты начинаешь говорить очевидные вещи, а в итоге родственники объединяются и накидываются уже на тебя. Хотя, наверное, своя логика тут есть: легче помириться, когда можно вместе наорать на кого-то третьего.

Время поджимало, нас задержали на последней паре почти на полчаса, а мне еще надо было доехать до парка.

— Ну так налей ей еще супа, — закатил глаза я.

— Как ты себе это представляешь? И сколько тарелок она так съест? Ей же плохо станет! — возмутилась мама.

— Никто еще не умирал от супа.

— Готова поспорить, что от супа умерла не одна сотня людей.

— От обычного или отравленного?

— Влад! Можно не хохмить?

Ну вот, началось.

— А можно вы сами как-нибудь без меня разберетесь?

— Это и твоя семья, — с вызовом сказала мама.

— Иногда мне кажется, что я тут вообще лишний.

Но дверью так громко, наверное, хлопнуть не стоило.

* * *

Я шел к парку и от всей души злился. Если честно, даже с некоторым удовольствием. Слишком давно я сдерживал в себе это чувство. Злость наполняла меня, как гелий — воздушный шарик. Даже походка сделалась слегка прыгучей, словно меня подбрасывало вверх.

Влад то, Влад сё! Влад же у нас врач, душка и пушечка. Такой безотказный, хочет помогать людям. Поэтому и пошел в медицинский. Надо съездить через полгорода отдать маминой подруге какую-то книгу — пожалуйста. В единственный выходной потеть на крыше дачи и перекладывать черепицу — легко. Комнату свою уступить бабушке — разумеется!

А хоть раз кто-то поинтересовался, чего я сам хочу? Всё время только «надо». И никакого «хочется». Вот так выглядит взрослая жизнь? Да не пошла бы она тогда лесом!

В детстве тебе вечно врут: вот подрастешь — сам будешь решать. И что получается? Ты вырос, а за тебя всё равно решают другие.

Подгоняемый волнами злости, я добрался до парка минут за десять до назначенного времени. Там было довольно многолюдно для прохладного мартовского денька. На входе в меня чуть не врезался мальчик лет семи на велосипеде. Я еле успел поймать руками руль, чтобы он не свалился. Мальчишка ойкнул, испуганно вытаращившись на меня.

— Не ушибся?

— Не. Извините...

— Ничего. Давай поосторожнее. Ладно?

Поняв, что я не собираюсь его ругать, пацан быстро умчался в обратном направлении, тренькая звонком.

Как ни странно, после этой аварии моя злость куда-то улетучилась. Как будто вылетела из меня после удара велосипедом. Отряхивая на ходу испачканную штанину, я свернул на тропинку, которая вела к нашему с Никой месту.

Конечно, слегка высокопарно звучит — наше место. Это всего лишь пологий спуск к реке под кривым дубом. Можно сидеть просто на траве, но Ника в последнее время брала с собой небольшой

плед, чтобы не испачкать одежду. Ну то есть как — в последнее время... Кажется, мы тут не были с октября.

Здесь красиво. Вечером в реке отражается вереница фонарей с противоположного берега. И главное, тихо! Конечно, по тропинке мимо проходят люди, но их немного. Можно представить, что сидишь на клочке суши недалеко от Большой земли.

Видели в сети фото с подписью «Мечта интроверта», где ма-а-аленький остров и на нем стоит один дом? Иногда я мечтаю оказаться в таком месте. Мне кажется, я бы три дня просто сидел с банкой колы на берегу. Конечно, обычно принято представлять вместо колы чашку кофе, но я люблю быть реалистичным даже в мечтах.

А, да, еще я бы орал. От этой мысли мне вдруг стало смешно. Нет, а что, я давно мечтаю оказаться в месте, где можно просто от души поорать. Причем так, чтобы тебя не забрали потом в полицию. Говорят, это легкие развивает.

Короче, начинаю откладывать с карманных денег на такой дом. Назову его «Убежище».

Ники возле дуба еще не было, и я уселся прямо на траву. С недовольным кряканьем к воде поспешили сидевшие на берегу утки. Интересно, Ника

возьмет плед? Надо тоже завести какую-нибудь тряпку. Не всё же ей одной таскать.

Ника... Я вдруг понял, что действительно по ней соскучился. Сашкино расставание с Ольгой меня встряхнуло.

Мы с Никой познакомились на празднике для первокурсников полтора года назад. На главной площади города устроили концерт. Я не особо хотел идти, но Стас умеет быть убедительным. Сашка как-то отмазался, а я не сумел.

Сначала был треш. Полная площадь перваков — всё как я люблю, ага. Помним про домик на острове.

На разогреве выступали сначала наши местные группы, а потом уже вышли москвичи. Лысый парень в кожаной жилетке и высоченная блондинка в ярко-красном комбинезоне и белых кроссовках. Название группы не помню: когда начали объявлять, девчонки так завизжали, что я вообще перестал что-либо слышать. Стас к этому времени уже с какими-то студентками познакомился — с химфака, как потом оказалось.

Музыка гремела, я раздумывал, не свалить ли, и уже начал потихоньку пробираться к выходу,

но тут на сцену вышла кавер-группа и заиграла *I want to break free**. Зрители взвыли от восторга.

Что ж, *Queen* — это вещь. Уйти я всегда успею. Я остановился и тут заметил ее. Невысокая девчонка в джинсовых шортах вставала на цыпочки и подпрыгивала, чтобы увидеть, что происходит на сцене. Получалось, судя по всему, не очень.

Решение созрело во мне мгновенно. Сам я впоследствии удивлялся своему поступку. Может, это музыка так на меня подействовала. Я тронул девушку за руку. Она смущенно улыбнулась.

— Извини, — прокричала она, перекрикивая музыку.

— За что?

— Я вроде наступила тебе на ногу.

— Не-е-ет! — я помотал головой. — Полезай ко мне на плечи!

— Что? — она почти испуганно посмотрела на меня.

— Полезай на плечи! Тебе ведь не видно.

Она немного поколебалась, а потом вдруг улыбнулась и кивнула.

---

* Я хочу освободиться (англ.).

Я присел на корточки, и девушка слегка неуклюже забралась мне на плечи. Я обхватил ее голени руками, чтобы она не упала, и поднялся.

— Ого! — с восторгом выкрикнула она. — Как высоко! И всё видно!

Я показал ей большой палец.

Сзади недовольно зашикали, но мне было всё равно. Мы орали в два голоса:

— Ай вонт ту брейк фри-и-и!

Моя «пассажирка», кажется, чувствовала себя немного неуверенно и придерживалась за мое плечо рукой, чтобы не упасть. У нее были прохладные пальцы.

Потом сыграли «Металлику», две песни «Раммштайн» (серьезно?) и Эда Ширана. Когда у меня уже начали болеть плечи, кавер-группа ушла, и объявили перерыв на конкурс.

Я аккуратно помог девушке спуститься. Повинуясь единому порыву, мы вдруг обнялись. Рядом кто-то засмеялся.

— Спасибо! Это было круто! — выдохнула она. И развернулась, чтобы уйти.

— Стой! Как тебя зовут?

— Ника, — улыбнулась она, откидывая с глаз челку.

— Ты из меда?

— Нет, из юридического.

Я судорожно соображал, как бы спросить ее номер телефона, но она уже растворилась в толпе.

Тем же вечером я нашел ее во «ВКонтакте» и написал. А она ответила.

Утка уже третий раз демонстративно проплывала мимо меня и негромко крякала, как бы интересуясь, когда же я наконец уйду. Я поднялся на ноги. Прошло уже сорок минут. Ника так и не пришла. Телефон ее молчал. Я отправил ей сообщение в Ватсап, но оно осталось неп прочитанным.

Что-то случилось, подумал я. Или, перебил меня второй внутренний голос, она тебе мстит. А может, тихо-тихо добавил третий голос, — но я его услышал, — ты ей больше не нужен.

В конце концов я написал, что ухожу, и поплелся к выходу из парка. На главной аллее я увидел того мальчишку, который влетел в меня на велосипеде. Он весело прыгал вокруг немолодой женщины в широких желтых штанах и обстреливал ее из пистолета мыльными пузырями. Она смеялась и в ответ тоже выпускала очереди искрящихся пузырей.

Ника любит мыльные пузыри. Я как-то фотографировал ее, а она выдувала их один за другим и хохотала. А потом ругалась на меня за то, что

у нее на всех фотографиях получились смешные надутые щеки.

Я подошел к палатке и купил маленькую баночку с пузырями. Если вдруг встречу сейчас Нику, она удивится!

Но я ее так и не встретил.

Дома меня ждала, как говорит мама, вторая часть Марлезонского балета. Я как-то не поленился, загуглил, что это за балет такой. Оказалось, балет о дроздах! Нет, серьезно. Там даже круче было написано: «балет дроздования». Что ж, у нас дома было именно полное дроздование.

Папины ботинки уже стояли в прихожей. Я заглянул в свою комнату: бабушка смотрела очередной сериал. Я достал из рюкзака мыльные пузыри и пошел на кухню.

Там вполголоса ругались папа с мамой. Уникальные люди, я считаю. Я вот тихо ругаться не умею. Если уж костерить кого-то, так по-настоящему, с душой, с размахом.

— ...И пока мы ехали до шестого этажа, она мне всё выговаривала, мол, ваша бабушка жалуется, что вы ее запираете!

Мама сдвинула брови.

— Ты больше ее слушай. Откуда ей вообще что-то знать про твою маму?

— А она говорит: мой балкон по диагонали от вашего, и мне ваша бабушка всё рассказала.

Мама глубоко вздохнула. Потом еще раз.

— Что «всё»? — устало спросила она.

— Что ее не кормят и из дома не выпускают. А еще не дают с дочерью общаться.

Мама снова зарычала, как и днем. Кажется, скоро она превратится в тигра.

— Я же объясняла ей, что у них там очень плохая связь! Я сама до Кати дозвониться не могу!

Папа пододвинул к себе пепельницу.

— Слушай, я понимаю, тебя это всё бесит. Приходится смотреть за мамой, а вы с ней никогда особо не ладили... Н-да...

— Да при чем тут это! — вскипела мама. — Ты разве не видишь, что она просто сочиняет! Что у нее уже что-то с головой!!! Она как ребенок становится. Влад! — мама наконец заметила меня в тени коридора.

Я зачем-то открыл баночку, которую всё еще держал в руке, и дунул. В родителей полетели мыльные пузыри. Я невольно улыбнулся.

— Вот еще один ребенок, — неприязненно буркнул отец. — Пойдешь больничным клоуном работать?

— А почему бы и нет? Прекрасная профессия.

— Ну-ну.

— Тимофей, ты же понимаешь, что твоя мать больна, — осторожно сказала мама.

— Это, черт возьми, просто старость! — взъярился отец. — Даже слышать ничего не хочу.

Конец второй части Марлезонского балета, подумал я.

Уже ближе к ночи объявилась Ника. Она написала, что у нее резко образовались какие-то дела.

Семейные обстоятельства.

Ты же не обиделся?

А телефон она якобы забыла дома.

Семейные обстоятельства, ага. Такая отмазка только в школе прокатывает, когда родителям за чем-то надо отпросить тебя с уроков. Я сделал вид, что сплю, и не ответил.

Физкультуру с утра отменили, но я всё равно опаздывал. Я забежал в магазин рядом с остановкой, чтобы купить какой-нибудь перекус, и застрял в очереди из четырех человек. Работала всего одна касса, поэтому все покупатели нетерпеливо постукивали копытами. Немолодая кассирша с татуированными бровями вдумчиво взвешивала огурцы.

— Влад? — вдруг послышался чей-то голос у меня за спиной.

Я обернулся. За моей спиной стояла темненькая девушка, накручивала на палец сиреневую прядь волос. Где-то я ее видел?

— Агния! — обрадовался я.

— Привет.

— Как собака?

Она вдруг как будто потускнела.

— Она... Ее больше нет.

— Не спасли?

Она мотнула головой.

— Папа ее отвез, ей сделали укол, и... — она загнулась.

— Ясно.

Дурак. Я дурак. Зачем спросил? Видно же было, что собака не жилец.

Но, с другой стороны, разве вообще можно было не спросить?

Агния уставилась в свою корзинку с продуктами.

— А с этим гонщиком что? Вы его нашли?

Агния снова посмотрела на меня.

— Папа с ним разговаривал. Этот тип предлагал компенсацию, но мы отказались.

— Много? — не удержался я.

— Не знаю. Папа сказал, что хочет довести дело до суда. Чтобы его лишили прав.

— А его лишат? — засомневался я.

— Молодой человек! — голос кассирши заставил меня вздрогнуть. — Вы проходите или нет? Люди же торопятся.

За мной стояла только Агния, она махнула мне рукой, мол, иди-иди.

Я расплатился за покупки и сгреб их в рюкзак.

— Еще увидимся.

— Пока.

Значит, усыпили. Хм. Или, как еще собачники говорят, «отпустили».

У тети Кати был пес — огромный хаски. Такой, размером с волка. Когда ему стукнуло пятнадцать, он решил, что с него хватит. В один день просто не смог подняться. Лежал на своей подстилке, хвостом мёл и скулил. Скулил с переходом на вой.

Тетя говорила, у него позвонки срослись или что-то вроде того. А операцию собаке в таком возрасте никто делать не будет.

Конечно, дело было не только в позвонках, у него еще и сердце барахлило, и с суставами что-то не так. В общем, в тот день, когда он не встал,

тетя вызвала ветеринара на дом, и вечером Барни не стало.

Она потом две недели чуть что начинала плакать. Позвонит, начнет что-то рассказывать, раз — и в трубке снова одни рыдания.

Ей все говорили, что она поступила правильно. Что легкая смерть — это то, что мы можем дать нашим животным. Что это милосердно. Что он теперь молодой и свободный бежит по радуге и надирает пушистые жопки разным небесным мопсам и терьерам.

Почему, интересно, с людьми это не работает? Почему усыпить страдающую собаку — это милосердие, а если на ее месте оказался ты, то на это милосердие рассчитывать уже не сможешь? Никогда не понимал.

Мы с мамой как-то жестко поспорили на тему эвтаназии.

— Мам, ну смотри, если меня, например, собьет машина и я окажусь полностью парализованным, то разве не логично меня просто отключить от аппаратов жизнеобеспечения. Ну или сделать какой-нибудь укол...

Мама внимательно посмотрела на меня.

— Нет, не логично. Жизнь тебе дал Бог, ему и отнимать.

— Ну, положим, не Бог, а ты. Сможешь меня подушкой придушить?

— Глупости-то не говори!

— Ну, это всё равно какое-то рабство. Это же моя жизнь, а не чья-то еще. Почему ею должен распоряжаться седой дедушка на облаке? И я бы не хотел, чтобы вам пришлось за мной ухаживать, — признался я.

— А это уже нам решать. И вообще, я не хочу об этом говорить, — и мама ретировалась в ванную.

Вот и поговорили. Ей-богу, иногда спорить с родителями — то же самое, что беседовать с прудовыми карпами. Они тебя просто не слышат — они в своем мире.

— А по-твоему, не грех, когда человека заставляют медленно умирать, и все при этом отводят глаза и желают долгих лет жизни? — я поскребся в закрытую дверь.

— Нет, не грех, — строго ответила из-за двери мама. — У твоего деда была онкология. И без лекарств он испытывал страшные боли. Но он меня в последний день подозвал и сказал... Он сказал: «Любочка, я так не хочу умирать!»

Тут мама, судя по звукам, разрыдалась, и дискуссию пришлось прекратить. Вот как с ней о серьезных вещах говорить?

Вечером позвонила тетя Катя. Разговор постоянно прерывался, но мама смогла расслышать, что у тети какое-то жуткое кишечное расстройство. Ее уже осмотрел врач и даже рекомендовал лечь в больницу, но она пока думает. Одним словом, они с Аней вернутся не раньше чем через десять дней.

— Так что бабушка пока остается у нас, — максимально ровным голосом сообщила мама.

— Хорошо, — кивнул папа, не замечая ее настроения.

Бабушка отнеслась к новости довольно спокойно. Про гестапо она больше не вспоминала. Мы вроде как помирились. Но вечером, когда я делал ей укол, вдруг заметил, что она плачет.

— Что такое, баб Лид? Уколол неудачно? — задергался я.

— Нет, нет, Владик. Всё хорошо, — бабушка терла кулаком глаз.

— Ба-аб? — я присел рядом с ней на корточки.

— Я знала, что Катя меня бросит, — сквозь слезы проговорила бабушка. Она выудила из недр кармана большой платок в клетку и повозила им под носом. — Она мне всегда говорила, что я никчемная. И вот они с Анюткой решили:

я им не нужна. Ну что ж, так, наверное, и лучше, — всхлипнула бабушка. — Катя молодая еще, мужа найдет...

— Бабуль, да они же вернутся скоро. Теть Катя просто приболела.

— Ты им веришь, да? Ну и хорошо, — она поджала губы. — Не слушай глупую бабушку.

— Ну что ты говоришь? — начал сердиться я.

— Меня и дед твой бросил...

— Бабуль, он умер.

Но бабушка словно не слышала.

— А как ухаживал, какой внимательный был! Год ухаживал до свадьбы. И у нас ни-ни — ничего не было! Не то что у вас сейчас. Только девочка понравилась, и вы с ней скорее в койку. А дедушка ваш подарки мне дарил! Шоколадные конфеты таскал! Ох и вкусные! А я их сначала выбрасывала, ну, чтобы не подумал, что я так сразу, — бабушка неожиданно перешла с плаксивого на сентиментальный тон. — Он ко мне из своего села каждый день в город приходил — за двадцать километров. Ботинки все в пылище. Ну точно шахтер. Однажды пуделя мне фарфорового принес. Белого такого, лапу на шаре держит, — бабушка вдруг заерзала в кресле. — Не знаю, где он сейчас. Надо Тимоше сказать, чтобы искал.

Вечером, стоило папе переступить порог, бабушка тут же бросилась к нему. Я слышал, как она что-то втирает ему про деда, фарфоровую статуэтку.

— Поищем, мам, поищем, — отозвался папа рассеянно. — Люб, я пришел.

— Ужин на столе, — отозвалась мама, выходя из кухни. — Лидия Васильевна, пирог будете? — она улыбнулась бабушке. — С вишней, ваш любимый.

Бабушка радостно закивала, и они удалились чуть ли не в обнимку с мамой.

Мне почудился топот радужных единорогов. Неужели нас наконец ждет спокойный вечер?

Воспользовавшись случаем, я зашел в свою — свою! — комнату и устроился на подоконнике. Настроение впервые за несколько последних дней было хорошее. Я достал телефон.

Ник?

Телефон послушно пиликнул.

Что?

Помнишь тот концерт?

Ай вонт ту брейк фри!

Помню)

Здорово было, да?

Да.

Давай на концерт сходим?

Мы увидаться уже месяц не можем,
а ты про концерт...

Пока я набирал сообщение, пришло еще одно
от Ники.

Я просто хочу увидеть тебя.

Я тоже

Мне так не кажется.

Давай завтра?

Ты сможешь?)

А ты? Это у тебя были «семейные
обстоятельства». (©_☹_©)

Я не удержался и снабдил сообщение «колобком» с высунутым языком. Я еще не до конца простил ее за то, что она не пришла на встречу.

Что ты хочешь этим сказать?

Скобочки пропали, и я решил вернуться со скользкой тропинки обратно на нормальную дорогу.

Так мы увидимся?

Я завтра буду возле тебя. Могу подойти

Договорились

Я не сдержал широкой улыбки.

А утром разразился очередной скандал. Бабушка в одной ночнушке бегала по кухне за мамой. Она была растрепана, в голове у нее застряло перышко из подушки. Она походила на птенца совы — нахохлившегося и лохматого.

— Лидия Васильевна, — мама с тарелками в руках лавировала по кухне, ловко избегая столкновений с бабушкой. — Я уже объяснила, ваш халат в стирке.

— И что мне, голой теперь ходить? — фыркнула бабушка.

— У вас есть еще халаты. Мы вместе собирали сумку. Красный в полоску — точно помню. Еще синий с каким-то геометрическим рисунком...

— Ты куда мою одежду дела?! — будто не слышала бабушка. Она стукнула рукой по столу так, что чашки, стоявшие на нем, подскочили.

— Бабуль, — я решил, что стоит вмешаться. — Мама же сказала — халат в стирке.

Бабушка скривилась, махнула рукой и куда-то ушла. Я налил в кружку кипятка, кинул в него чайный пакетик. Потолкал его ложкой, чтобы быстрее заваривался.

Мама вышла, и через полминуты из коридора раздались крики. Она забежала обратно на кухню — лицо ее пошло красными пятнами.

— Всё! Я умываю руки!

И она действительно открыла кран и стала плескать холодной водой себе на лицо.

Вслед за ней в дверях кухни показалась бабушка. Она была в своем любимом халате, накинутом поверх ночнушки. Пока ее не застукала мама, она успела застегнуть три верхних пуговицы. Вид у бабушки был торжествующий.

Я не выдержал и хихикнул. Мама посмотрела на меня так, будто я выкрикнул «Хайль Гитлер».

По лицу ее стекали капли воды. Мокрые волосы облепили лоб.

— Смешно? Смешно, да? Хорошо. Тогда я ухажу. У меня дела. Ты взрослый человек. Я смотрю, еще и с чувством юмора. Да еще и будущий медик. Сумеешь приглядеть за бабушкой.

— Эй! Эй! Мы так не договаривались! — заволовновался я. — У меня встреча сегодня!

— Подождет твоя встреча, — мама, кажется, взяла себя в руки. — Я уже две недели дома почти безвылазно. А у тебя выходной.

— Но, мам! Нет!

— Ты маленький мальчик и нужно, чтобы мамочка была рядом?

— Мам! Да тьфу, что ты...

— Тогда, с твоего ПОЗВОЛЕНИЯ, — она вздернула подбородок, — я иду прогуляться.

Проскользнув мимо бабушки, которая возилась с самой нижней пуговицей, она отправилась одеваться.

Приплыли. Ника меня теперь точно пошлет.

— Мам, — я постучал в дверь большой комнаты.

— Я переодеваюсь.

— Это не смешно! Я уже договорился...

— Не смешно? А мне показалось, тебе было очень весело.

Кажется, я проигрывал эту дискуссию. Надо было срочно что-то делать. Я решил зайти с козырей.

— Давай я вернусь и отгенералю свою комнату, а?

— Прекрасная идея, — отозвалась мама. — Я вернусь, и ты займешься уборкой.

— Мам!

Дверь открылась. Мама уже была в брюках и кофточке. На скорость, что ли, одевалась?

— Если ты считаешь, что это папино слово у нас закон, а мама — так, девочка на побегушках, — ты очень ошибаешься. Очень.

Ладно, ладно, всё под контролем. Она сейчас просто выйдет на улицу и через пять минут придет обратно.

Мама поправила перед зеркалом прическу и застегнула куртку.

— Обед в холодильнике. Не забудь покормить бабушку.

— Обед?! Ты когда вернешься?

Не ответив, мама захлопнула дверь у меня перед носом. Я услышал, как стучат ее каблуки. Потом проскрежетал лифт.

Прощай, Ника.

Может, сразу написать ей? Боже, это будет звучать жалко.

Ника, прости, я сижу с бабушкой |

Ответственный внучок. Да она и не поверит.

Черт, черт, черт! Тупая ситуация! Ну почему бабушка именно сегодня решила проверить на прочность мамины нервы? И почему мамины нервы именно сегодня не выдержали?

Может, рассказать Нике всё как есть? Но меня коробило от одной мысли, что Ника будет меня жалеть. Она наверняка скажет: «Бедный... Ты ее очень любишь?»

А я...

В детстве мы с бабушкой были не разлей вода. Обычно у детей есть любимая бабушка и вторая. Любимая — чаще всего по маминой линии.

Но у меня всё вышло наоборот. Мамина мама — бабушка Эля — живет сейчас в Финляндии с новым мужем. За всё детство я видел ее раз десять. Она всегда была очень ухоженная, бабушка Эля. От нее пахло какими-то цветочными духами. Она приезжала к нам домой всегда без предупреждения и дарила мне конструкторы, книги, приставки.

Но если я ей предлагал поиграть вместе, сложить из нового конструктора динозавра или

нарисовать космический корабль, она обычно поджимала губы и говорила: «Сам, Влад, сам. У нас с твоими родителями взрослые разговоры». И они вели свои разговоры, а меня отправляли в детскую.

Баба Лида была другая. Полненькая, со светлыми кудряшками на голове. От нее не пахло духами, хотя какой-то пузырек с красной крышечкой стоял на трюмо. Долго стоял, лет десять точно. А пахло от нее тестом, сушеными яблоками, медом и валерьянкой.

Она разрешала мне прыгать на диване, бросаться подушками, рыться в кладовке — одним словом, делать всё, что запрещалось дома.

Правда, однажды мне досталось за то, что я откопал в выдвижном ящике комода колоду карт и опрометчиво резался с Анькой на лавочке прямо под бабушкиными окнами в дурака. Играли мы на интерес, но скандал вышел знатный. «Азартные игры, — ахала бабушка. — И это в шесть лет!»

При том они с дедом каждые выходные резались с соседями в покер. «На копеечку», как шутил дед. В общем, благодаря ему и бабушке я рано познакомился с понятием двойных стандартов.

Дед... Его не стало три года назад. Та самая болезнь, о которой стараются не говорить. Обнаружили ее поздно, и дед отказался лечиться. Махнул рукой — мол, мне всё равно помирать, на меня деньги тратить не надо.

Бабушка и мама ругались с ним, плакали, упрасивали. В итоге он решился пройти курс химиотерапии. Но было уже поздно. Собственно, с самого начала было понятно, что поздно.

Его хотели забрать в больницу, но бабушка наотрез отказалась. И он умер дома на своей кровати. Я узнал об этом, когда в шесть часов утра мне написала эсэмэску тетя Катя: «Влад, у тебя нет дедушкиной фотографии крупной?» И я, конечно, сразу всё понял.

Она потом извинялась, говорила, что была уверена — мне уже рассказали. Впрочем, если задуматься, это не самый дурацкий способ узнавать плохие новости. Я до восьми утра копался в фотоархиве и нашел три подходящих снимка, скинул тете, но она ответила, что фото на памятник уже нашли и ничего не нужно.

После дедушкиной смерти бабушка, как это говорят... сдала. Их с дедом собаку — Лору — забрала соседка. Они взяли ее примерно за год до того, как дед не стало.

А еще бабушка перестала печь. Совсем. В общем, выглядело это так, будто она не собиралась долго задерживаться на этом свете и уже собирает вещички для переезда. Когда я приходил, она пыталась дарить мне вещи: то старую лава-лампу еще советского образца, то какие-то книжки про травы, то нераспакованный чайный сервиз с рыжими кружками в полоску. Отказаться было практически невозможно.

На семейном совете решили, что она переедет к тете Кате, а бабушкину квартиру будут пока сдавать. Бабушка долго сопротивлялась. Но папа и тетька умеют быть убедительными.

Когда всё это произошло, я учился в одиннадцатом классе и со всеми этими репетиторами, дополнительными занятиями и курсами редко виделся с бабушкой. Может, тогда порвалась между нами ниточка?

Я по-прежнему, конечно, звал ее бабулей, беспокоился, но где-то внутри появилось чувство, что это не бабушка Лида. А какая-то третья бабушка, совсем не похожая на ту, из детства, которая хохотала, выигрывая в покер, или нарежала для меня «пустые» пирожки в виде осьминогов. Старая бабушка спряталась в новую, как матрешка, и только иногда

приоткрывала крышку и осторожно выглядывала наружу.

* * *

Я убедился, что мама действительно ушла, и поплелся к себе в комнату. Бабушка сидела в кресле и, спустив очки на кончик носа, внимательно вглядывалась в телепрограмму. Я заметил на халате большое рыжее пятно в районе живота.

— Баб, халат же действительно грязный, — заметил я. — Давай стираем?

Бабушка сделала вид, что меня не слышит, похлопала палец и перелистнула газетную страничку.

— Посмотрим гороскоп. Вот. Рыбы. Владик — о тебе! Постарайтесь выполнить взятые на вас обещания. В противном случае, — бабушка сделала внушительную паузу, — это грозит вам неприятностями вплоть до разрыва отношений.

Я в гороскопы не верю, но сочинение неизвестного журналиста меня почему-то доконало. Я зарычал и повалился на диван. Вот когда мне стукнет тридцать и мама начнет спрашивать меня, когда же внуки, я ей припомню. Как же бесит, когда с твоими планами не считаются! Вечная история

еще со школьных времен. Когда ты хочешь наконец-то выспаться в выходной, но тебя будят в девять утра, чтобы ехать по магазинам. Они-то уже проснулись!

— Хотел с девушкой встретиться? — вдруг спросила бабушка, снимая очки.

— Я... С чего ты взяла?

— Ну, мне же не пять лет, — она игриво улыбнулась. — Из-за друзей ты бы так не переживал.

Она неловко поднялась, подошла и вдруг погладила меня по руке.

— Так приводи ее к нам. Познакомишь. Я пирог испеку.

Испечет пирог? Бабушка уже три года не подходила к духовке. Я растерялся еще больше.

— Э-э-э... Наверное, не стоит.

— Печь пирог? — бабушка задумалась. — Да, кажется, яиц нет. Но можем попить чай с печеньем.

— Я не совсем то имел в виду. Ей у нас, наверное, будет не очень удобно. Мы вообще погулять хотели, — промямлил я.

Бабушка вся как-то сникла.

— Ты чего?

— Ничего, — бабушка насупилась, как маленькая девочка.

— Ну?

— Ты меня стесняешься, — она одернула грязный халат, уже не глядя на меня.

— Нет, — соврал я.

— Я могу запереться в туалете.

— Бабуль!!

Верхняя половинка матрешки приподнялась, и на меня посмотрела моя бабушка Лида.

— Ты любишь ее? — тихо спросила она.

— Кого?

— Девушку эту. Как ее зовут хоть?

— Ника, — неожиданно для себя ответил я.

— Любишь ее?

— Наверное, — пожал плечами я. — Я не задумывался.

Бабушка махнула рукой.

— Разберешься. Это не сразу приходит. Дед ваш Витя, царствие ему небесное, тоже сначала за подругой моей ухаживал. Ниночкой Ставрыгиной. Она красивая была, Ниночка-то. Коса — как канат, кудри... А глаза голубые-голубые, как васильки. Вокруг нее поклонники так и вились. Как шмели. Дед ваш конфеты ей таскал, шоколадные, а она нас потом во дворе угощала. Каждый день к ней бегал за двадцать километров...

— Стой, стой, ты же всегда говорила, что к тебе! За двадцать километров.

— Ну, сначала к ней, потом уж ко мне, — не растерялась бабушка. — Он же к Ниночке ходил, да всё предложения не делал. А она взяла да за военного выскочила. И уехали они куда-то на край света. Под Иркутск вроде.

— А дед? — заинтересовался я.

— А что дед... Дело молодое. Тосковал, конечно. Говорят, даже хотел... — бабушкины глаза вдруг потемнели, и она быстро сменила тему: — А потом мы с ним как-то на танцах встретились. Ну и закрутилось... Больше Ниночку-то и не вспоминал. Правда, когда дочка родилась, предлагал Ниной назвать. В честь сестры, говорил. У него сестру Ниной звали. Но мне всегда Катеньку хотелось, Катюшу.

— А пуделя он тоже ей, выходит, подарил?

— Пуделя? — нахмурилась бабушка.

— Фарфорового.

— А-а-а. Нет, это уже мне. Красивый был, — бабушка снова вытянула из кармана платок.

— Пудель?

— Дедушка ваш. А пудель разбился, наверное, — бабушка расплакалась. — А ведь память была.

— Ну, не плачь. Он на даче, скорее всего. Туда же всё из квартиры вывозили, чтобы шкафы освободить для жильцов. Вероятно, лежит

в какой-нибудь коробке с посудой. Мы с папой поедем в апреле и поищем.

Но бабушка меня как будто не слышала.

— Бросили меня все, — бормотала она. Слезы капали прямо на газету с гороскопом.

Опять она за свое.

— Я же говорил, тетя Катя звонила. Она заболела.

— Катя? — бабушка шмыгнула носом. — Откуда у нее мой номер?

— В смысле — откуда?

— Я ей не давала! — нахмурилась бабушка. — Вот еще, знать ее не хочу после того, как она меня перед соседкой по комнате так подставила. Это ж надо, сказала коменданту, что я парней вожу!

— Парней? Ба, ты о чем? — окончательно растерялся я.

— И даже не смейте с этой змеюкой разговаривать, если уж она номер раздобыла. Пусть забудет! — бабушка не на шутку разошлась. Лицо ее покраснело. Мне показалось, что она готова броситься на меня с кулаками.

— Может, воды? — неловко предложил я и, не дожидаясь ответа, сбежал на кухню. Наполнив кружку, рискнул вернуться. Но бабушка замахала на меня руками.

Я еще некоторое время нелепо постоял рядом для очистки совести, а потом вышел. Вместе с кружкой.

Фух. Успокаивать нервных бабушек — не мой конек. И не только бабушек. Вот расстроить еще больше — это да, это я могу.

Любопытно, в ранних бабушкиных рассказах никаких Ниночек не было. Как удачно, оказывается, зачищаются ненужные подробности в семейной летописи... Интересно, Ника будет потом рассказывать своим внукам, что в молодости встречалась с одним студентом-медиком, который ее кинул?

Все-таки надо ей написать. Просто не прийти — это уже перебор. Я взглянул на часы. Может быть, мама успеет вернуться? До трех пока есть время.

А еще надо готовиться к чертову зачету. Я мысленно застонал. Из комнаты доносились всхлипы бабушки. Я открыл ноутбук и натянул наушники.

Сначала одну серию детектива. Нельзя мозг вот так сразу бросать на баррикады.

Ника периодически пытается мне подсунуть сериалы про врачей, но я такое смотреть не могу. Ну серьезно, это же фейспалм на фейспалме. При том что у режиссеров ведь консультанты есть.

Этот сериал был не про врачей, и консультантов в нем явно не было. На экране девушка, которой три дня назад сделали операцию на позвоночнике, пыталась ночью сбежать из больницы. Перемотать, что ли? Хотя ладно, пускай. Может, она еще со второго этажа спрыгнет.

На финальных титрах я стащил наушники. В квартире было тихо. Бабушка, похоже, решила вздремнуть. В последние дни она часто устраивала себе послеобеденный сон. Папа шутил: это потому что новый матрас такой удобный.

Я побрел в прихожую, где лежал мой рюкзак. Наклонился, чтобы поднять валявшийся на полу шарф, и вдруг замер. Дверь в квартиру была приоткрыта. Совсем чуть-чуть, так что по контуру пробивался свет. Я взглянул на вешалку, потом отшвырнул рюкзак и рывком открыл дверь в свою комнату. Бабушки дома не было.

АГНИЯ

Злость и отчаяние вспыхнули внутри меня, как фейерверк.

Я выключила телефон, нажала на кнопку лифта, и он мягко тронулся вверх. По мере того как кабина поднималась, нарастал странный звук. Когда двери открылись, я едва ли не бегом кинулась к нашей квартире. Руки слегка дрожали, поэтому я попала ключом в замочную скважину только со второго раза. Мне показалось, что у соседей щелкнула дверная ручка. Но я не стала оборачиваться.

Едва я успела открыть дверь, лобастой головой мне в ноги врезался Сай. Он извивался всем туловищем и мёл хвостом так усердно, что мог бы подменить собой робота-пылесоса. Уши были плотно прижаты к голове. Вид у него был такой, как будто он только что сожрал три пары обуви. Или

расковырял в коридоре стенку до кирпича. Или выволок из шкафа пакет с мукой и растряс его по всей квартире.

Но ничего этого Сай не делал. Он просто выл.

Выл всякий раз, стоило мне выйти за дверь и оставить его дома одного. Я давала ему игрушку с бананом внутри, раскладывала кусочки корма по коридору, включала радио... Но стоило мне повернуть ключ в замочной скважине, Сай начинал скулить, а потом срывался на вой.

Я оставляла камеру в коридоре, чтобы видеть, как он себя ведет. Как только я выходила из квартиры, Сай замирал перед дверью в одной позе, задрав голову. А потом начиналось это...

Я разговаривала с ним перед тем, как уйти. Гладила, обнимала. Черт, да что там, я орала на него во весь голос. Про меня теперь точно выйдет сюжет в местных новостях с комментариями соседей: «Казалась приличной, в школу ходила. Никто не подозревал, что она такая живодерка».

Самое обидное, крики тоже не сработали. Я выходила — он выл. Я возвращалась — он переставал выть.

Три минуты семнадцать секунд — вот сколько он выдержал вчера. Это наш рекорд. А сегодня я успела только спуститься на первый этаж.

Уже четыре дня я не могу выйти из дома, когда родители на работе. Слава богу, пока каникулы. Но что будет потом?

Во всём этом один-единственный плюс. Я была настолько измотана переживаниями из-за Сая, что не успевала думать о Цаце.

Мысли о моей Цаце постоянно крутились где-то на задворках сознания, но, похоже, я еще не до конца осознала, что ее больше нет. Кажется, что она на передержке и вот-вот папа привезет ее назад. И она ошалеет, увидев чокнутого буль-терьера.

Я посмотрела на Сая. Он крутился возле моих ног, словно мы не виделись целую вечность. Я погладила его по носу.

— Саюшка, неужели ты не понимаешь, чем это кончится?

Сай не понимал. Он просто хотел, чтобы я никогда не уходила из дома без него. Он смотрел на меня своими черносмородиновыми глазами и крутил хвостом.

Цацка была папиной собакой. Он даже шутил, что они с ней похожи, только у нее борода чуть погуще. Со мной и мамой Цаца вела себя крайне сдержанно. Не то чтобы едва терпела, но телячьих нежностей не любила.

Сай же ходил за мной хвостом, как полутора-месячный щенок. Он был собакой мечты. Ласковый, игривый, послушный. И он выл, как цербер!

Нужно было как-то сказать об этом родителям. Но я боялась услышать их ответ.

Мама Сая просто игнорировала. Как будто его нет. Если он оказывался на ее пути, аккуратно отодвигала его в сторону ногой и называла «этот пес». Вчера вечером я случайно услышала, как она призналась папе, что не хочет привязываться. Голос ее звучал немного виновато. Или мне показалось?

Папа... Сначала мне казалось, что он на моей стороне. Он сам съездил в магазин и купил Саю новую миску, поводок и пару колец — для игры. Он гулял с ним по утрам. Как с Цацей. Гладил. А оказалось, всё это время просто притворялся.

Вчера вечером я случайно...

Ладно, кому я вру. Я почти десять минут стояла возле родительской двери, боясь пошевелиться.

После того как мама заявила, что не хочет привязываться к Саю, папа сказал, что ищет для него новых хозяев. И у него уже есть пара неплохих вариантов. Какая-то молодая пара, которая живет в частном секторе на другом конце города, а еще его знакомый из области, который давно мечтал

о бультерьере. «Мировой мужик. У него уже были терьеры, знает, чего ждать, — заметил папа. — Эй, что такое лицо? Не нравится идея?»

Неужели мама вступится за Сая? Я затаила дыхание. «Нет, почему же, — ответила мама. — Делай как хочешь. У меня в последние дни нервы ни к черту из-за этой ситуации на работе... Тот мальчик уже неделю на ИВЛ, и, я боюсь, он не вытянет... Уже не могу смотреть на его мать, она как призрак по отделению ходит. И с сухими глазами. Я вчера подошла, предложила ей поговорить. Надеялась, что она поплачет. Хоть полегче станет. А то как неживая. А она на меня так посмотрела... Не знаю... Как на колорадского жука».

Они помолчали.

«Я понял, — сказал папа негромко. — Я всё решу с собакой».

Стараясь не дышать, я отступила от двери, и тут предательски скрипнул ламинат. Родители замолчали. Ну и ладно! Специально громко топая, я прошла к себе в комнату. И пусть знают, что я слышала. Как они могут! Я никому не отдам Сая!

Но сейчас моя уверенность куда-то делась. Каникулы рано или поздно закончатся. Мне придется

ходить в школу. Если Сай будет часами выть, пока я буду на уроках, родители не позволят его оставить.

Но и папины «варианты» вряд ли возьмут пса, с которым надо безвылазно сидеть дома. И тогда... Мне вспомнился насмешливый взгляд ветеринара. «Агния, иди домой. Возьми себе щенка».

Если я не придумаю, как решить проблему, Сай снова окажется там, в этой клинике. И обратно он уже не выйдет. Как Цаца...

Папа ездил потом туда. Ему отдали урну... с тем, что осталось от Цацы. Папа сказал, что хочет закопать ее на дачном участке. Мама предлагала вырыть яму в лесу, но папа уперся. Сказал, что закопал Ральфа в лесу, а сейчас там шоссе проложили. «Лучше на своей земле», — заключил он. И мама решила не спорить.

Вечером родители вернулись позже, чем обычно, но вместе, груженные пакетами с продуктами. Сай встретил их фирменной ламбадой.

Я хотела на часок сбежать к Дженебре, мама не возражала, но папа неожиданно попросил меня задержаться. Я послушно присела на диван у себя в комнате, пока он мыл руки. Сейчас будет, как обычно, говорить, чтобы не задерживалась

и позвонила, когда дойду и когда буду выходить обратно.

Папа заглянул ко мне.

— Агнешка?

Я подняла голову.

Папа аккуратно прикрыл за собой дверь. Погладил по голове Сая, который увязался за ним.

— Он опять сегодня выл, — папа даже не спрашивал, а утверждал.

Я решила не отпираться.

— Откуда ты знаешь?

— В чате дома сегодня полчаса пытались вычислить, на каком этаже воеет собака. Сошлись, что на нашем.

Я спрятала лицо в ладонях.

— Послушай, — папа присел рядом. — Я понимаю, что ты хотела ему помочь, — он кивнул на Сая. — Но иногда можно просто признать, что ты не справляешься. Это не стыдно.

Я смотрела на Сая и молчала. Он заглядывал мне в глаза, намекая, что было бы неплохо пустить его на диван.

— Ты всегда можешь попросить помощи у нас с мамой, — папа коснулся моего плеча.

— Я не хочу, чтобы его усыпили, — выдавила я.

— Я обещаю сделать всё, чтобы этого не случилось.

— Можно мы его оставим? — я почувствовала, как у меня на глаза наворачиваются слезы.

Папа ответил не сразу.

— Я подумаю.

— Они его усыпя-а-а-ат, — рыдала я на плече Дженеvры пятнадцать минут спустя. Она сидела рядом в домашней растянутой футболке и клетчатых штанах. Волосы собраны сверху в лохматый пучок, похожий на кактус.

— погоди, ты сама сказала, что твой папа пообещал этого не делать? — она нахмурила густые брови.

— Он сказал, что «сделает всё, чтобы этого не случилось»! Это не одно и то же! Ты забыла, что мой папа — чиновник? — возмутилась я.

Дженевра бросила взгляд на промокший рукав футболки.

— Фондю будешь? — она указала на блюдо с шоколадом, под которым мерцала свечка, и тарелку с виноградинами, кусочками бананов и яблок.

Я сердито ткнула вилкой в большую виноградину и окунула ее в шоколад. Получилось вкусно. Воспользовавшись тем, что я ем, Дженевра поспешила слегка сменить тему.

— А мне, может быть, купят щенка, — с плохо скрываемой радостью сообщила она.

— У твоих же аллергия? — удивилась я.

— Я их почти уломала. Ты в курсе, что есть гипоаллергенные породы?

— Голые, что ли?

— Нет, вовсе не обязательно, — она замотала головой. — Например, ирландский терьер. Или пудель. Маме левретка нравится. А мне нет. Она выглядит как бритая белка-переросток.

Я изобразила улыбку. Получилось так себе. Опухшие от слез глаза чесались.

— А бультерьеры?

— Не-е, от них много шерсти, — помотала головой Джаневра. — Еще нельзя породы, у которых брыли, — она оттянула себе уголки рта вниз, став похожей на бульдога. — Потому что от них слюни, а на них тоже может быть аллергия.

Она окунула в побулькивающий шоколад кусочек банана. И наконец поняла.

— Ты хотела, чтобы я взяла Сая? О...

— Забудь.

— Прости! Я не поняла сразу! Я бы с огромным удовольствием, правда! Бульки классные. Но мама...

— Я говорю, забудь.

— погоди, — Джаневра вдруг встрепенулась и куда-то убежала. Оказалось, за ноутбуком.

Она несколько минут клацала по клавишам и наконец расплылась в торжествующей улыбке, развернула ко мне экран.

— Вот, я скинула тебе контакты моей знакомой, которая занимается дрессировкой собак. Ее зовут Светлана. У нее самой два лабрадора.

С экрана мне улыбалась блондинка в толстовке с капюшоном, обнимавшая двух псов цвета крем-брюле в ярких шлейках. Я замялась.

— Не уверена, что тут нужна дрессировка. Сай и так знает команды.

— Ну, она человек с опытом. Уверена, она что-нибудь подскажет, — пожала плечами Дже-невра, отправляя в рот очередную шоколадную виноградину.

Когда я пришла домой, родители смотрели какой-то детектив. Между ними на диване валялся довольный Сай. Мама задумчиво поглаживала его по голове, глядя в экран. Заметив меня, Сай замотал хвостом, но слезать не захотел — еще бы!

Я улыбнулась. У нас всё получится!

Светлана ответила мне на следующий день. Мы договорились встретиться у меня во дворе после обеда. Сай всё утро вел себя как ангел — не удивительно, я же не пыталась уйти от него.

Светлана оказалась невысокой девушкой лет на пять старше меня. Заметив нас с Саем, она тут же присела на корточки и засюсюкала. Совсем как Дженевра.

— Где тут у нас такая сладкая бу-у-улечка? Кто такой хоро-оший?

Сай тут же растекся в счастливую лужицу и полез целоваться, едва не уронив Светлану. Я внутренне порадовалась: контакт установлен, это хороший знак. И стала ждать, когда она обратит внимание на меня. Наконец Светлана поднялась на ноги и отряхнула коленки.

— Ну, рассказывайте, какие у вас проблемы.

— Я вам вчера писала, — пробормотала я.

— Воет?

Я кивнула.

— А давно?

— Не знаю.

— Ну, неделю, месяц?

— Я не знаю. Он у меня всего пять дней.

Светлана посмотрела на меня с интересом.

— Из приюта, что ли?

— Нет, он...

И я рассказала Светлане про Цацу, про черный мешок, про рыжую женщину с картонной коробкой, про жалостливый взгляд ветеринара...

— Понятно, — перебила меня она. — Ну так он просто скучает по хозяевам.

— Скучает?

— Конечно. Сколько ему? Лет восемь?

— Шесть, — подсказала я.

— Разумеется, скучает.

— Но они же решили его усыпить, потому что он выл, — напомнила я.

Светлана нахмурилась.

— Ну что же они, ногами его били, что ли? Собаки всё равно привязываются к людям, какими бы они ни были. Возможно, это не первые его хозяева, — наконец предположила она. — И он скучает по предыдущим.

— А те почему его отдали?

— Послушай, — Светлана говорила спокойно, но, кажется, начала слегка раздражаться. — Тебе проблему решить надо или восстановить его биографию?

— Проблему, — пробормотала я.

Светлана снова присела на корточки. Сай не заставил себя ждать и тут же запачкал передними лапами ее джинсы.

— Тебе нужно по максимуму проводить с ним время. Если вышла и слышишь вой — тут же возвращайся. И тут же на ручки... Да, да,

хоро-о-оший мальчик! Вернулась — и сразу всё внимание собаке.

— Но мне... в школу через неделю, — промялила я.

Светлана поджала губы. Встала. Отряхнула колени.

— Родители есть?

— Есть. Но они работают.

Она посмотрела на Сая.

— Может быть, лучше подыскать ему других хозяев? — задумчиво сказала она.

Я почувствовала, как щеки у меня краснеют.

— Ладно, попробуй пока делать, как я посоветовала. И пиши, если что.

— Хорошо.

Светлана потрепала Сая по макушке и ушла. А я решила попробовать ее метод.

Как только Сай на экране моего мобильного начинал подвывать, я врывалась в квартиру и бросалась его гладить.

Правда, Сай при этом почему-то не выглядел счастливым. Нет, он, конечно, крутил хвостом, но как-то виновато. Уши его были прижаты к голове, а глаза цвета черной смородины смотрели умоляюще. Успокаивался он только спустя минут

двадцать. Я обувалась и снова выходила за дверь. Сай провожал меня в коридоре.

Через три часа попыток у нас наметился четкий результат. Сай начинал выть, как только я бралась за дверную ручку. Меня уже нехило трясло, и, когда в очередной раз, как только я открывала дверь, Сай выдал скорбную руладу, я не выдержала.

— Да что ты делаешь?! — орала я, нависнув над Саем. Тот осторожно пятился вдоль стеночки. — Бестолочь! Я уже не могу это слушать! Просто не могу! Ты понимаешь, что тебя просто усыпят к чертовой матери?! И я даже не буду плакать! Слышишь? Не буду!

Сай пытался слиться с полом, что у него выходило не очень, так как Сай белый, а пол — темно-коричневый.

Я в бешенстве шлепнула его по попе ладонью, но тут же об этом пожалела, так как чуть не отшибла руку. Из чего их делают, эти попы бультерьеров? Из бетона?

Сай, казалось, ничего не почувствовал. Он продолжал смотреть на меня несчастными глазами. Я влетела на кухню и захлопнула дверь прямо перед его носом.

— Нельзя!!

Внутри всё клокотало. Я открыла шкафчик и достала половину шоколадки. Отломил себе четыре кусочка и запихала в рот. Потом еще раз посмотрела на нее и запихала в рот весь остаток. Эндорфины. Мне срочно нужны эндорфины.

Под дверью тихо скребся Сай.

Ладно, он ведь не виноват...

Виноват! Еще как виноват! Это же он воет, Акела недоделанный! За шесть лет мог бы запомнить, что воспитанные собаки себя так не ведут!

Сейчас я его ненавидела. И себя тоже.

Тожe мне, спасительница выискалась. Меня ведь предупреждали. Но мне хотелось выглядеть круто и благородно. Только что-то фиговая из меня мать Тереза вышла.

А я ведь всё делала, как мне говорила Светлана...

Светлана! Я быстро настучала ей сообщение:

Начали заниматься с Саем,
но что-то не так. Он теперь меня вообще
из квартиры не выпускает

Ответ прилетел почти сразу.

Занята. Позвоню через полчаса.

Больше Светлана на связь не выходила.

После обеда я собралась гулять. С Саем, конечно. Мы уже помирились с ним, и я успела почесать его бультерьерское пузико. Сай был счастлив.

Сегодня я впервые решила пойти с ним туда, где мы обычно гуляли с Цацей. Туда, где гуляли с ней в последний раз. В конце концов, место действительно удобное, прохожих мало.

Я захватила с собой большое резиновое кольцо, чтобы можно было поиграть. Но не успели мы перейти дорогу, как я услышала:

— Агния!

К нам спешила Мадинка с Локи на поводке. Она была, как обычно, в белых кедах, а сегодня еще и в белом комбинезоне. Она вообще человек — ходить так по городу в марте?

— Это Сай, да? — вместо приветствия поинтересовалась она, пристально разглядывая бультерьера.

Локи обнюхал Сая, фыркнул и отвернулся.

— Привет. Да, — я немного растерялась. Настроение всё еще было так себе. А если сейчас Мадина начнет расспрашивать про Сая...

Но Мадина не начала. Наверное, ей просто не слишком интересно, но я была ей и за это бла-

годарна. С начала каникул она успела уже трижды сходить в кино и теперь отчитывалась мне об итогах. Правда, в основном рассказывала не о сюжетах фильмов, а о том, например, какой симпатичный парень сидел от нее через два места, как она ему улыбалась до начала сеанса, а когда в зале погас свет, он достал из рюкзака курицу гриль и начал ее с аппетитом есть.

— Ужас, — Мадинка вздрогнула.

— Может, он голодный студент, — засмеялась я.

— Ага, голодный. В этот зал билеты от пятисот рублей, между прочим.

— Ну попкорн же едят, — я решила зайти с другой стороны. Мне не то чтобы было жалко парня с курицей, но я не чувствовала к нему неприязни.

— Попкорн так не пахнет, — веско заметила Мадина.

Мы дошли до нашего места — пустыря, где обычно отпускаем собак поиграть. С одной стороны эту площадку отгораживает строительный забор, с другой — кованая ограда вдоль пешеходной дорожки.

Мадина отцепила поводок, и Локи тут же уткнулся мордой в кусты, что-то там вынюхивая. Сай натянул поводок.

Я не решалась отпускать его. Еще убежит. Когда Цаце было три или четыре месяца, мы с папой решили дать ей побегать во дворе. Она прыгала между нами, а потом вдруг резко ломанулась в просвет между домами. Мы — за ней. И хоть бы обернулась! Слава богу, она решила построить глазки какому-то прохожему, а пока тот умиленно гладил бородатого щенка, папа подбежал и схватил ее за ошейник.

Потом, когда Цацка подросла, она уже не устраивала таких номеров, и мы отпускали ее побегать со знакомыми собаками на пустыре. Она всегда подбегала, если ее звали. Но Сай — не Цаца. Я почти его не знаю. Как будто мне просто дали подержать поводок.

— Пусть побегает, — махнула рукой Мадина. — Чего ты в поводок вцепилась?

— Вдруг убежит? — выдавила я.

— Никуда он не денется.

Я колебалась. Но всё же щелкнула карабином. Освобожденный Сай тут же бросился нарезать круги вокруг меня. Я крутила головой, стараясь не упускать его из виду. Мадина достала телефон, открыла инстаграм.

— А у тебя что нового? — не отрываясь от экрана, поинтересовалась она.

— Ну... Сай, — пожала плечами я.

Она листала фотографии.

— Ты только не обижайся, но все-таки у тебя странный вкус на собак, — наконец сообщила она.

— Почему?

— Ну, смотри сама... Шнауцеры странненькие, ну правда же? Борода эта, — она передернула плечами.

— Цацу папа выбирал, — зачем-то сказала я.

— А бультерьеры? — продолжила Мадина. — Нет, они получше внешне, но... себе бы такую собаку ни за что не взяла. И Локи они не нравятся.

Мне не нравилось, куда уходит наш разговор, но зачем-то, вместо того чтобы сменить тему, я спросила:

— Почему?

— Ну это же бультерьеры. Бойцовская порода, — спокойно пояснила Мадина. — Я бы не хотела, чтобы от моей собаки шарахались люди, — она с нежностью глянула на Локи, который всё еще копошился в кустах, повиливая задом, и снова уставилась в экран.

У меня внутри всё заledenело.

— От Сая никто не шарахается.

— Угу, — она не смотрела на меня.

Я начала потихоньку вскипать.

— Я серьезно! Були вообще выводились с отсутствием агрессии к человеку!

— Угу.

— Мадина!

— Ну что? Кто тебе еще правду скажет? — она наконец оторвалась от экрана телефона.

— Мне уйти?

— Дурочка! — она рассмеялась. — Ты чего так реагируешь?

Я отвернулась, почувствовав, что случайно могу позорно расплакаться. А Мадина не должна этого видеть.

И почему близкие люди вечно считают, что, кроме них, тебе никто не скажет гадость? Зачем тогда вообще эти близкие люди? Я с удовольствием обойдусь без них, если действительно больше никому говорить мне всякие неприятные вещи.

Буду одинокой дурочкой. Оно ведь правда — я и есть дурочка. Надеялась почему-то, что всё будет как раньше. Как с Цацей. А вот фигурки.

Кажется, моя жизнь готова была полететь в тартарары. И причина тому — Сай.

Я хотела позвать его, чтобы пойти домой, но меня отвлекли громкие голоса прохожих. По пешеходной дорожке стремительно шли два молодых человека, которые то ли спорили, то ли

ругались. Они почти прошли мимо, когда один из них вдруг указал на нас, потом оба перепрыгнули через невысокую оградку и направились к нам.

Может, им не понравилось, что мы отпустили собак? Кажется, Мадина подумала о том же, потому что выступила вперед с независимым видом.

И тут я узнала одного из парней. Это был Влад. Он выглядел встревоженным и постоянно оглядывался по сторонам, как будто откуда-то сбежал и ждал, что вот-вот появятся его преследователи. Его спутник был мне незнаком. Чуть повыше Влада и заметно крепче, со светлыми волосами и легкой щетиной.

Не успела Мадина сказать и слова, как светловолосый парень на ходу выудил из кармана фотографию.

— Девушки, не видели ее сегодня?

Он протянул снимок нам.

На фото была пожилая женщина с ярко-голубыми глазами, которая немного растерянно улыбалась уголком рта.

— Она в зеленом пальто и... тапочках, — запнувшись, добавил парень. — Розовых.

К парням подбежал Сай. Повиливая хвостом, он обнюхал обоих и ускакал в направлении Локи.

Я подняла глаза на Влада.

— Привет, — хрипло проговорил он.

— Привет.

— Вы волонтеры? — наконец подала голос Ма-
дина. — Из поискового отряда, да?

Влад помотал головой.

— Это моя бабушка.

Мадинка ахнула. Я нахмурилась.

— Давно пропала?

— Пару часов назад. Ушла из дома, — хмуро
сказал Влад. — Не видели?

Мадинка замотала головой.

— Нет. Кажется, нет, — ответила я.

— Ясно, — он помрачнел. — Если вдруг... Мой
телефон у тебя есть. Звони в любое время, — го-
лос его звучал почти умоляюще.

— Эй! Эй! — вдруг закричал светловолосый па-
рень, глядя куда-то мне за спину.

Раздался собачий визг. Я резко обернулась.

Локи скакал бешеным зайцем, а на его ляжке
висел Сай. Мадинка заорала. Я кинулась к соба-
кам. Локи повалился на землю, заставив Сая раз-
жать зубы, и тут же сам бросился в атаку, вце-
пившись противнику в холку. Сай изо всех сил
дрыгал ногами, пытаясь освободиться. Я попыта-
лась ухватить его за ошейник, но собаки переме-
щались слишком быстро.

Мадинка с ужасом смотрела на происходящее, не пытаясь вмешиваться. Приятель Влада попробовал было подцепить Сая за ошейник, но собаки едва не сшибли его с ног. Тогда он ткнул меня в плечо.

— Твой какой?

— Буль, — растерялась я.

— По моей команде хватай его за задние лапы, приподнимай и тащи на себя. Только не отпускай. Готова?

Я хотела ответить «Нет!», но друг Влада уже закричал «Давай!» и вцепился в задние лапы Локи, слегка приподняв лабра над землей. Я обхватила ноги барахтающегося Сая.

Возмущенный Локи разжал зубы, тут же пожалел об этом и попытался вновь дотянуться до Сая. Но приятель Влада держал крепко. Локи рычал, как будто в его лабрадорской родословной обнаружился волчий дедушка.

— Поводок! — крикнул парень, уворачиваясь от лабрадорской пасти. — Пристегивай и уводи! А, ч-черт!

Сай тянул к Локи, как бульдозер. Я дрожащими руками пристегнула поводок и потащила Сая с площадки. Оглянувшись через плечо, я увидела, как остолбеневшая Мадина смотрит на меня

круглыми глазами, а Влад с поводком в руках подкрадывается к Локи.

— Пойдем скорее, — пробормотала я, дергая упирающегося Сая. Он всё оглядывался назад и грозно порывивал.

Мы забежали за угол в какой-то двор, и я почти что упала на скамейку. Руки и ноги дрожали. Холка Сая была перемазана в крови. На задней лапе тоже были бурые пятна.

Надо в ветеринарку.

Да что такое вообще происходит?

Сай вертелся рядом, виновато поглядывая на меня своими черносмородиновыми глазами.

Но у меня не было сил даже чтобы просто его осмотреть.

Из-за угла вывернули Влад и его приятель, который почему-то недовольно смотрел на свою руку.

Я сразу вскочила, но Мадины и Локи с ними не было.

Заметив меня, парни подошли.

— Как там... они? — выдавила я.

— Всё нормально, — сказал Влад. — Хотя подружка твоя страшно перепугалась. Сразу стала кому-то звонить.

Его приятель сжимал правую кисть в кулак и снова разжимал. Ладонь была вся в крови.

Неужели Сай успел его...

— Где тут у вас аптека? — наконец спросил он.

— Аптека? В конце квартала, — я махнула рукой.

Он поморщился и еще раз согнул и разогнул кисть.

— Салфетки есть?

Салфеток у меня не было. Я почувствовала себя бесполезной. Парни смотрели на меня с неприязнью — по крайней мере, мне так казалось.

— Дома есть. И перекись. Я забинтовать могу, — наконец пискнула я. — Я вон в том доме живу.

Светловолосый посмотрел на Влада.

— Ладно, фиг с ней, с рукой. Надо дальше искать. Пойдем.

— Не дури, Сашка, — Влад помотал головой. — Тебе надо руку обработать. А может, и в травму.

Сашка махнул рукой и театрально улыбнулся.

— Заживет.

Но Влад оставался серьезным.

— Ты будущий хирург. Сам знаешь, что тебе надо беречь руки.

Сашка скорчил рожу, но спорить на этот раз не стал.

— Ну vedi, — он повернулся ко мне.

Пока мы с ним шли к подъезду, я напряженно думала, стоит ли мне дать этому Саше денег.

В качестве моральной компенсации. Я знала, где у родителей лежит заначка. Там было около пятидесяти тысяч. Интересно, десяти хватит?

Внутренний голос по-шакальи захохотал. Какие десять? Твой пес укусил за руку будущего хирурга. Может, он повредил какое-нибудь сухожилие, и теперь парню придется отказаться от хирургии. Тут хорошо, если пятидесяти хватит. Родители, конечно, потом убьют. Но скоро лето, я могу найти подработку...

Сашка что-то спросил, но, погруженная в свои мысли, я даже не обратила внимания. Он дотронулся до моего локтя.

— А?

— Спрашиваю, как тебя зовут, — добродушно улыбнулся он.

— Агния. Я... я адрес дам, если нужно будет... Ну, если денег не хватит...

— Каких денег?

— Компенсации, — тихо ответила я. Мы как раз подошли к подъезду. Он придержал дверь, когда я заходила.

— Не понимаю, о чем ты, — помотал он головой.

В лифте мы ехали молча. Я посадила Сая в угол и на всякий случай закрыла собой, чтобы он не лез к Сашке.

Родители были еще на работе. Я быстро разулась, заперла Сая в своей комнате — он тут же стал недовольно скрести когтями дверь — и побежала в родительскую спальню за аптечкой.

— А руки можно помыть? — слышался голос Сашки.

— Да-да! Первая дверь направо.

— Вижу.

Когда я в обнимку с коробкой проходила мимо ванной на кухню, оттуда вышел Сашка.

— Ну как? — спросила я.

Он протянул мне руку. На кисти виднелись следы от укуса, но теперь, когда он смыл кровь, всё выглядело не так уж страшно. Может, десяти тысяч хватит? Или восьми?

Я думала, Сашка будет говорить про Сая, что мне не стоило его отпускать. Но он больше не поднимал тему собак. Пока я сосредоточенно бинтовала ему руку, рассказал, что учится вместе с Владом в медицинском.

— На хирурга, я помню, — кивнула я.

Он, казалось, обрадовался, что я запомнила. И начал рассказывать, как в обед ему позвонил Влад и сказал, что бабушка пропала.

— Она у него вроде не совсем старая еще, — пояснил он. — Но уже немного... — он pokrutil

ладонью над головой. — В общем, может дорогу домой не найти. Ну, я подорвался и приехал. И почти вся наша группа. Каринка на обзвоне сейчас сидит, Тоня объявления расклеивает. Папа Влада вроде на дачу рванул.

— Зачем? Она может быть там?

— Не знаю. Ему виднее.

— И никто ее не видел?

— Ну, никто, по крайней мере, не признался, — пожал плечами Сашка. — Вот ты часто обращаешь внимание на прохожих бабушек?

— Ну... — протянула я. — Есть тут у нас одна — красится под Клеопатру. На нее сложно не обратить внимания.

Сашка рассмеялся, и мне почему-то стало легче. У него была приятная улыбка.

— Если в одних тапочках в марте, наверное, обратила бы, — сказала я, отрезая ножницами свободный конец бинта. Он довольно осмотрел повязку.

— Качественно. Ты не у нас учишься?

— Нет. Я еще в десятом.

— Давай к нам в мед, — он подмигнул. — На лечфак. Или в педиатрию. Только не на стомат.

— Почему?

— Зуб — не орган, стоматолог — не врач, — он снова улыбнулся, и я вслед за ним. — Ну, я по-

шел, — Сашка поднялся и протянул мне для пожания забинтованную ладонь.

— Погоди. Я через минутку.

Я побежала в родительскую спальню, подставила стул и достала с верхней полки банку с бугельным замком, где хранились родительские финансы. Терпеть не могу такие замки: они, как заколдованные, не даются мне с первого раза. Где-то у соседей оглушительно взывала дрель.

«Десять. Десяти хватит», — решила я и потянула из банки две пятитысячные купюры. Или пять? Я зависла на табурете. Человек-сосед великодушно выключил дрель, чтобы не мешать мне думать.

Дверь вдруг скрипнула, и я запоздало подумала, что это было несколько опрометчиво с моей стороны: пускать в дом незнакомого человека, да еще и при нем лезть в семейную копилку. Что теперь делать? Я осторожно выглянула из-за дверцы шкафа.

На меня смотрела мама. Она приподняла одну бровь и выразительно уставилась на деньги в моих руках.

— Агния? У нас в прихожей незнакомый молодой человек. А ты копаешься в нашем шкафу. Я что-то пропустила? Тебя шантажируют?

— Мам...

Я быстро сунула пять тысяч обратно в банку. Вторую купюру зажала в кулаке.

— Я сейчас всё объясню.

— Уж постарайся, — мама цокнула каблучком. Даже не разулась. — Только проводи сначала своего друга.

— Он не друг, — буркнула я и просочилась мимо мамы в прихожую.

Сашка уже обулся и переминался с ноги на ногу в прихожей.

Я боязливо оглянулась на родительскую спальню и протянула ему сложенную пятитысячную.

Он уставился на нее так, будто я пыталась всучить ему мусорный пакет. Не то чтобы оскорбленно, а скорее недоуменно.

— Это что?

Я закусила губу.

— Это тебе.

Он отвел глаза.

— Слушай, я, конечно, не знаю, сколько у твоей семьи денег, — он вдруг густо покраснел. — Я просто хотел помочь вам разнять собак. Мне ничего не надо.

За моей спиной зацокали каблуки. Вконец растерявшись, я сунула купюру в карман джинсов.

— До свидания, — Сашка через мою голову кивнул маме. — Рад был познакомиться.

— Взаимно.

Я заперла за ним дверь.

— Я хотела пиццу заказать, мне не хватало. Но уже передумала, — быстро сказала я.

— Так чего же он ушел — испугался? Ты мне о нем не рассказывала. Симпатичный, — задумчиво сказала мама.

— А ты чего дома так рано? — спохватилась я.

— Уйти обратно? — приподняла бровь мама. Она выглядела усталой, как будто отпахала целые сутки, хотя ее не было всего несколько часов. Я вспомнила разговор мамы с папой.

— Это из-за того ребенка? — решила уточнить я.

— Откуда... — мама дернулась. — Впрочем, неважно. Я не хочу об этом. Я встретила во дворе Женю Сотникову. Кажется, она жаждет тебя увидеть. Позвонишь ей?

Я достала телефон. В Ватсапе было два сообщения от Джаневры.

Срочно выходи! Мы у тебя во дворе!

Ну ты где???

И пять пропущенных.

Страшно подумать, сколько человек ненавидят меня за то, что мой телефон постоянно на беззвучном.

Я заглянула в комнату к Саю, который тут же попытался протиснуться в коридор мимо меня. Умиравшим он не выглядел. Он уже успел вылизать лапу. Кровь на холке заеклась. Я достала из стола пачку салфеток и протерла ему спину.

От Дженовры пришло голосовое:

Тоже мне детектив. Наверное, ей уже Мадина нажаловалась. Ждут меня, чтобы устроить разборки.

Я вдруг разозлилась. Хотят — получают. В конце концов, Сай тоже пострадал! Я погладила пса по спине, шепнула: «Сейчас вернусь», — и аккуратно прикрыла за собой дверь комнаты.

Мама уже разговаривала с кем-то по телефону. Кажется, с папой. Заметив меня, она вышла на кухню.

Я натянула кроссовки, едва не оторвав им шнурки. К черту!

Во дворе никого не оказалось. Еле сдерживая раздражение, я достала телефон, чтобы написать

---

* Немедленно выходи. Я знаю, что ты дома!!

Дженевре, но тут же заметила ее, выплывающую из-за котельной.

Рядом с Дженеврой семенил низенький лохматый пес со смешными ушами. Есть такие новогодние ободки с рожками, с которых свисает мишура. Только в его случае с ушей свисала длинная грязно-белая шерсть. Глаза пса тоже закрывали длиннющие пряди шерсти. Дженевра с торжественным видом держала поводок-рулетку.

— Это Мотя! — крикнула она мне, когда между нами оставалось еще метров десять. — Правда, он прекрасен?

Мотя поднял на меня морду, хотя я не уверена, что он что-то видел из-за шерсти.

— Тебе купили собаку?

— Не-ет. Я просто устроилась догвокером. Ну, выгульщиком! — уточнила она, заметив мой недоуменный взгляд.

— Ого. И много у тебя клиентов?

Дженевра немного смутилась.

— Пока один. Папин коллега по работе. Они с женой уехали на две недели, а я три раза в день прихожу к ним домой и выгуливаю Мотю.

— Давно?

— С сегодняшнего дня. Правда, он лапочка?

Мотя устало клацнул зубами.

— Ты за этим меня звала? — уточнила я.

— Ну да.

— Жень, — я покосилась на свой подъезд, — я очень за тебя рада. Правда-правда. Но сейчас мне не очень...

— А-а-а, — протянула она. — Да, Мадина мне рассказала.

— Что? — похолодела я.

Дженевра поправила очки.

— Ну, она сказала, что вы гуляли вместе и Сай вдруг бросился на Локи, разодрал ему бедро и чуть не загрыз. Они, кажется, к ветеринару поехали. Это правда? — она посмотрела мне в глаза.

— Ну, они подрались, — неуклюже ответила я.

— Понятно, — Дженевра посмотрела на Мотю. — Пройдешься с нами до почты? Мне надо посылку забрать.

Сая надо было вести к врачу, но почта была недалеко, и я решила составить Дженевре компанию. Она шла рядом с Мотей с таким счастливым видом, как будто вела под уздцы лучшую королевскую лошадь.

— А чего ты молнию никак не починишь? — вдруг спросила она. — Собачку легко поменять.

— Я папе скажу, — отозвалась я.

Сегодня было заметно теплее, я абсолютно не мерзла в расстегнутой куртке. Солнце грело

мне лицо, и я подумывала над тем, чтобы снять куртку совсем.

— Слушай, может, его там били? — вдруг спросила она.

— Кого?

— Сая.

— Ну да-а... Он бы тогда на людей бросался. Наверное.

Дженевра помотала головой.

— Слушай, а может, это Локи на него кинулся? Ты вообще видела, кто первый начал?

— Нет. Да ну, это не Локи. Он же лабрадор.

— Что за дурацкие стереотипы! — возмутилась Дженевра, закатывая глаза. — Почему бы и не Локи? Кстати, когда он был мелкий, его, кажется, какой-то буль за хвост цапнул. Он их с тех пор не любит. Тебе Мадина не говорила?

Я задумалась. Кажется, что-то такое было. Но почему она тогда сказала мне отпустить Сая?

«А почему ты послушалась?» — ехидно пробормотал внутренний голос.

— Ох, Жень... Хорошо еще там был Сашка... Саша.

— Какой? Чепелев, что ли?

— Нет. Друг Влада. Помнишь, я тебе про Влада рассказывала? У него, кстати, бабушка пропала.

Где-то в этом районе. В зеленом пальто и розовых тапочках. Если увидишь, маякни.

Вспомнив о пропавшей бабушке, я тут же оглянулась по сторонам, но вокруг не было ни одной пенсионерки.

— Пальто и розовые тапочки. Маякну. Так Влад чего?

— Не Влад — Сашка. Он помог разнять собак.

— Он еще и герой, — Джаневра дотронулась кончиками пальцев до скул и картинно ахнула.

— Ну ты еще...

— А что? Сашка — это же так мило. А чего не Сашуня?

— Вы бы, Евгения, не язвили! — я толкнула ее локтем в бок.

Пока Джаневра ходила на почту, мы с Мотей сидели на лавочке неподалеку. Мотя оказался крайне флегматичным товарищем породы скай-терьер. Мимо него, явно красуясь, пробежала полосатая кошка. Мотя проигнорировал ее с королевским спокойствием. Кошка оказалась явно задета таким равнодушием и тем же маршрутом пробежала обратно, едва не задев Мотину морду хвостом. Но тот кошку демонстративно не замечал. Может, не видел из-за челки?

Мне бы его спокойствие.

— Мотя, открывай курсы личностного роста, — предложила я вслух скайтерьеру.

Проходившая мимо тетенька как-то странно на меня посмотрела.

— А мне всё равно, — громко сказала я.

Я вдруг поняла, что мне нужно. Просто жизненно необходимо.

Я пошарила по карманам куртки, но там было пусто. Не-ет.

И тут я вспомнила о пятитысячной купюре, которая всё еще лежала в кармане джинсов.

Что ж, будем считать, это судьба.

Когда Джаневра вышла из отделения почты, прижимая к груди небольшой пакет, я вручила ей поводок Моти.

— Ты домой? Может, мы тебя проводим? — предложила она.

— Нет, мне надо еще кое-куда, — и прежде чем она успела возразить, я уже убежала. Мотя гавкнул мне вслед. Кажется, добродушно.

Влад

— Снова ничего?

Мама с беспокойством смотрела на меня. Я помотал головой.

— Может, он нашел ее и случилось что-то страшное? — мама опять начала плакать.

Папа не брал трубку.

Наверняка потому, что звоню я. Я предлагал маме набрать со своего номера, но она с таким ужасом на меня посмотрела, что я понял: она звонить не будет. Потому что боится услышать то, что скажет папа. Что это она виновата. Виновата в том, что бабушка ушла.

Когда она прилетела домой, раскрасневшаяся, перепуганная, я был уверен, что она на меня накинется. Начнет кричать, что я не усмотрел за бабушкой. В общем, спустит всех собак. И я уже

приготовился к обороне. Но мама вдруг села прямо на пол в коридоре и зарыдала.

— Это я-а-а во всем винова-а-ата-а-а!

Такого я не ожидал. Мне хотелось попросить прощения, но я продолжал, как дурак, стоять посреди коридора. Слова прилипли к зубам, как старая ириска.

— Он мне не простит, — по маминым щекам ползли потеки от туши. Я в первый раз видел ее в таком состоянии. Она не просто плакала, она судорожно всхлипывала, слезы лились из глаз градом. — Я его подвела.

Мама выглядела маленькой девочкой, которая пыталась достать с верхней полки сахарницу, но та со всего размаха шандарахнулась об пол. И теперь вся кухня в осколках и сахаре, и сейчас придут родители. Они, может быть, ничего не скажут, но та-а-ак посмотрят, что лучше бы сказали.

— Мам, мы ее найдем, — я старался, чтобы мой голос не дрожал. Хотя я сам только что тоже разбил воображаемую сахарницу, и мне было очень страшно.

Мама утерла глаза краем шейного платка.

— Да... Да... Ты прав. Почему... Почему ты дома? Почему ты ее не ищешь?

— Саня сказал, надо сбегать домой, посмотреть, не вернулась ли она, а он пока поищет.

— Какой Саня? — заморгала мама.

— Мой однокурсник.

— Этот Саня хоть знает, как она выглядит? — мама заелозила по полу, пытаясь подняться, но каблуки скользили.

— Знает, я дал ему фотографию. Мам, там еще ребята подъехали. Все ее ищут. Я просто забежал на минуту.

— Я... я с вами! — мама наконец встала на ноги. Руки у нее заметно дрожали.

— Тебе лучше остаться дома. Вдруг она вернется?

— Н-н-надо в полицию. Вы уже обращались в полицию? — мама меня как будто не слышала.

— Еще нет. Каринка на обзвоне, она в больницы ближайшие звонит.

— Еще одна однокурсница?

— Да.

Я посмотрел на маму. Она была такой потерянной, маленькой. В общем, я ее обнял. Я подумал, что она высвободится, но мама уткнулась мне в плечо, и рукав сразу стал мокрым.

— Мы ее найдем.

— А папа уже приехал? — не отрываясь от моего плеча, спросила мама.

— Он мне написал, что едет на дачу.

— На дачу?! Зачем? — она отстранилась и почти испуганно посмотрела на меня. — Он думает, она может быть так далеко?

— Я не знаю. Трубку он больше не берет. Наберешь его?

— Ладно. Беги, беги! Звони мне, если что.

Я выскочил за дверь и рванул вниз по лестнице. Ждать лифта было невыносимо.

Я прекрасно знал, кто был на самом деле виноват в том, что случилось.

Папа.

Он так запросто решил, что мама будет сторожем для бабушки. А ее он спросил?

Перед глазами у меня стояло заплаканное мамино лицо.

Мог бы, в конце концов, и отпуск взять!

Я такое вообще не люблю. Благотворительность чужими руками.

Телефон в руке зазвонил так неожиданно, что я его чуть не выронил. Это был Сашка.

— Ну?! — закричал он в трубку. — Что там дома?

— Плачет.

— Вернулась?!

— Что? Тьфу, нет. Мама плачет.

— Понятное дело.

— Ты где?

— Э-э-э... Ну, тут пятиэтажка, деревья, качели какие-то...

— Очень информативно, — фыркнул я.

— А, граффити на стене. «Все отстой, кроме "Агаты Кристи" и "Би-2"». Хм, я бы поспорил.

— Понял. Сейчас буду.

Мы мотались по микрорайону, как во время детской игры, где надо бегать по станциям.

Но бабушка как сквозь землю провалилась. В одном дворе нам сказали, что какая-то старушка в зеленом пальто заходила в булочную, но продавщица не смогла вспомнить ее. На остановке уса-тый мужчина с пустым аквариумом в руках сообщил, что бабушка, похожая на нашу, только что зашла в троллейбус.

На остановке как раз стояло такси. Сашка ки-нулся к водителю, объяснил ситуацию, и через де-сять секунд мы уже неслись в потоке.

Таксист оказался непризнанным гонщиком «Формулы-1». Казалось, он всю жизнь мечтал об этом моменте. Глаза его блестели, когда он ли-хо перестраивался через два ряда, а елочка-аро-матизатор, свисавшая с зеркала заднего вида, делала «солнце».

Водитель хотел резко вырвать перед троллейбусом, инсценировав план «Перехват», но Сашка смог убедить его просто высадить нас на следующей остановке. Мы сели троллейбусу на хвост. Когда тот остановился, таксист тоже затормозил и скомандовал: «Бегите, парни!» Брать с нас деньги он отказался.

Мы ворвались в салон, чуть не сбив с ног кондуктора. Возле окна сидела молодая мама с белобрысым малышом на коленях, а через два кресла от нее — худой старик в зеленой куртке. Больше в салоне никого не было.

— Ну? Ваша бабушка? — таксист еще не уехал и теперь курил, высунувшись в окошко.

— Дедушка, — буркнул Саня.

— Так вы бабушку или дедушку искали? — не понял таксист.

Саня только махнул рукой.

Назад мы шли пешком. Звонила Каринка. Звонила Тоня. Примерно пятнадцать раз звонила мама. Звонил Стас. Он сидел в кино на каком-то артхаусном сеансе и набрал меня, когда вышел в туалет.

— Ну ты встрял, парень, — посочувствовал он мне. — Меня бы родители на месте убили.

— За что?

— А они бы не стали разбираться, за что. Просто прибили бы, и всё. Она где ключи-то взяла?

— Мои висели...

— Ну точно бы убили, — обрадованно констатировал Стас.

— Так ты приедешь?

Он ответил не сразу.

— Сейчас, сеанс закончится. А то я тут не один... Неудобно, понимаешь.

— Понимаю.

Я повесил трубку.

Снова позвонила Каринка. Сказала, что через полчаса на место приедут активисты местного поискового отряда. Потом в шестнадцатый раз позвонила мама и пожаловалась, что папа не берет трубку. Значит, она все-таки позвонила ему.

— Мне кажется, что-то случилось, — стала подозревать она.

— Мам, он взрослый человек. Всё нормально. Ты сама знаешь, на даче плохо ловит, — максимально спокойно сказал я.

— Да, наверное. Я тебе уже надоела звонками?

— Нет, мам.

На пустыре рядом с библиотекой болтали две девчонки. Вокруг них нарезал круги бультерьер,

а в ближайших кустах копошился другой пес, побольше.

— Подойдем, — сказал Сашка. — Говорят, собачники — самые внимательные прохожие.

Я почти сразу узнал одну из девчонок. Это была Агния. Она почему-то сначала испугалась нас. Или, может быть, Сашки. Он тот еще бугай.

Вторая девчонка была восточной внешности, на Мулан похожа. Как она начала визжать, когда ее лабрадор сцепился с бультерьером! Любопытно, что начал эту свару именно лабр — невинная такая тушка с ангельскими глазами. Рывкнул на буля так, что тот аж присел, и за ухо прикусил. Буль, конечно, в долгу не остался.

Честно говоря, первый раз видел вживую, как дерутся собаки. Это не похоже на мультяшную драку, когда посредине такой дымный клубок, из которого показываются лапы, хвосты и головы. Псы скалились и крутились на месте, как каратисты. Даже пухлый лабрадор лязгал зубами похлеще пираньи.

Агния — безрассудная душа — кинулась в свару и попыталась оттащить бультерьера. Пока яковырялся в сумке в поисках бутылки воды, чтобы плеснуть в собак, Сашка уже сориентировался

и отдавал какие-то команды. Он подхватил лабратора за жирные ляжки, и тот от возмущения разжал челюсти.

— Пристегивай и уводи! — заорал Сашка, пытаясь удержать пса за ошейник. — А, ч-черт!

Агния уволокла бультерьера, а когда лабрадор немного успокоился, я наконец смог прицепить к его ошейнику поводок. Мулан даже не пыталась нам помочь. Она стояла как соляной столб. Лицо было белое, словно посыпанное мукой. Идеальный косплей.

Сашка всучил ей поводок.

— Держи.

Она что-то пробормотала.

Сашка посмотрел на свою руку.

— Здорово цапнул.

— Бультерьер? — уточнил я.

— Нет, лабр.

— Они вообще кусаются? — удивился я.

— Как видишь. Ладно, идем.

За углом на лавке обнаружилась Агния. Она сидела с таким видом, как будто это было место для тех, кто готовится к расстрелу. Сиреневая прядь печально свисала на нос. При виде нас она стала еще печальнее. А вот бультерьер, наоборот, замахал хвостом.

Сашкина рука была вся в крови. Теперь прохожие точно перестанут с нами разговаривать. Побоятся, что мы ищем бабушку, чтобы ее добить. Братья Раскольниковы.

Поэтому я почти обрадовался, когда он согласился на приглашение Агнии и отчалил вслед за ней. Ничего, справлюсь сам.

Тоня создала чат, в котором ребята отписывались, кто где успел побывать.

Прошли по Садовой, ничего

В больницу не поступала.
Я на всякий случай оставила листовку

В пекарне сказали, что, кажется,
видели ее, но вчера или сегодня —
не могут вспомнить. Похожу рядом

Та-а-ак, я подъехал. Куда идти?

Стас. Значит, фильм наконец закончился.

Ребят, подскажите, на вокзал съездить?

Наверное, пока рано. На остановках
я объявления развесила

У моего брата пес-поисковик.
Он освободится через час, приедет.
Подскажите адрес Влада

Я быстро набрал сообщение.

Мы возле дома, где она жила, —
Пушкинская, 10. Никто ее не видел

Надо там всё получше прочесать

А она могла уехать
куда-то на электричке?

Поищу ее в парке

Я уставился в телефон. Это Ника. Откуда она узнала?

Это было, мягко говоря, неожиданно.

Я набрал ее номер. Она взяла трубку сразу.

— Нашлась? — вместо приветствия выдохнула подруга.

— Ник, откуда ты...

— Не важно. Так она нашлась?

— Еще нет.

— Я распечатала листовки. Люди в основном берут. Одна женщина сказала, что видела ее возле

цветочного магазина, она позвонила своему сыну, он там рядом работает. Он обещал присоединиться к поискам. Я... Я была у тебя дома, — она загнулась. — Твоя мама так расстроена. Она мне всё рассказала. Я сбегала в аптеку за успокоительными для нее. Влад, я... Мне так жаль.

— Ника, — перебил ее я.

— Я... Прости, я знаю, что мне не стоило лезть, но это же бабушка, и я решила...

— Ника. Я тебя люблю.

В трубке замолчали. Я сначала подумал, что связь оборвалась. Потом оборвалось что-то у меня внутри. Но, когда я уже готов был повесить трубку, Ника сказала тихо-тихо:

— И я тебя.

Я повесил трубку. Мне никогда в жизни еще не было так страшно. И никогда я не чувствовал такой радости внутри. Если только в детстве, когда на день рождения бабушка испекла большой шоколадный торт — почему-то квадратный — и мне разрешили есть его, сколько влезет, не делясь с другими гостями. Влезло три куска, но сам факт!

Зазвонил телефон. Это Сашка. Голос у него был какой-то напряженный.

— Влад, а подойди к месту, где мы разошлись.

— Что такое?

— Пока ничего. Подойдешь? Ты далеко?

— Буду через пять минут.

Сашку я заметил издалека. Он стоял под рябиной на краю детской площадки. Рядом с ним переминались с ноги на ногу еще два наших однокурсника — Олег и Руслан. Антон, наш тьютор, сидел на корточках на бетонной плите и почему-то светил фонариком себе под ноги.

Когда я подошел, то увидел: Антон светит фонариком в открытый люк.

— Слушай, ты только не пугайся, — начал Сашка, положив ладонь мне на плечо, но я вывернулся, присел на корточки рядом с Антоном и посмотрел вниз.

Колодец был довольно глубокий, метра четыре. Тусклый фонарик телефона освещал его еле-еле. Но я разглядел, что на самом дне валяется что-то темно-зеленое. Бабушкино пальто!

Горло перехватило. До этого момента я был уверен, что бабушка скоро найдется. Может быть, зашла в гости к какой-нибудь своей подруге и понятия не имеет, что ее все тут ищут. Или просто гуляет. Наш адрес она знает, да и как может человек пропасть среди бела дня в большом городе?

Не украли же ее ради выкупа. Сейчас же мне стало не по себе.

— Надо к ней спуститься, — тихо сказал Сашка. — Может, она еще...

Антон тут же шикнул на него.

— Спасателей надо вызывать, — отозвался Олег.

Все по очереди заглянули в люк.

— Долго. Может, я всё же попробую спуститься? — предложил Сашка. — Что? Я скалолазанием в школе занимался.

— Веревки же нет, — подал голос Руслан.

— А я без веревки...

— Ага, а вынимать мы вас как будем? А если ты свалишься на нее сверху? — Антон достал телефон. — Так, звоню в горспас. Какой тут адрес? Рус, глянь, вон табличка!

Руслан убежал смотреть номер дома.

Позвонила мама.

— Ну что, нашли?

Я не решался ей сказать.

— Почему ты молчишь? Влад? Влад?!

Агния

В цветочном меня долго уговаривали взять пышный букет с розами и хризантемами (ха! по нему видно было, что он развалится уже к вечеру), но я настояла на своем и купила самые дорогие цветы в своей жизни. Всё не так ужасно: три тысячи по-прежнему лежали у меня в кармане. А в руке был зажат букет из фиолетовых ирисов и белых эустом — цветов, похожих на розы. Ирисы мама любит больше всего, а эустомы... Да просто красиво.

Гулять так гулять. Я забежала в кондитерский магазин и взяла пять пирожных: себе, папе и маме. Не спрашивайте, в покупке сладостей я всегда нелогична.

Внутри стало тепло-тепло. Пусть в моей жизни последние две недели происходит черт знает что, сейчас я иду домой и несу букет для мамы!

Я улыбнулась. Не широко — иначе прохожие решат, что я какая-то сумасшедшая. Нет, просто кончиками губ. Я так иногда делаю. Со стороны эта улыбка даже не заметна. Но я-то знаю, что она есть.

Навстречу промчалась компания мелких школьников. Один из них оглянулся на бегу на приятелей, крикнул им что-то не слишком цензурное. Те заорали в ответ. Он дерзко махнул головой и на полной скорости врезался прямо в меня. Ирисы и зустомы затрещали. Моя невидимая улыбка растворилась.

Мальчишка быстро взглянул на меня, нервно хихикнул и тут же на всей возможной скорости умчался вслед за приятелями.

Проходившая мимо женщина возмущенно заметила:

— Вот хулиганы! Чуть человека с ног не сшибли!
Она вгляделась в мое лицо.

— Девушка, с вами всё в порядке? Цветочки поддержать?

Я вцепилась в букет и ничего не сказала.

Женщина хмыкнула и пошла дальше.

Доулыбалась. Сделала сюрприз. Молодец.

Я повернула во двор и присела на скамейку. Пирожные не пострадали: я несла пакет с ними в другой руке. А вот букету досталось.

К счастью, цветы оказались более живучими, чем я ожидала. Может, повезло, что удар пришелся по касательной. Сломанными оказались только два ириса и одна эустома.

Я осторожно выудила их из букета. Выкидывать цветы было жалко, хотя у них остались совсем короткие ножки. Они красиво смотрелись на потертых досках скамейки. Я сделала несколько кадров на телефон.

Получилось здорово — поставлю на заставку. Настроение немного улучшилось.

Я уже дошла до конца дома, осторожно прижимая к себе букет и оглядываясь по сторонам, когда меня вдруг кольнуло — я же забыла пирожные! Я чуть ли не бегом бросилась назад.

Лавочка уже была занята какой-то бабушкой в лохматой серой кофте. Я машинально взглянула на ее ноги. Никаких розовых тапочек — обычные немного стоптанные сапоги. Она держала в ладонях ирисы и осторожно прикасалась к нежным лепесткам сморщенными пальцами. Пакет с пирожными стоял на прежнем месте. Я облегченно выдохнула и забрала его. Бабушка мне улыбнулась.

— Забыла?

— Ага.

Она протянула мне лежавшие ирисы и эустому.

— А это?

— Нет, нет, это не нужно.

Она с явным облегчением прижала цветы к груди.

— Красивые.

— Да.

Я посмотрела на букет. Мама точно обрадуется. И пирожные ее любимые — медовые.

С этими мыслями я дошла до следующего подъезда, но потом развернулась и поспешила обратно. Как будто попала в пространственную петлю.

Бабушка встретила меня как старую знакомую.

— Что-то еще забыла, моя хорошая?

Я кивнула.

— И что же, милая?

Влад

-Н ет, еще не нашли, — ответил я маме.

Антон сделал мне большие глаза, но я отвернулся.

— Я беспокоюсь за папу. Он так и не берет трубку, — вконец разволновалась мама.

— Мам, — я хотел сказать, что всё будет хорошо, но почему-то не сказал. — Мам, мне сейчас неудобно. Я перезвоню.

— Влад!

Но я уже нажал «отбой».

Надо было что-то делать.

Сашка начал стягивать куртку.

— Эй, не дури, — одернул его Антон, но тот только отмахнулся. — У тебя даже веревки нет.

— Сань, — я посмотрел ему в глаза.

— Я аккуратно, честно.

— Спасатели уже едут, — встрял Руслан.

— Мне, главное, спуститься к ней. Если что, они веревку мне кинут, — Сашка присел на край колодца и свесил ноги вниз. Потом, упираясь руками, аккуратно поставил одну ногу, затем вторую на чуть заметные выступы на стене.

Вот он уже скрылся в люке. Послышался звук осыпающихся мелких камешков. Мы склонились над колодцем.

— Брысь, — тут же среагировал Сашка. — Весь свет загородили.

Ребята послушно сделали шаг назад. Я чуть сдвинулся, но остался. Сашка, упираясь руками и ногами в стенки колодца, опускался вниз. Наконец он заботливо склонился над зеленым пальто. Я затаил дыхание.

— Она жива?

Сашка замешкался с ответом, и я ощутил, что меня словно окатило ледяной водой, а потом стало жарко-жарко. Так бывает, если сунуть руку под кран, из которого льется кипяток. В первую секунду кажется, что вода очень холодная.

— Это не она! — крикнул наконец Сашка.

— Как не она? — над колодцем склонился уже Антон.

— Так. Это просто пальто.

— Я уж подумал, какая-то другая бабулька, — проворчал Руслан.

Бабушки там нет! Я снова смог дышать. Но, значит, она где-то без пальто. В такую холодину. Но, главное, живая, живая! Пусть хоть навсегда у нас поселится, главное, чтобы была живая.

Спасатели приехали через пять минут и были жутко недовольны. Сашка уже вылез сам и даже вытащил пальто. Оно было всё же бабушкино. В кармане нашелся ее проездной.

Нам хотели впасть штраф за ложный вызов, но, кажется, в конце концов спасатели поверили, что мы не пранкеры, и укатили, забрав бабушкино фото. Обещали подключиться к поискам.

Телефон снова заверещал. Мам, ну сколько можно!

— Это не она! — сообщил я трубке и тут же прикусил язык: это же надо так спалиться. Но это была не мама. Я услышал папин голос.

— За... замечательно... Влад, мне... нехорошо... — папа говорил медленно. — Приезжай...

— Что случилось? Пап, ты где?

— На даче.

Тут связь прервалась.

Я набрал папин номер. Недоступен.

Я думал, такое лишь в кино бывает. Только непонятно, это драма с хеппи-эндом или безысходный артхаус.

— Тох, ты, кажется, на машине?

И, конечно, мы застряли на переезде. Грузовой поезд перегородил пути и, кажется, не собирался никуда ехать.

Я сидел впереди, рядом с Антоном. Сзади — Ника и Стас. Мы наткнулись на них около моего подъезда, где была припаркована машина Антона. Сашка остался руководить поисковой операцией, а мы рванули осуществлять операцию спасательную.

Стасу повезло, в кои-то веки ему не пришлось жаться к окну. Он начал было рассказывать про фильм, с которого он таки свалил, но на него шикнул Антон.

— Да что такого? Я просто хотел, чтобы Влад отвлекся.

Я уже три раза набирал папин номер, но он не брал трубку. Внутри было так же холодно, как в тот миг, когда я увидел зеленое пальто на дне колодца.

— Может, в объезд? — предложила Ника. Антон подумал, постучал пальцами, потом резко

крутанул руль, и мы поехали в противоположном направлении вдоль длинной колонны машин, выстроившейся перед переездом.

— О, поехал! — заявил вдруг Стас. И действительно, состав двинулся с места.

— Назад! — скомандовала Ника.

Антон выругался и встроился обратно в колонну, только в самый хвост.

Когда состав прошел, шлагбаум наконец подняли, и мы поехали дальше. Миновали развалюхи на окраине города, бывшее общежитие с разбитыми окнами, городскую больницу, от которой как раз отъезжала машина скорой помощи. Я почувствовал, как кто-то дотронулся до моего плеча, и обернулся. Это была Ника.

— Мы успеем, — тихо сказала она.

Я сжал ее ладонь.

— Парни, может, скорую вызвать туда? — подал голос Стас.

— Не приедут, — помотал головой Антон.

— Почему? — пискнула Ника.

— Они спросят, на что жалоба. И что мы им ответим? Не выезжают они на такое. Давайте доберемся уже.

Мы выехали на трассу, проходящую через сосновый лес. Ребята молчали.

Антон включил радио. Из динамика вырвалось жизнерадостное «тунц-тунц». Он молча выключил приемник.

Дорога петляла, заворачивая то в одну, то в другую сторону. Скоро лес стал смешанным, а потом сосны и вовсе исчезли.

— О, олениха, — Стас ткнул пальцем в окно.

— Где? Где? — заинтересовалась Ника.

— Проехали уже. Надо было смотреть.

— Стас, заткнись, — беззлобно сказал Антон. Все-таки отличный у нас тьютор.

— Как прикажете.

Как ни странно, Стас действительно замолчал и не подавал голоса, даже когда мы уже ехали по дачному поселку. Машину трясло и мотало из стороны в сторону. Антон скрипел зубами.

— Ну что за дороги у вас...

— Ну извини, не красная ковровая дорожка, — огрызнулся я.

Он замолчал и больше не поднимал эту тему.

Наконец мы затормозили возле нашего участка. Деревья торчали коричневыми уродцами, веранду обвивали сухие стебли винограда, похожие на заморенных голодом змей. Лавочка за зиму облупилась, и сквозь слой более новой синей краски проглядывало коричневое нутро.

Мне стало не по себе. Дача выглядела мертвой. Даже четыре голубых ели, рядом выстроившихся вдоль белой стены нашего домика, не исправляли ситуацию.

Папин внедорожник стоял за воротами. В салоне было пусто. Я плюнул и побежал к дому. Позади топал Антон.

Я рванул на себя дверь, но ее заело: наверное, разбухла за зиму, и ручка едва не осталась у меня в руке. Я дернул еще раз, еще — и она наконец открылась. В комнате было пусто. Диваны и кресло накрыты полиэтиленом. На длинном узком столе посередине комнаты стояла кружка с водой.

— Пап? — я заглянул в спальню — маленькую квадратную комнату, почти всё пространство которой занимала кровать: она тоже была покрыта полиэтиленовым чехлом — больше от мышей, чем от пыли. Я на всякий случай перегнулся через кровать — на полу никого не было.

— Влад! — послышался голос Ники.

Я выскочил из спальни. Ника стояла наверху лестницы, ведущей на чердак.

Когда я был маленьким, мама ненавидела эту лестницу, потому что та была очень крутой. Мама постоянно ворчала, что я непременно сломаю себе

шею, и запрещала мне лазать на чердак. Но я, разумеется, всё равно постоянно лазал, а один раз даже загремел со ступенек, рассадив себе весь бок. Чтобы не выдать истинные обстоятельства своих ранений, я тут же инсценировал полет с крыльца на глазах у мамы. При этом расшиб вторую коленку. Папа потом старательно поливал мне раны перекисью. Очень хотелось плакать — мне было-то тогда лет семь или восемь, — но я молчал как партизан. Мама дула мне на ссадины, гладила по голове. Думаю, она так и не догадалась, откуда я на самом деле загремел. Иначе, наверное, заставила бы папу запереть чердак.

Я увидел папу не сразу. Он сидел на полу возле чердачного окна, прислонившись к стене. Глаза у него были закрыты. Рядом на полу валялась его сумка.

Бежать, бежать, обратно по лестнице! И пусть я скачусь с нее и переломаю себе шею, лишь бы не пришлось сейчас дотронуться до папиной руки и почувствовать, что она уже холодная... Но рядом стояла Ника, позади уже пыхтел Антон, а где-то там был Стас. Я, не дыша, сделал шаг вперед.

Папа негромко застонал и приоткрыл глаза. Если меня когда-нибудь, лет через двадцать, спросят,

каким был самый счастливый момент в моей жизни, я скажу, что этот. Когда папа открыл глаза.

— Влад! — он попытался приподняться, но тут же прижал руку к груди и поморщился.

— Пап, ты как? — я присел рядом с ним.

Он тяжело дышал, как будто только что закончил пробежку.

— Больно... Сердце... И... — он едва заметно махнул рукой, — в лопатку отдает...

Рядом опустил на корточки Антон.

— Так, лягушатники. Не кипешить. Аптечка есть?

— Нет, еще не привезли, — растерялся я. — Мы на дачу обычно в апреле первый раз приезжаем.

— Ясно. Ладно, гляну, что в машине есть, — Антон тенью ускользнул с чердака. Ника стояла поодаль, закусив губу.

— С-с-спасибо, что приехал, — просипел папа. — Мама... бабушка нашлась?

— Не могла же она сквозь землю провалиться, — уклончиво ответил я и тут же вспомнил о колоде. Что бы я ему сказал, если бы бабушка действительно свалилась вниз?

Пальто я запихнул себе в рюкзак.

Рюкзак! Тут меня как током ударило. Я скинул его на пол и рванул молнию. Я же совсем забыл о своей экстренной аптечке!

Я вытряхнул на колени содержимое внутреннего кармана. Должно же быть... Вот!

— Ник, принеси воды! Вот, держи аспирин. А эту под язык — нитроглицерин.

Папа, как маленький, послушно открыл рот. Он был какой-то растерянный, испуганный.

— У него сердечный приступ? — уточнил Стас.

— Ну не эпилептический же. Стенокардия, наверное. Или...

Я не стал говорить это вслух. Но мысленно произнес. Инфаркт.

— Вызывай скорую, — новый приказ предназначался Нике, примчавшейся с кружкой. — Только тут плохо ловит, — подсказал я ей. — Попробуй возле туалета.

Она кивнула и поспешила вниз.

— Я вообще-то еще давным-давно предлагал, — пробухтел Стас. Он наполовину торчал из люка, ведущего на чердак.

Вернулся Антон и сообщил, что ничего не нашел. Одобрительно хмыкнул, увидев упаковки от лекарств.

— Откуда?

— В рюкзаке было.

— Вот это у тебя залежи. А чего сразу не сказал? — он наклонился к папе. — У вас уже такое было?

Папа помотал головой.

— Хорошо. Так, ну теперь ждем, пока подействуют лекарства. И врачей, — Антон сел напротив папы, прислонившись к стене. — Я не повезу его по такой дороге. Тут, блин, у здорового человека все внутренности перемешаются.

— А мне что делать? — спросил я.

— Ну, станцуй, чтобы нам веселее было. Или спой. Только анекдоты не рассказывай.

— Почему?

— Ему смеяться нельзя, — кивнул он на папу.

Папа попытался улыбнуться.

— Сейчас маме позвоню, — я потянулся за телефоном.

— Не надо, — папа мотнул головой. — Она и так сегодня вся на нервах... Я... — он помолчал. Видно было, что ему тяжело говорить. — Я, кажется, недооценил... бабушкины симптомы. С ней всё хорошо?

— Угу, — соврал я.

— Хорошо, — он прикрыл глаза и так долго молчал, что я уже начал волноваться. Наконец он сказал: — Мне уже лучше. Думаю, еще минут пять, и можно ехать...

— Пап!

— Вы, наверное, еще за руль сядете? — поинтересовался Антон.

— Я... Ну... Я же не могу бросить машину, — неуверенно сказал папа.

Антон закатил глаза.

— Иногда мне даже хочется быть таким уверенным в своих силах.

— Могу дать консультацию, — папа снова улыбнулся. — Только, уж простите, не сегодня.

Я никогда не понимал, как можно плакать, читая новости о совершенно посторонних людях. Например, что какой-то младенец вывалился из окна. Или что автобус протаранил на полной скорости грузовик. Или бабушка провалилась в люк. Нет, я не гранитный — мне тоже бывает не по себе от подобных сообщений. Но чтобы прям рыдать... Мне кажется, у таких людей напрочь отсутствует инстинкт самосохранения, раз они свою психику не жалеют.

Я вообще не из слезливых. Обычно там, где надо расстраиваться, я злюсь. Вот и сейчас злился.

На папу, потому что не мог понять, зачем ему понадобилось ехать на дачу. Не думал же он в самом деле, что бабушка здесь? Дачные автобусы еще не запустили, а таксисты не повезут семидесятилетнюю бабульку за красивые глазки. Предположим, бабушка угнала машину...

Я вздохнул. На самом деле больше я злился на себя. Ужасно злился. Гораздо больше, чем на отца. Это из-за меня бабушка потерялась. Я не смог ее найти. И сейчас вру отцу в глаза, лишь бы не потерять уже его.

— Влад...

— Да, пап? — я присел рядом с ним. — Прости.

— Что? Не... — папа сдвинул брови. — Возьми мою сумку. Вот она... Там... — он сглотнул. — В общем, поосторожнее, не кидай. Она и так уже...

Я ничего не понял, но сумку подобрал и повесил через плечо.

Скорая приехала через двадцать минут. Всю обратную дорогу водитель ругался на размер и количество выбоин на дороге.

— Зачем вы поехали туда? — фельдшер, приятная полная женщина с рыжими кудрями, заполняла бумаги на коленке. — Вроде не сезон еще.

— По делу, — коротко отозвался папа. Его попросили лечь, но он был уже не таким бледным и дышал заметно легче.

— Ну, по делу так по делу, — пожала она плечами и спрашивать дальше не стала. — Надеюсь, это было действительно важное дело.

В больнице мы провели часа два. Заместителем главного врача в ней работал старый папин приятель, так что нас обслужили практически по вип-программе.

У папы оказался приступ стенокардии. Кардиолог — лысый мужчина с орлиным носом — долго собирал губы в трубочку то справа, то слева, выслушивая папино сердце. Двигал бровями — отдельно правой и левой. Потом рассматривал ленту кардиограммы — как ни странно, уже без лицевой гимнастики. И наконец коротко сказал:

— Не инфаркт.

Машина осталась на даче, поэтому нам пришлось вызывать такси до дома. Папа сначала так настойчиво собирался вернуться за своим рено, что мне пришлось пустить в ход запрещенное оружие — я пригрозил позвонить маме. После этого он сдался.

Мы уже подъезжали, а я так и не решился сказать отцу, что бабушка до сих пор не нашлась. Надо было говорить, когда мы еще сидели в кардиоотделении. Наконец я разлепил губы.

— Пап.

Запищал телефон. Сашка.

— Да?

Но мне ответил почему-то женский голос.

— Влад. Это Агния. У меня телефон сел, а тут рядом оказался Саша и...

— Ну! — не выдержал я.

— Я ее нашла. Твою бабушку. Она уже дома.

Я закрыл глаза. Кажется, нашей семье грозило самое эпичное воссоединение.

Позвонила мама. Она рыдала и смеялась. Потом трубкой завладела бабушка. Она с ходу набросилась на меня, как будто это меня разыскивали полдня по всему микрорайону.

— Давайте-давайте, руки в ноги и домой... — бухтела она. — Трубку-то ему передай.

Я передал.

Судя по долетавшим отголоскам разговора, бабушка мгновенно сменила интонацию с бухтящей на воркующую. Папа слушал и только поддакивал. Ругать ее за уход из дома у него, видимо, не было никаких сил, а возможно, и желания.

Когда лифт открыл двери на нашем этаже, мама уже стояла в дверях. Наверное, высматривала нас в окно. Она так и не переоделась. Глаза у нее были красные. Она повисла на шее у папы.

— Как ты? Прости меня, прости, прости.

Мама вечно просит прощения, а папа говорит: «Не переживай». Это уже семейная тра-

диция. Но в этот раз папа решил ее нарушить. Он сграбастал маму, как медведь гризли, и прижал ее к себе. Мне показалось, что он сам сейчас расплчется.

— Всё хорошо, — наконец сказал он и погладил ее по голове. — Всё хорошо. Не переживай.

А нет, традиционная часть тоже осталась.

Потом они наконец-то вспомнили обо мне, и мы все зашли в квартиру. В коридоре, прислонившись к стене, стояла бабушка. Я мысленно отметил, что она уже в другом халате — зеленом с розовыми цветами. Видимо, после этого сумасшедшего дня они с мамой все-таки сумели найти компромисс. Взгляд у нее был слегка затуманенный. Как будто она смотрела на нас через мутное стекло или полиэтиленовую пленку и всё пыталась понять, что за знаки ей подадут.

— Вот, — мама с гордостью показала на бабушку, как если бы та была младенцем, впервые вставшим на ноги. — Жива, здорова.

Папа весь как-то засуетился, начал хлопать себя по бокам.

— Кажется, я забыл свою сумку...

— Держи.

Папа покопался в ней и вытащил сверток неправильной формы. Он развернул ткань. Внутри

оказалась статуэтка — собачка. Папа осторожно протянул ее бабушке.

— Вот, мам. Я нашел.

Бабушка будто проснулась. Невидимое стекло исчезло. Она во все глаза смотрела на фарфоровую собаку в руках у папы. Руки ее задрожали.

— Пудель, — наконец выдохнула она. — Витин.

Мама недоуменно переводила взгляд с папы на бабушку и обратно. Она явно ничего не понимала. А я сразу догадался, что это тот самый пудель, про которого мне рассказывала бабушка. Который не достался мифической Ниночке. Значит, я угадал и статуэтка все-таки была на даче. Неужели папа поехал специально за ней?

Бабушка бережно взяла пуделя из папиных рук. Она поднесла собаку к глазам и неожиданно поцеловала в нос, как живую. Я улыбнулся и взглянул на папу. Он почему-то выглядел озабоченно.

— У него кусочек хвоста отвалился, — негромко заметил он. — Я могу попробовать подклеить, — он протянул руку к пуделю, но бабушка замотала головой и плотно прижала статуэтку к груди.

— Спасибо, — она подняла на папу сияющие глаза, в уголках которых стояли слезы. — Это такая память... Подарок от мужа!

— Я знаю, — кивнул папа.

— Хороший был человек. Я его очень любила, двоих детей нажили. Спасибо, — бабушка нежно погладила пуделя по обломку хвоста. — Я... — она вдруг засмузилась и опустила глаза.

— Да? Вы что-то хотели спросить? — вмешалась мама, подхватывая бабушку под локоток.

— Да, милая, — кивнула бабушка. Она показала на папу. — Не подскажешь мне, кто этот любезный мужчина?

Агния

-Вой-то какой подняли, — дядька с тщательно зачесанными на лысину светлыми волосами неприязненно покосился на меня. — Я ведь вас даже не задел! Скоро начнут в суд вызывать, если криво посмотрел. Верно я говорю?

Я на всякий случай сделала шаг назад. Мне показалось, что он пьян, хотя спиртным от него не пахло.

— Вы сбили мою собаку, — напомнила я.

— А чего она под колеса бросилась? — дядька пожал плечами.

Я раздумывала, стоит ли ответить или лучше гордо промолчать, но тут вернулись папа с адвокатом. Дядька сразу присмирел, со мной больше не разговаривал и вообще смотрел в другую сторону.

После заседания меня слегка потряхивало. Дядька злобно зыркнул на нас с папой, буркнул, что будет обжаловать приговор, и вылетел из зала суда, чуть не прищемив по дороге дверью худенькую девушку-секретаря.

Я достала телефон. Один пропущенный и три сообщения. От Сашки. Я перезвонила.

— Ну как? — вместо приветствия закричал он.

— Лишение прав на полтора года.

— Мало! Я бы пожизненно отнимал.

— Он же не меня сбил.

— А если бы тебя?

— Вот как меня собьет, будешь меня лечить...

— Вот и шуточки на грани подоспели. Слушай, насчет Сая...

* * *

Когда я поняла, что старушка на лавочке — потевшая бабушка Влада, хотела тут же позвонить ему. Но оказалось, что телефон от холода разрядился. Кто вообще придумал такие телефоны в России продавать? Его в валенки или под ушанку, что ли, прятать надо, в потайные карманы?

В конце концов я решила отвести бабушку к себе домой, чтобы она хотя бы немного погрелась,

а я подзарядила телефон. Она согласилась сразу. Наверное, просто замерзла, не знаю. Расспрашивала, есть ли у меня овсяное печенье к чаю. Обрадовалась, когда я предупредила ее, что у нас дома собака, и начала что-то рассказывать о пуделе. Вроде бы он был у нее когда-то давно, но куда делся, я так и не поняла. Кажется, на дачу отвезли несколько лет назад, но она с такой любовью о нем говорила... Я, наверное, что-то не так поняла.

На полпути к моему дому мы наткнулись на Сашку. Он тут же стащил с себя куртку и накинул бабушке на плечи.

Еще и обнял меня зачем-то. В последний раз меня обнимали года три назад — если это можно считать объятием. На школьной дискотеке Женька Черников пригласил на танец и вцепился как клещ в мою талию. Хорошо, что решился он только посередине песни.

Сашка знал адрес Влада, и мы повели туда бабушку. Нам открыла дверь заплаканная женщина — видимо, мама Влада.

— Лидия Васильевна! — она кинулась к нашей бабушке на шею.

Та выглядела растерянной.

— Любочка, ты чего? Я погулять вышла. Почему ты плачешь?

— Мы думали, вы из дома ушли! — женщина прижимала бабушку к себе, а та осторожно пыталась освободиться.

— Зачем мне из дома уходить? Я просто погулять хотела. Только дорогу немного потеряла... Но мне помогла эта милая особа с цветными волосами. А потом прибежал этот юноша, — она указала на Сашку, — и привел меня домой. Да чего ты плачешь-то? — бабушка начала сердиться.

— Я думала, вы на меня обиделись! — ревела Любочка. — И поэтому ушли!

— На что? — растерянно спросила бабушка. Она пожала плечами и направилась в одну из комнат.

Женщина кинулась за ней, оставив нас стоять в коридоре.

— Нет, нет, Лидия Васильевна! Вам надо в ванную! Вы же совсем замерзли, наверное! Где ваше пальто? Саша, где ее пальто?

— Долгая история...

— Лидия Васильевна! Ванная! Ой, а что делают тапочки в стиральной машинке?

Оказалось, эта бабушка раньше жила в том доме, возле которого я ее нашла, но сейчас квартира там сдается. Но она об этом, похоже, забыла.

Мы расстались с Сашкой. Я оказалась в каком-то странном состоянии. Как в вакууме. Мои переживания отошли на второй план. Впрочем, героиней я себя тоже не чувствовала. Всё равно рано или поздно пропавшую бабушку решили бы искать здесь. Я просто оказалась там первой — повезло.

В руках у меня по-прежнему был букет для мамы. Ирисы и эустомы.

До этого я дарила цветы маме всего один раз. Нет, разумеется, еще раз двадцать букет покупал папа и вручал мне со словами: «Иди поздравь маму». Но самостоятельно я покупала цветы только однажды. Зимой.

Я тогда ходила еще в пятый или шестой класс. Оставалось несколько дней до Нового года, валил снег, и мне позарез потребовалось купить три белых розы. Если бы у меня было больше денег, может, я купила бы штук пятнадцать, но, в конце концов, три — тоже неплохо. Я представляла, как хлопья снега будут красиво опускаться на цветы, но продавщица завернула розы в несколько слоев газетной бумаги, чтобы они не замерзли.

Уже в подъезде я сорвала бумагу, освободила розы и, невероятно гордая собой, позвонила

в дверь. Мне тогда крепко досталось за то, что я шла без шапки...

И вот я снова с букетом стою перед нашей входной дверью. Несколько мгновений я колебалась, открыть ли дверь своим ключом или позвонить, и выбрала второе. Никто не открыл. Наверное, не слышат. Я еще раз нажала на кнопку. Может, мама в ванной?

Пришлось лезть за ключом. Дома было пусто. Я заглянула в темную ванную комнату, на кухню, в спальню. И тут меня как будто подбросило. Сай меня не встречал!

— Сай! — осторожно позвала я.

Тишина.

Через три минуты я убедилась, что Сая дома нет. Если, конечно, его не связали, не сунули в рот кляп и не запихнули на антресоль. Да и то, я уверена, в таком случае он сумел бы подать мне знак. Люди обычно слабо представляют, какими громкими могут быть собаки, даже если у них закрыта пасть.

Вариант, что мама пошла выгуливать его, я даже не рассматривала. Во-первых, я только что с ним гуляла, а во-вторых, мама и с Цацей никогда не выходила на улицу. Она говорила, что для этого есть мы с папой, а она будет кормить и гладить.

В голове крутились самые жуткие варианты. Что, если Сай набросился на маму? Или после драки с Локи ему стало плохо, и он...

Я набрала мамин номер и уже приготовилась к тому, что она не возьмет трубку. Но мама ответила уже после второго гудка.

— Мам, Сай с тобой?

— Да.

— А вы где?

— У ветеринара. Агния, мне звонила мама Мадины...

Слова застряли у меня в горле. Нет, нет, нет!

— Мам, но ты же его не...

Мама, как ни странно, меня поняла. Она только сказала:

— Дурочка. Я перезвоню, сейчас неудобно говорить.

Я вздохнула и пошла ставить цветы в вазу.

— Это компенсация за то, что мне пришлось вести вашу собаку к врачу? — мама сделала глоток чая. Сай сидел у нее в ногах и преданно смотрел снизу вверх. Предатель.

— Очень смешно, — скорчила гримасу я.

Конечно, мама не собиралась усыплять Сая, как придумал мой горячий мозг. Более того,

она даже разрулила всё с Мадинкиными родителями. «Еще неясно, кто начал, — нравоучительно заметила она. — Мы договорились, что вы не будете пока гулять вместе. С собаками, я имею в виду», — поспешила уточнить она.

Я кивнула. Хотя сейчас мне не слишком хотелось видеть Мадину даже без Локи.

Еще оказалось, мама знает, что Сай воет дома.

Я уставилась на нее.

— Ты в курсе?

— Как и весь подъезд, — она вздохнула.

Вот сейчас мама скажет, что это слишком сложный случай, снова увезет в ветеринарку и отдаст тому долговязому врачу...

— Ну что ж, с ним будет непросто, — мама закусилла нижнюю губу, а потом снова отхлебнула чая. — Но, я думаю, мы справимся.

— Мне кажется, что это безнадежно, — призналась я. — Его невозможно оставить одного.

Мама посмотрела на цветы.

— Я думаю, ты пока еще мало что знаешь о безнадежности. И это точно не тот случай.

Она помолчала.

— Знаешь, я думаю, надо всегда просто делать то, что в твоих силах. Не геройствовать, не выжимать себя до капли, а делать то, что можешь.

И если не можешь — честно себе в этом признаваться. И останавливаться. На день, на неделю. Или навсегда.

Мне показалось, что мама говорит не только про Сая.

— Кстати, я ухожу в отпуск со следующей недели, — как бы между прочим заметила она.

— Из-за Сая? — восхитилась я.

Мама рассмеялась.

— Я не настолько его люблю. Но, знаешь, пожалуйста, и из-за него тоже.

А потом позвонил Саша. Сказал, что взял мой номер у Влада. У Сашки оказался какой-то знакомый ветеринар, а еще тетя-кинолог.

— Чтобы ты знала, как себя вести, если это опять повторится, — пояснил он. — Он только оборонялся, но вдруг после этого...

— Оборонялся?

— Ну да. Лабр вообще-то первым начал. Но они оба хороши. Суть не в этом. Твой буль теперь может начать швыряться именно на лабров. А возможно — вообще на всех. Словом, не тяни. Я тебе пришлю ее номер.

— Ее не Светлана зовут? — с подозрением спросила я.

— Э-э-э... Анна Васильевна. А что?

— Ничего. Спасибо. А... проблемы с поведением дома она решает? — решила уточнить я.

— Она всё решает. Но это не волшебство, а работа. Если врач просто выдаст список лекарств, это не поможет.

— Нужно будет их принимать? — засмеялась я.

— Именно! Ты удивишься, сколько людей считают, что после визита к врачу они автоматически исцелятся, а лекарства можно покупать или нет по желанию!

Мы еще немного поболтали, а на следующий день он снова позвонил. Но я не взяла трубку.

Я как раз шла из школы, и меня слегка потряхивало. Говорить ни с кем не хотелось.

Когда я утром влетела в класс, как всегда едва не опоздав, все глаза устремились на меня. Я посмотрела на ноги — нет, юбка не задралась. Как бы невзначай пригладила волосы. Потом поймала взгляд Джаневры, которая дернула головой куда-то в сторону. Я посмотрела в том направлении и среди множества глаз наткнулась на опущенную голову Мадины.

Тут в класс, стуча каблучками, влетела наша молоденькая математичка и объявила, что сейчас будет новая тема. Время до звонка тянулось бесконечно. Я не поняла и половины из ее объяснений,

судорожно пытаюсь сообразить, чем я привлекла всеобщее внимание.

Ну да, я не была всеобщим любимчиком в классе. Но ко мне никогда особенно не лезли. Называли Барто, но как-то без злобы. Я не обижалась. А сейчас что-то было не так. Я прижала кулак к груди, чтобы посчитать удары пульса, — сердце колотилось как на стометровке.

Следующим уроком тоже была математика. Мы оставались в этом же кабинете. Математичка куда-то ускакала сразу после звонка на перемену, и ко мне подошла Мадина в сопровождении трех девчонок: Оли Белокопытовой и обеих Лиз Кузнецовых.

Любопытно. Раньше они вроде бы почти не общались. Остальной класс как бы невзначай повернул головы в нашу сторону. Как чайки, завидевшие туриста с бутербродом.

— Агния, Мадина нам всё рассказала. Нам кажется, тебе стоит оплатить ей услуги ветеринара, — негромко, но уверенно сообщила одна из Лиз — Константиновна. Вторая — Витальевна — как бы случайно наступила ногой на мою сумку.

Я посмотрела на Мадину. Та тут же отвела глаза и уставилась на мои руки, словно боялась, что я кинусь ее душить.

— Бойтесь, Мадинка вас покусает? — хохотнул Васим со своего места. — Ей надо уколы от бешенства сделать?

Я внутренне порадовалась, что он никуда не ушел.

— Не смешно, Мансуров, — встряла Оля. — Ее чокнутый (она сказала другое слово) бультерьер покусал Мадинкиного Локи, и ему пришлось накладывать швы.

— Саю тоже пришлось, — заметила я.

— Его надо было усыпить, — вдруг сказала Мадина, продолжая рассматривать мои руки с какой-то ненавистью.

— Что? — я в ужасе посмотрела на нее.

— Это вообще ущербная порода, — зло заговорила она. — Ненормальная. Их для травли быков использовали раньше! Они по природе своей убийцы!

— Быков бульдоги травили, — снова вмешался Васим. — А травлей тут, кажется, занимаешься только ты.

— Какая разница! Этих тоже надо усыпить! — почти крикнула она. — Локи теперь приходится уколы делать! Ты представляешь, что он пережил?

Над Мадинкой вдруг нависла чья-то тень. Это был Лёнька, наш двухметровый волейболист.

— Ну, допустим, у меня бульдог, — лениво говорил он. — Лично усыплять будешь?

Мадина снизу вверх посмотрела на него. Потом вздернула подбородок.

— Да, — неожиданно пискнула она.

Лёня сложил руки на груди.

— Адрес дать?

Говорил он вроде бы миролюбивым тоном, но Оля Белокопытова попятилась.

— У моей тети французский бульдог — Кеша, он милый, — она сделала шаг назад. — А вообще, мне бультерьеры нравятся. Они на Ричарда Гира похожи.

— Ее Локи на нашу кошку набросился месяц назад, — это говорила Таня Свинина. Она недовольно смотрела на Мадину со спутницами. — Мадин, не хочешь мне моральный ущерб выплатить?

— Ну подрались собаки, что за истерики? Наш Джай в деревне каждой тамошней шавке накрутил хвост, — это был уже Миша Гурин. Он сидел на парте и болтал ногами.

Класс зашумел. Одни обсуждали, где взять щенка корги за тысячу рублей, другие спорили, что делать, если сосед выгуливает ротвейлера без поводка, третьи — о боже! — просили меня познакомить их с Саем.

Кузнецовы и Белокопытова бочком-бочком отошли от моего стола и сделали вид, что их совершенно не интересуют какие-то там собаки. Мадинка осталась. Хотела еще что-то сказать. Потом вдруг губы ее задрожали, и, оттолкнув Лёню, она выбежала из класса.

Я через силу улыбнулась Васиму.

— Всё нормально, Барто? — он улыбнулся в ответ.

— Да, всё хорошо.

Самое ужасное — я понимаю ее. Своя собака — это нечто особенное, драгоценное. За свою собаку готов порвать. Я ее понимаю.

Сашка позвонил еще раз — вечером. Мы проговорили почти час.

* * *

И вот три недели спустя я выходила из здания суда.

— Слушай, насчет Сая...

— Он не воет уже третий день. Анна Васильевна говорит, может быть откат, но пока всё хорошо.

Курс успокоительных заканчиваем.

— Сама пьешь?

— Бе-бе-бе.

— Сегодня увидимся?

— Думаю, да. У тебя есть время?

— Есть, — уверенно сказал он. — Кстати, ты не против, если придут Влад с девушкой?

— Не против. Как он там? — осторожно спросила я.

— Ну, бабушка из дома больше не уходила. Но она на днях от них переехала — обратно, к тете Влада. Правда, там какая-то непростая ситуация, дочка этой тети вроде как психанула и на съемную сбежала. Так что теперь ищут сиделку.

— Сань, изобрети лекарство от всего этого, а?

— Не, это к Стасу, — серьезно ответил он. — Думаю, он таки в фармацевтику уйдет. Ладно, значит, до вечера?

— До вечера!

Апрель в этом году долго притворялся зимой, даже пара снегопадов прошла. Но наконец установилась стабильно теплая погода. На деревьях стали появляться первые пугливые почки. Разом, как по команде, вылезла новенькая трава.

Да, куртку со сломанным замком я выкинула. Она и так уже пообтерлась на рукавах. Папе на работе дали премию, и мне купили новую — ярко-красную. Теперь меня хорошо видно. Даже Джаневра с ее зрением за сто метров кричит: «Приве-ет!» Правда, в этой куртке уже жарко.

Была суббота. По небу скользили сероватые облака, притворяющиеся тучами. Мы в первый раз за сезон выехали на дачу, чтобы расконсервировать ее после зимы. Убрать отраву от мышей. Очистить дом от пыли и паутины. Проверить, ничего ли не пропало из погреба с инструментами. Похоронить Цацу.

Сай носился по участку не разбирая дороги: пока можно, мы еще ничего не сажали. Мы с родителями стояли под вишней, что росла за дачным домиком. Папа положил в выкопанную яму небольшую коробочку — размером примерно с пачку из-под сока. Мы помолчали.

Хотелось произнести речь, как в американских фильмах, но я подумала, что это слишком высокопарно и папа будет смеяться. Я ждала, что он что-то скажет, но он молча засыпал ямку, чуть-чуть притоптал землю сверху и ушел курить.

Мама, чуть задержавшись, пошла за ним. Отпуск пошел ей на пользу. Она посвежела, похорошела, наконец выпалась. Сходила на несколько занятий конным спортом — этого мы с папой от нее не ожидали. И уже успела соскучиться по работе.

Надо почаще покупать ей цветы. Поговорю об этом с папой.

Литературно-художественное издание
Для среднего и старшего школьного возраста
Маркировка согласно Федеральному закону № 436-ФЗ: 12 +

БУТЕНКО Ирина Николаевна

Сломанная собачка

Автор обложки Анна Панкратова

Генеральный директор Наталья Эйхвальд

Главный редактор Анна Осташевская

Ведущий редактор Ольга Степанянц

Технический редактор Лина Сон

Литературный редактор Жанна Журавлева

Художественное оформление **Алена Преснякова**

Верстка Александр Колпаков

Корректоры Надежда Власенко, Евгения Якимова

ООО «Издательский дом «Пять четвертей»
115419, Москва, 2-й Рощинский проезд, дом 8, строение 4
fivequarters.publishing@gmail.com

Ищите нас в социальных сетях:

По всем вопросам, связанным с приобретением книг издательства,
обращаться в ТФ «Лабиринт»:
8 (495) 780-00-98; www.labyrinth.org

Подписано в печать 29.04.2021.
Формат издания 60×90/16 (140×210 мм).
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15.
Тираж 4000 экз.

Произведено в РФ. Дата изготовления 15.06.2021.

Срок годности не ограничен.

Заказ № 2106260

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Россия, Ярославль, ул. Свободы, 97

